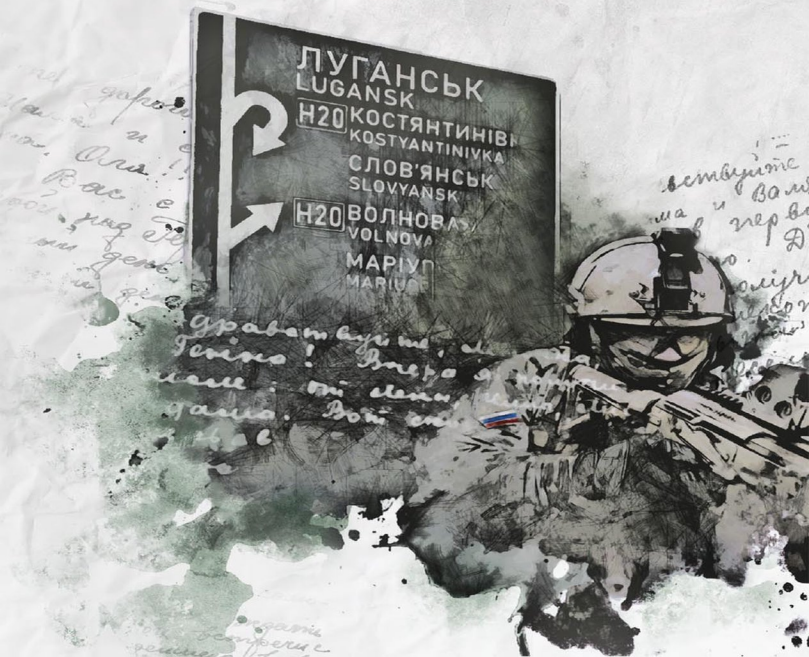
ОЛЕГ РОЙ

Неотправленные письма

Роман-онлайн



Неотправленные письма

Олег Юрьевич Рой

Аннотация
Олег Юрьевич Рой. Неотправленные письма. Роман-онлайн
Пролог
Часть 1. Война на горизонте
  Глава 1. Письмо сыну
  Глава 2. Помощь близких
  Глава 3. Письмо учителя
Часть 2. В воздухе пахнет грозой
  Глава 4. Берег боли
  Глава 5. Стучащему откроется
  Глава 6. Письмо поисковика
  Глава 7. Когда надвигается буря
Часть 3. Грозовая ночь
  Глава 8. Пробуждение
  Глава 9. Письмо незнакомке
  Глава 10. Сон в руку
  Глава 11. Письмо к матери
Часть 4. Человек из ниоткуда
  Глава 12. Вечная тишина
  Глава 13. Домашний уют
  Глава 14. Письмо побратиму

Глава 15. Неизвестный из ниоткуда
Часть 5. Тени сгущаются
Глава 16. Неслучайные встречи
Глава 17. Письмо врача
Глава 18. Как приходят добрые вести
Глава 19. Письмо жене
Часть 6. Самая длинная ночь
Глава 20. Неслучайные встречи продолжаются
Глава 21. Звонок мамы
Глава 22. Письмо дочери
Глава 23. Удар
Часть 7. На круги своя
Глава 24. Письмо военнопленного
Глава 25. В тихий омут буйной головой
Эпилог
Весточки на фронт
Письмо первое
Письмо второе
Письмо третье
Письмо четвёртое
Письмо пятое
Письмо шестое
Письмо седьмое
Письмо восьмое
Письмо девятое
Письмо десятое

Письмо одиннадцатое
Письмо двенадцатое
Письмо тринадцатое
Письмо четырнадцатое
Письмо пятнадцатое
Письмо шестнадцатое
Письмо семнадцатое
Письмо восемнадцатое
Письмо девятнадцатое
Письмо двадцатое
Письмо двадцать первое
Письмо двадцать второе

Аннотация

Одиннадцать солдатских писем оказались в руках женщины-почтальона, которая должна прочитать их, чтобы отправить адресатам.

Одиннадцать солдатских судеб переплетаются с судьбами главной героини, ее мужа, главврача военного госпиталя, их детей, сотрудников, односельчан…

…и молодой девушки, потерявшей будущее, спасая ребенка от мины-ловушки…

…и таинственного человека без имени, за которым охотятся украинские нацисты.

Олег Юрьевич Рой Неотправленные письма. Роман-онлайн

© Рой О., 2024
© ООО Издательство «Вече», 2024

Пролог

Ее зовут Мария. Ей двадцать четыре года. Она — студентка Донецкой музыкальной академии. Красивая, стройная, как тростинка, с длинными, тонкими пальцами, словно созданными для того, чтобы нажимать клавиши рояля. У нее большие зелёные глаза и очень темные, цыганские волосы, собранные в аккуратный пучок на затылке.

Ей всего двадцать четыре, но на пианино, а теперь — на фортепиано она играет с шести лет. И даже война, которую Украина развязала против Донецкой и Луганской республик, не помешала ей стать лауреатом нескольких международных конкурсов. Наверняка она достигла бы и большего, но некоторые площадки просто не пускают исполнителей из непризнанных республик. Почему? Почему музыка, высокое искусство, вдруг стала заложником политики? Почему старушка Европа вдруг больше полюбила гортанные и грубые бандеровские марши, чем классическую музыку — Чайковского, Рахманинова, Мусоргского?

В этом мире слишком много таких вопросов, на

которые никто не может дать ответ.

Ей всего двадцать четыре, но огромные концертные залы замирают, когда ее руки ложатся на клавиши огромного фортепиано. Миг — и они взмывают над ними, а вместе с их полётом рождается потрясающе красивая музыка. Не всё определяют ноты; одно и то же произведение разные исполнители сыграют по-разному. Музыка Марии похожа на волшебство, словно эльфы и феи ткут из невидимого золота и серебра легковесный узор потрясающей красоты. И те, кто видят её тонкие пальцы над клавишами рояля, поражаются тому, как их движения синхронны этому фантастическому узору звуков.

Её зовут Мария, она любит родной город. Ей тысячу раз предлагали уехать — в безопасные Москву и Петербург, в некогда легендарные, но потерявшие свой блеск, Париж, Вену, Лондон, даже за океан. Маша не согласилась, а от переезда за границу просто отказалась. Она любит Донецк, она не собирается бросать его.

Маша выступала на самых известных мировых площадках, но с большей охотой она даёт концерты в школах и клубах Донбасса. Она ездит по ДНР и ЛНР и играет на расстроенных пианино и фортепиано — не за деньги. Для них. Для тех,

у кого война украла детство. Для того чтобы почерневшие от войны детские глазки загорались солнечными лучиками, а лица освещались нежными улыбками.

Сегодня её пригласили в крохотный город Забойск. Этот город совсем небольшой, пять или семь улиц, не считая переулков, но здесь есть свой Дом культуры, а в нём — неплохой рояль, оставшийся с советских времен. Забойск совсем рядом от «линии соприкосновения», и накануне его обстреляли «Градами»[1], к счастью, без жертв и особенных разрушений — сработала ПВО[2], «Панцири»[3] перехватили большую часть ракет, другие ушли «в молоко». Марии предлагали не ехать или хотя бы перенести свою поездку…

— Снаряд два раза в одну воронку не попадает, — ответила девушка и улыбнулась той улыбкой, в которую были тайно влюблены все молодые ополченцы, посетившие её выступления…

Мария выступила с аншлагом — в Забойск на

---

[1] Примечания: 1
«Град» — реактивная система залпового огня.

[2] Примечания: 2
ПВО — противовоздушная оборона.

[3] Примечания: 3
«Панцирь» — зенитный ракетно-пушечный комплекс.

её концерт съехались даже жители окрестных деревень, а также персонал и некоторые раненые из эвакуационного госпиталя неподалёку. Узнав, что поблизости есть госпиталь, Мария после концерта встретилась с одним из его врачей, Сергеем Нисоновичем — вторым после главврача, оставшегося дежурить.

— Жаль, что у вас нет хотя бы пианино! — сказала девушка. — Я бы хотела выступить перед ранеными…

— Пианино-то у нас есть, — ответил Сергей Нисонович, — оно, правда, с одного боку прострелено, да и расстроено безбожно…

— Я играла и на худших инструментах, — заверила его Мария. — Может, мне к вам подъехать, скажем, завтра вечером?

На том и порешили. Поэтому Мария задержалась в Забойске, уведомив об этом руководство и родителей. Она переночевала в общежитии, в котором раньше жили рабочие завода горного оборудования. Днём за ней должны были прислать машину из госпиталя.

Мария проснулась рано, она вообще была «жаворонком». Позавтракав в местной столовой, она решила пройтись по Забойску, не отходя далеко от общежития, благо рядом был красивый парк

с высокими, старыми елями, бюстом Ленина, увитым плющом, и новой детской площадкой, которую, вероятно, сделал из дерева кто-то из местных. На площадке резвилась детвора, по аллейкам прогуливались несколько мамочек с колясками…

…Отчего-то Мария сразу обратила внимание на эту женщину. Молодая, не старше самой Марии, если не младше, она катила коляску, а рядом с ней крутился малыш лет трёх-четырёх. Юркий карапуз то и дело что-то приносил маме — веточку, камушек, цветок, сорванный на газоне, больше похожем на лужайку.

Маша почти поравнялась с женщиной — у той проснулся ребенок в коляске, и она стала его укачивать, тихо и мелодично что-то напевая. Второй ребенок отбежал в сторону и наклонился, рассматривая что-то в траве. Как будто кто-то невидимый подтолкнул Марию крылом, а может, сработал новый «рефлекс Донбасса» — Мария быстро шагнула к ребенку, который, присев на корточки, тянул руку к чему-то в высокой, сочной траве. Может быть, в Забойске такого еще не видели, но в Донецке знали уже очень хорошо, что это был за предмет…

«Лепесток». Крошечная мина-крылатка, кото-

рой снаряжают боевые части неуправляемых ракет. У взрослого человека взрыв такой мины под ногой отрывал ступню, а иногда — ногу до колена…

Трёхлетнего малыша он, скорее всего, убил бы. А ребенок уже накрыл мину ручкой, и Маше даже показалось, что она услышала щелчок, с которым взводится взрыватель…

Она бросилась вперед, осторожно оттолкнула малыша и накрыла мину рукой. Металлическая поверхность показалась ей тёплой. Подхватив мину снизу другой рукой, девушка развернулась спиной к ничего не понимающему ребенку, который сел на землю и начинал хныкать, моля Бога о том, чтобы успеть отбросить подальше ужасную находку, но, увы, не успела. Взрыва она не слышала, но увидела яркую вспышку, а потом все чувства разом отключила ужасная, всепоглощающая боль…

Часть 1. Война на горизонте

Глава 1. Письмо сыну

В семидесяти километрах от посёлка Русский Дол идут бои. Раньше линия фронта была намного ближе, и несколько полуразрушенных, сгоревших домов на западной окраине посёлка — безмолвные свидетели этого. Но в Русский Дол так и не вошли нацисты — ополченцы остановили попытку прорыва, а затем и отбросили врага от посёлка дальше на запад.

Семьдесят километров — это много или мало? Когда как. В посёлке налаживается мирная жизнь, хотя население его по сравнению с две тысячи четырнадцатым годом, когда переворот в Киеве поставил крест на мирной жизни Донбасса, сократилось чуть более чем вдвое. Как шутит Владимир Григорьевич Ясенецкий, главный врач местного эвакуационного госпиталя, остались одни гвардейцы. Эвакуационный госпиталь — это место, куда привозят тяжелораненых. Здесь их, как могут, латают и потом отправляют в тыл. Но у Владимира Григорьевича золотые руки — он очень многим раненым не просто оказал первую помощь, но и буквально вытащил с того света. Отвоевал у смерти.

Владимир Григорьевич родом не из Русского Дола, но те, кого он называет «гвардейцами», любят его и ценят. Половина этих «гвардейцев» приходят к Надежде Витальевне, жене Владимира Григорьевича, работающей заведующей почтовым отделением, за пенсией, которую они теперь получают в рублях. Еще два десятка босоногой гвардии бегают в коротких штанишках или платьицах или ходят с ранцами в школу, куда их по утрам увозит старый пазик[4], потому что своей школы в Русском Доле нет. Хотели построить — еще при Союзе, да так и не достроили — тридцать лет простояла кирпичная коробка на окраине Русского Дола, пока реактивный снаряд не довершил то, что со временем довершило бы время. Так что учиться ездит местная малышня в соседний Забойск, небольшой шахтерский городок, благо недалеко.

Взрослых мужчин в Русском Доле можно по пальцам одной руки пересчитать: во-первых, сам Владимир Григорьевич, на котором держится госпиталь. Его ассистент — приезжий врач Сергей Нисонович, пожилой и весь седой. Однорукий водитель и санитар Григорий, из казаков, — он

---

[4] Примечания: 4
ПАЗ — автобус производства Павловского автозавода.

и раненых возит с передовой в госпиталь и из госпиталя в тыл, и почту привозит, и пенсии с зарплатами, и продукты в местный магазин. У Григория нет руки по плечо — ампутировали зимой шестнадцатого, после ранения. Четвертый мужчина Русского Дола тоже инвалид, Дима, муж Галочки Озеровой, бывший ополченец. От близкого разрыва ослеп и оглох. Сейчас зрение на одном глазу немного восстановилось, а из России в составе гуманитарной помощи привезли хороший слуховой аппарат. Дима всё мечтает на фронт вернуться, он телом-то здоровый, как молодой бычок, не считая ушей и глаз, и ловок, как белка. Сейчас в Русском Доле на нём вся работа, которая женщинам не под силу.

А в семидесяти километрах от этого тихого поселка все так же идет война. Она не даёт забыть о себе — далёким гулом, мерцающим заревом разрывов на горизонте, которое видно каждую ночь, ранеными бойцами, которых то и дело подвозят в госпиталь или так, как в тот день, один из последних дней мая. День с утра выдался спокойным, даже канонада как будто стала тише — после освобождения Мариуполя нашими войсками прыти у нацистов поубавилось, да и со снарядами, говорят, стало куда хуже. Владимир

Григорьевич рано умчался в свой госпиталь на «буханке»[5] Гриши, младший сын Надежды Витальевны, четырнадцатилетний Вовка, уехал на пазике в Донецк писать ЕГЭ[6], а сама Надежда Витальевна, управив домашние дела, пошла на работу. К десяти должны были привезти почту и могли подвезти гуманитарную помощь, которую сельчанам тоже раздавала Надежда Витальевна.

Надежда сидела за старым, помнящим еще съезды КПСС[7], письменным столом, на котором громоздился такой же старый, постоянно виснущий компьютер с огромным электронно-лучевым монитором (такие уже давно выбрасывают на свалку или превращают в вазоны для цветов), и читала книгу, взятую ей в библиотеке её подруги Кати. Читалось плохо — Надежда Витальевна думала о старшем сыне, Виталике, который воевал в ополчении[8]. От Виталика давно не было весточек, хотя муж Надежды справлялся по сво-

---

[5] Примечания: 5

Буханка (*жарг.*) — Полноприводный микроавтобус УАЗ-2207.

[6] Примечания: 6

ЕГЭ — Единый государственный экзамен.

[7] Примечания: 7

КПСС — Коммунистическая партия Советского союза.

[8] Примечания: 8

Ополчение — народная милиция Донецкой и Луганской народных республик.

им каналам и заверил жену, что ничего плохого с их сыном не случилось. Надежда верила мужу, но всё равно тревожилась.

Ещё не было девяти, когда за окном почты послышался звук подъезжающей машины. Конечно, почту никогда не привозили строго к десяти, но чаще всё-таки опаздывали, а не приезжали раньше. Немного удивившись, Надежда Витальевна пошла навстречу прибывшим, и в дверях почтового отделения едва не столкнулась с Гришей. В руке у Гриши был растрёпанный куль, который он бережно прижимал к груди.

— Ты как здесь? — удивилась Надежда. Потом встревожилась: — Что-то случилось?

Эта тревога поселилась в сердцах жителей Русского Дола восемь лет назад и не отлучалась от них ни на минуту. Любая перемена могла предвещать беду, любое известие могло быть трагическим. «Что-то случилось?» — самый частый вопрос в неглубоком тылу.

— Укроп по дороге вдарил с миномёту, — ответил Гришка. Он был родом донским казаком и говорил со своими, колоритными словечками. — По машинке фельдъегерей вдарил. Чтоб им там пусто было, видят же — не танк, не БМП, да и едет с фронту! Они и санитарные машины

обстреливают, черт бы их побрал!

— Как ребята? — с неослабевающей тревогой спросила Надежда.

— Та живы, слава богу, — ответил Гриша. У одного в боку осколочные, штук пять, но не опасные, у другого одно, но через весь лоб, юшкою всё залито и кабина в крови, будто порося кололи, прости господи. Ребят в госпиталь наш довезли, ладочком. А машинка их как решето вся, и… вот.

Он бухнул на стол свой куль и машинально вытер со лба пот. По столу, стоявшему в предбаннике специально, чтобы на него выкладывать большие пакеты, белым снегом рассыпались письма.

— У их-то и почты той один мешочек был, — добавил Гриша. — Осколок перепахал, вот, Григорич велел вам довезти. Говорит, переберёте и отправите по адресу. Правда, часть писем с конвертов повыпадали — конверты сами знаете какие, на сливовом клею. Что получится, Григорич сказал, запечатайте и тоже отправьте.

— Ишь, раскомандовался твой Григорьевич, — улыбнулась Надежда. На душе у неё отлегло: слава богу, никто не погиб, а осколочные до свадьбы заживут.

— Та какой он мой, раз он ваш? — отмахнулся

Гриша. — То я пойду, да? Мне еще дел на сегодня гора — надо бобик фельдъегерей глянуть, в смысле, можно его еще хоть как-то наладить или на запчасти растянуть.

— Беги, — разрешила Надежда, собирая рассыпанные по столу письма. — Григорьевичу привет передай.

— Если увижу, передам, — согласился Гриша. — Укроп в тыл не абы как бьёт, чует моё сердце, двинутся они к нам в гости. Наши их, ясное дело, приголубят, но до вечера трехсотых точно навезут…

* * *

Занеся тюк в помещение почты, Надежда выложила письма на стол и принялась сортировать. Запечатанные откладывала в одну стопочку, при этом помятые разглаживала, а раскрытые выкладывала на поверхность стола, вместе с предполагаемыми конвертами.

Надежда Витальевна понимала, что ей придётся читать чужие письма, для того чтобы установить адресата. Это немного её беспокоило, но она понимала, что по-другому не получится. Когда сортировка была завершена, Надежда убрала запечатанные конверты в ящик, где у нее

лежала корреспонденция для отправки — чаще всего этот ящик пустовал, но сегодня в нём едва хватило места. В наше время письма пишут нечасто. Зачем? Есть мобильная связь — хочешь — звони, хочешь — отправляй СМС, электронную почту или голосовые сообщения…

В Русском Доле мобильная связь пока действовала с перебоями — сказывалась близость к линии фронта. Там, на фронте, с этим было еще хуже, потому-то солдаты и писали письма, по старинке. Эти письма иногда попадали на почту Надежды Витальевны — но никогда в таком количестве, как сегодня. Сверившись с часами (было пятнадцать минут одиннадцатого, почтовая машина запаздывала, но это было, скорее, правило, чем исключение), Надежда подошла к столу, на котором было разложено одиннадцать расклеившихся конвертов и одиннадцать писем.

Надежда смотрела на эти листы бумаги, сложенные где вдвое, где вчетверо, и думала, что за каждым этим листком — чья-то судьба. И не просто судьба, ведь письма-то с фронта, от солдат! К ополченцам, а теперь еще и к союзным войскам отношение в Русском Доле всегда было особенным. Во-первых, у большинства из тех, кто остался, на фронте был кто-то из близких: муж,

сын, брат, отец… во-вторых, Союзная армия защищала их поселок, их землю, их Донецкий край от нацистской нечисти. О повадках украинских фашистов в Русском Доле хорошо знали — от беженцев, то и дело приходивших в посёлок с украинской стороны. Нелюди, изверги, не даром у этих «вояків» на их телах пестрели свастики, нацистские крюки, черепа и прочая, казалось бы, давным-давно забытая муть…

«Нет в России земли такой, где не памятен был свой герой». Слова этой песни очень точны, и это было еще одной причиной, по которой донецкий край не принял новую украинскую власть. Как говорил батюшка из их крошечной церквушки (он не жил в посёлке, а приезжал из Старобешева по воскресеньям и праздникам), не может быть общения у Бога с дьяволом, а у русского человека — с тем, у кого батька — Бандера[9], а мать, судя по всему, само пекло. Потому что не может женщина родить таких извергов, как нацбатовцы «Азова» или «Айдара»…

Надежда почувствовала, как в уголках глаз защипало. Восемь лет войны — за эти восемь лет у каждого дончанина накопился немалый список

[9] Примечания: 9

Бандера — украинский политический деятель, лидер и организатор украинского националистического движения на Западной Украине.

преступлений, совершенных оккупировавшими Киев нацистами против их родных, близких, знакомых… Стараясь не расплакаться, Надежда Витальевна взяла одно из писем, листок, сложенный вдвое, и положила перед собой.

Когда-то, еще в мирной жизни, она читала книгу о почерковедении. Книга досталась ей случайно — доставили на почту по ошибке, да так и не забрали. Прочитав, Надежда отдала книгу завклубом Екатерине, своей подруге, а та определила ее в сельскую библиотеку.

У Надежды Витальевны была прекрасная память — это отмечали все учителя, все преподаватели техникума, который она когда-то закончила, да и вообще — все знакомые. Почерк, которым было написано письмо, говорил о том, что писал его человек очень молодой, не старше двадцати пяти лет, но хорошо знающий, чего хочет, волевой и решительный. Вверху листа была написана дата написания, затем шел текст. Лист, на котором было написано письмо, был вырван из блокнота для этюдов, но строки шли ровно, словно отправитель писал их на разлинованном листе:

«*Здравствуй, Сашка! Вчера я отправил*

весточку твоей маме, но у нас сейчас передышка, так что решил написать и тебе, отдельно. Мама говорила, что читает тебе все мои письма, а ещё она рассказывала, что ты недавно спросил: а почему папка мне не пишет? Вижу, ты стал уже совсем взрослым, такие не детские вопросы задаёшь. Отвечаю – раньше я тебе не писал потому, что ты не умел читать то, что я пишу. Меня это радует, сынок! Учись, и я буду отправлять тебе письма хоть каждый день, если, конечно, будет время писать.

Знаешь, иногда времени бывает очень мало. Враги, с которыми я воюю, понимают, что обречены, и иногда как с цепи срываются – обстреливают передок гаубицами, ракетами, постоянно атакуют. Знаю, что мама тебе уже рассказала, что такое гаубицы, что такое ракеты…

Лучше бы ты этого никогда не знал. Правда, я раньше любил рисовать военную технику, она правда красивая. Но теперь я рисую другое – дома, пейзажи, животных… я рисую мир. Мир, в котором никогда не было всего того, что я вижу

каждый день. Не потому, что я боюсь войну – я ее презираю. Война – это неправильно! И всё-таки, вернись я в прошлое, я всё равно пошёл бы в ополчение. Потому что мы воюем не для того, чтобы что-то отнять, не для того, чтобы убить кого-то. Мы воюем, чтобы защитить вас. Чтобы к вам не прилетали ракеты, снаряды, чтобы по улицам не ходили головорезы»…

Надежда оторвалась от чтения, взглянув в окно на дорогу. Дорога была пустынна. Время близилось к полдню, на ясном, почти безоблачном небе солнце почти доползло до зенита. Пейзаж за окном был мирным — за небольшой березовой рощицей простиралось зелёное поле, вдали темнела лесополоса…

Казалось, нет никакой войны. В таком мире ее просто не может быть. Но где-то там, откуда каждый вечер доносится гулкая канонада, воюет парень, почти мальчишка, у которого есть маленький сын. И этот сын учится читать, чтобы самому прочесть то, что пишет его отец…

«Знаешь, Сашка, больше всего мне бы хотелось увидеть тебя. Голос твой я уже

слышал, спасибо брату Муслиму с его телефоном, а вот лицо твоё видел только на фотографиях, которые посылает мне мама. Я хотел нарисовать твой портрет, но всё время что-то мешает – то укроп в атаку ползёт, то слёзы глаза застят. А уж взять тебя на руки – это вообще предел мечтаний, ей-богу. На крыльях бы к тебе полетел, но нельзя. Не сердись на меня за это – пока весь укроп не выкосим, нельзя нам домой, чтобы эти твари за нами следом не увязались… какое-то слишком взрослое у меня получается письмо, ну да ты же у меня растёшь настоящим мужчиной. Смотри, маме помогай, не обижай её – кроме тебя и дедушки с бабушкой, у неё никакой поддержки нет. А настоящий мужчина обязан защищать женщин. Ты и сам, наверно, это понимаешь – мама рассказывала, как ты пытаешься её утешить, когда она плачет. Маме скажи, что я её люблю. Да, я это в каждом письме пишу – просто потому, что это правда. Люблю и очень хочу поскорей к ней вернуться. На войне, говорят, не зарекаются, но я

сделаю всё, чтобы вернуться к вам целым и невредимым. В письме к маме я уже передавал тебе рисунок, но мама говорит, что ты всегда хочешь ещё, потому я нарисовал для тебя ещё один. Сегодня мы были в очень красивом месте – всхолмие, внизу речка течёт, а по склонам холма – березовая рощица, молодая совсем. Некоторые деревца, конечно, осколки посекли, но роща такая густая, что я просто уверен – она переживёт эту войну. Там есть одно место – на склоне валун, а из-под него родник выбивается. Вода в нём холодная и чистая, как бриллиант. Мы все ее попили – бодрит очень, лучше кофе или чая. А потом я сел и нарисовал этот источник и вас с мамой рядом. Нарисовал ее по памяти, тебя – по фотографии. Если не похоже получилось, ну, прости: я же тебя ещё ни разу не видел. Как увижу – нарисую получше.

Когда-нибудь мы с тобой и с мамой приедем сюда, обязательно. Я отведу вас к этому роднику, мы попьем воды и устроим небольшой пикник. Но сначала нациков прогоним, чтобы и духом их не

пахло. Видел твой рисунок, тот, где ты меня нарисовал, как я гоню фашистов метёлкой. Хороший рисунок, я ребятам показал – все смеялись. К сожалению, дружище, в жизни нет у чудовищ таких клыков и когтей, как ты нарисовал. Те чудовища, что на твоём рисунке, на вид почти как обычные люди. Только и того, что души в них нет…

Деду от меня привет передавай. Скажи, что сын его воюет, как следует. Как он сам в Афгане. Как его отец – твой прадед – под Курском. Надеюсь, тебе не придется никогда воевать, но если придётся – у тебя есть, с кого брать пример. Всё, пора прощаться – наши заметили беспилотник, похоже, нацики вот-вот бузить начнут. Рисунок мой на обратной стороне, надеюсь, он не слишком плохой и пополнит твою коллекцию. Учись, Сан Саныч! Маме помогай. Теперь, даст Бог, буду писать тебе почаще, а выпадет случай – позвоню. Будет Интернет – и видеосвязь устроим: нам в гуманитарной помощи новенькие смартфоны передали, зачем – не знаю, сети здесь всё равно нет.

Крепко-накрепко обнимаю тебя. Поцелуй за меня маму, не забудь ей сказать, что я ее сильно-сильно люблю…

Твой папа, Голиков Александр Константинович».

* * *

Надежда Витальевна осторожно перевернула лист — на обратной стороне его действительно был рисунок. По стилю он напоминал иллюстрации Дюрера[10] к «Божественной комедии»[11] — эту книгу она тоже брала в сельской библиотеке. Склон холма, поросший густым березняком, — часть деревьев стоят со срезанными верхушками, обломанные веточки повисли, но с какой любовью выписан каждый листочек, хотя и заметно, что рисовал художник буквально на ходу! Меж деревьев — полянка, покрытая густой травой. В центре полянки — замшелый валун, по форме напоминающий шапку Мономаха, слегка

---

[10] Примечания: 10

А́льбрехт Дю́рер (1471–1528) — немецкий живописец, один из величайших мастеров западноевропейского искусства эпохи Возрождения.

[11] Примечания: 11

«Божественная комедия» — поэма, написанная итальянским богословом и мыслителем Данте Алигьери в период приблизительно с 1308 по 1321 год и дающая наиболее широкий синтез средневековой культуры и онтологии мира.

искривлённую набок. У валуна из земли выбивается родник, чьи воды теряются в густой траве.

Рядом с родником на корточки присела девушка, на вид чуть старше двадцати, худенькая, как тростиночка, в простеньком, но очень идущем ей платье и босиком. Волосы убраны в конский хвост, голова склонена. В руках у девушки кувшин, в который она набирает воду. А рядом с валуном, чуть скрытый им, стоит мальчик не старше пяти лет и смотрит прямо в глаза тому, кто рассматривает рисунок.

Надежда не знала, что за место изображено на этом рисунке; не знала она и этих людей — худенькую девушку и её не по годам взрослого сына. Но интуитивно она поняла, буквально почувствовала — рисунок очень точен, настолько, насколько вообще может быть точным рисунок. Она на миг представила себе — и эту полянку, покрытую ярко-зелёной травой, и этот иссеченный осколками березняк, и покрытый тёмно-зелёным мхом вековой валун, из-под которого выбивается кристально чистая вода…

И молодого, двадцатипятилетнего солдата с блокнотом для эскизов и покусанным на конце простым карандашом, быстро-быстро скользящим по белоснежной бумаге.

Бог дал парню талант и силу Дюрера. Его высшее предназначение — создавать шедевры, иллюстрировать прекрасные книги. Вместо этого он тратит свою молодость на то, чтобы отражать нападение тех, кто по своим нравственным и душевным свойствам и в подмётки ему не годится! Очень верно написал автор письма: война — это прежде всего неправильно. Но бывает нет иного выхода, кроме как взять в руки оружие. Чтобы твоя жена и твой ребенок, которого ты еще даже не обнял ни разу, жили. И не просто жили, а были свободны. Могли говорить на родном языке и чтить память тех, кто действительно этого достоин, а не навязанных кем-то изменников и предателей…

Надежда Витальевна осторожно сложила лист так, чтобы рисунок оказался внутри. Конверт для письма она нашла быстро, однако, её ждало разочарование: он был не просто расклеен — он разорвался, и часть его где-то потерялась. Вероятно, распоровший тюк с почтой осколок зацепил и этот конверт, но, по крайней мере, тот выполнил свою функцию, защитив содержимое — прекрасный рисунок и трогательное письмо отца к сыну.

К счастью, адрес получателя и обратный ад-

рес не пострадали, и Надежда вознамерилась, было, переписать их, чтобы перенести на другой конверт. Семья Голикова жила в Донецке, в Будёновском районе возле Алексеевского пруда — рядом была детская клиническая больница, и Владимир Григорьевич иногда ездил туда до войны, а с ним и Надежда Витальевна. Надежда вспомнила, как они с мужем гуляли у пруда — сначала одни, потом со старшим Виталькой, потом — с Виталькой и Вовкой… как давно это было! Словно в каком-то другом мире, в мире, где не было никакой войны, где такую войну невозможно было даже представить!

Что случилось с мирным некогда краем, звавшимся с лёгкой руки польских захватчиков Украиной? Что случилось с её некогда добрым народом, с людьми, которые в одночасье превратились в чудовищ — только и того, что когтей с клыками не хватает!

От этих мыслей Надежду Витальевну отвлёк шум за окном. Бросив быстрый взгляд на часы (начало первого), Надежда выглянула в окно, убедившись, что приближается старенький ГАЗ-52 с белым намордником радиатора, ветеран сельских дорог, с пятидесятых годов прошлого века развозящий грузы по проселкам России и быв-

ших союзных республик, поспешила к выходу, встречать прибывших. Приехала почта, а судя по тому, что послали грузовик, — гуманитарную помощь тоже привезли.

Глава 2. Помощь близких

В самом начале гуманитарную помощь привозили в коробках и ящиках, и Надежде Витальевне приходилось самой её фасовать. Теперь все продукты были упакованы в красивые картонные коробки, а те, в свою очередь, погружены в полиэтиленовые пакеты с символами V или Z, попадались и O. Каждый пакет был подписан — Надежда Витальевна сама составила списки сельчан и передала их кураторам из Донецка.

Привёз гуманитарную помощь Петрович — пожилой мужчина лет семидесяти, но до сих пор крепкий, как он сам о себе говорил — справный. Петровича называли иногда Фигаро[12] — его газик ездил по всему югу Донецкой Народной Республики, развозя грузы, не раз и не два побывал под обстрелами ВСУ, но, как говорится, пронесло — только тент над кабиной в нескольких местах посекли осколки, а так ничего.

Петрович, как всегда, помогал Надежде разгружать машину.

---

[12] Примечания: 12

Фигаро — комедийный персонаж, герой пьес французского драматурга П. Бомарше.

— Что у нас сегодня? — интересовалась Надежда Витальевна.

— Как в прошлый раз, — отвечал Петрович. — Мука, сахар, рис, гречка, бутылка растительного масла, консервы. Сгущёнка вареная. Чай. Захаровна, кстати, спрашивала, у тебя на участке курящих много?

— Полторы калеки, — ответила Надежда расхожим выражением и покраснела — Гришка, который смолил больше всех, действительно был калекой. — А что?

— Там решили передать со следующей партией папиросы, — ответил Петрович, указывая пальцем на потолок. — Отзвонись Захаровне, сколько пайков брать.

Они внесли пакеты в помещение, и Петрович увидел разложенные на столе письма и конверты:

— Это что это? — удивился он.

— Письма солдатские, — пожала плечами Надежда.

— Для музея, что ли? — уточнил Петрович.

— Да нет, — пояснила Надежда Витальевна. — Укровояки нашу почтовую машину накрыли из минометов, почту сюда привезли. По тюку осколок прошёлся, часть писем перемешалась,

сортирую, вот.

— А с ребятами что? — спросил Петрович. — Ну, с фельдъегерями в смысле.

— Ранены оба, но не сильно, — ответила Надежда. — Володя мой с ними возится.

— Слыхал я, укроп к контрнаступлению готовится, — сказал Петрович, когда они с Надеждой отправились за следующими пакетами. — Озверели они там совсем.

Надежда коротко кивнула. Обсуждать эту тему совсем не хотелось. Сердце болело за Витальку.

— А я, как развезусь, к сестре Катьке рвану. — Петрович захватывал по четыре плотных пакета зараз, у Надежды сил хватало только на два.

— Куда? — спросила Надежда. — В Донецк, в Горловку?

— В Мариуполь, — ответил Петрович. — Мы-то горловские сами, а Машка моя еще в восьмидесятых за моряка вышла, в Мариуполе они и осели. В перестройку всю семью кормила — работы не было, а ее муж крутился, почитай, на двадцать человек родственников.

Они занесли пакеты, Петрович остановился, вытирая пот со лба:

— Можно перекур? Жарко сегодня, что-то я запарился.

— Вы где курить собрались, здесь, что ли? — подозрительно покосилась на него Надежда.

— Зачем же здесь, раз на улице такая теплынь? — ухмыльнулся Петрович. — Под навесиком у тебя перекурю и продолжим.

— Ну курите уж, что делать, — пожала плечами Надежда. — Может, вам по два пакета брать, раз тяжело?

— Да не тяжесть проблема, — приосанился Петрович. — Руки-то у меня еще дюжие, а ноги уж не те. Будь я помоложе — сам в ополчение бы подался, а так что — тюки развожу. А помолодей я лет на тридцать… ух и скрутил бы я эту пакость укропную в баранкин рог! Я в молодости крепкий был…

— Вы и сейчас еще ничего, — приободрила его Надежда Витальевна. Они вышли на крыльцо, над которым был выведен жестяной навес.

— Ничего, — проворчал Петрович, подкуривая, — ни повоевать, ни полюбить… у меня, правда, два зятя в ополчении. Сыновей нам с Наташей моей Бог не дал, двух доченек только. А у сестры моей, кстати, сына укропы в мобилизацию загребли, а он, не будь дурак, ночью к нашим через нейтралку ушел, воюет теперь под Краматорском.

«Чёртова война», — подумала Надежда Витальевна, — «она занимает все наши мысли. На какую тему не заговори — все сводится к ней»…

— У них в Мариуполе котельную запустили, — продолжал Петрович. — Воду дали, и горячую тоже. Да что-то с кранами приключилось, пока воды не было. Думаю, засорилось там все, трубы-то старые. Возьму новый смеситель, прикупил в Донецке, да поставлю, заодно трубы почищу, сколько смогу. Подводка там старая, вот я себе пластик поставил, нормально работает.

— А у нас дома водонагреватель, — сказала Надежда, глядя, как Петрович докуривает. — И насос погружной в колодце. Муж его каждый год по два раза чистит, колодец заиливается, а если ил в нагреватель попадет — конец. В пятнадцатом году без фильтров жили, так нагреватель даже не включали — в тазиках грели, как при царе Горохе.

— У Маши в Мариуполе воды с пятнадцатого не было, — Петрович докурил, огляделся и бросил окурок в пустое ведро у крыльца, служившее урной и постоянно пустовавшее. — Ни горячей, ни холодной. Наши тогда едва Мариуполь не отбили, помнишь?

Надежда кивнула.

— Ну вот, а укроп, отступая, котельную им и рванул, — Петрович выдал непечатное выражение и смутился, как школьник, — прости, вырвалось. Вот гниды, они всегда так делают. Дома обносят подчистую, даже розетки из стен с мясом выкорчёвывают, и смесители те же, про унитазы вообще молчу.

Они отправились к машине и нагрузились пакетами:

— Машка с зимы в подвале жила, — продолжил Петрович, — и как только не застудилась? Укроп их в подвал согнал, а сами по квартирам расположились. Маша говорит, в квартире после них как ураган прошёл, хотя боёв у них в квартале и не было — драпанули герои в направлении «Азовстали»[13], только пятки сверкали.

Они занесли пакеты, поставили на пол.

— А в детском саду во дворе в песочницах минометы поставили, — продолжил Петрович. — Там и так был детсад — одно название, а тут еще и минометы. Чёрт его знает, чем они там думали…

— Та ясно чем, — в дверях появилась Саша Семина, крепкая женщина средних лет. В посёлке её звали Семено́вич — за сходство фамилий и

---

[13] Примечания: 13

«Азовсталь» — металлургический комбинат в г. Мариуполе.

внушительный бюст. — Наши бы по минометам долбанули, а те бы стали вонять, что детский садик разнесли. Они везде так делают. Вы, дядь Миша, сейчас про какой посёлок?

— Про город, — ответил Петрович. — В Мариуполь завтра собираюсь, к сестре.

— Вам, кстати, помочь? — спросила Саша у Надежды. Та кивнула:

— От помощи не откажемся.

Они втроём вышли к машине.

— Как уже хочется, чтобы всё закончилось! — сказала Саша, подхватывая пакеты. — Неймётся им всё. Май на исходе, давно пора сеять, а у нас все нивы бурьяном заросли. Слава богу, Андрейку моего на побывку на два дня отпустили, на майские. Хоть картоху посадили.

Надежда и Петрович молчали. Андрейка, Андрей Семин — муж Саши, до войны был поселковым электриком, а сейчас служил сапёром. Надежда Витальевна помнила, как он приезжал на побывку — во время «отдыха» Андрей сумел наладить поселковый трансформатор, который всё время коротило. И так свет дают по графику, а тут еще и не знаешь, будет трансформатор работать или нет. Но Андрей — вот у парня руки золотые! — всё исправил, с тех пор перебоев не

было, да и свет стали давать постоянно. Даже уцелевшие поселковые фонари в количестве три штуки по ночам исправно горели. Поначалу хотели их отключить, чтобы «село не подсвечивать», — раньше, когда фронт был ближе, в посёлке блюли светомаскировку, но потом решили оставить — нацисты уже далеко, никакой пушкой не дотянутся, а со светом как-то веселее.

— Мне так жалко было, — продолжала Саша. — Ему бы отдохнуть, а тут картошку копай. Но а если не посадить — как зиму перебедовать? Спасибо, есть гуманитарная помощь, хоть не одной картошкой давимся.

— Сгущёнку передали, — сказала Надежда Витальевна. Петрович кивнул.

Саша обрадовалась:

— Вот мой Андрюшка-младший обрадуется! Он сладкое дюже любит, а где тут сладкого набрать? Как ездит кто в Донецк или райцентр, просим привезти, конечно, но народ у нас, в основном, на месте сидит. Дядь Миша, не знаете, когда у нас лавку откроют?

— Пока не слышал, — ответил Петрович. Саша тяжко вздохнула:

— По соседним сёлам хоть автолавка ездит. Хлеб свежий привозит. Чёртовы укропы, жизни

с ними нет.

Тем временем подошла Галя Озерова — жена ополченца Димы. Надежда Витальевна, Петрович и Саша как раз подходили к машине.

— Я помогу? — поздоровавшись, спросила Галя.

— Лишние руки не помешают, — согласилась Надежда Витальевна. Худенькая Галочка подхватила два пакета и понесла.

— Как твой Дима-то? — спросила её Саша.

— С утра у Павловны, — ответила Галя, — перекрывает сарай и навес поправляет. Без дела не сидит, хотя еле белый свет видит. Но врачи говорят, может, и восстановится зрение, а там, глядишь, отвезём его в Ростов в клинику. А от твоего Андрюшки что слыхать?

— Звонил третьего дня, — ответила Саша. — Где-то между Изюмом и Северодонецком лесополосу разминирует. Надежда Витальевна, а от Виталика вашего новостей ещё нет?

Надежда печально покачала головой. В комнате, куда они занесли пакеты, Галя тоже заметила письма на столе:

— Кому это вы столько написали?

— Это армейских почтовиков нацисты обстреляли, — опередил Надежду Петрович. — Герои,

им только с почтарями воевать, тьфу…

— Не плюйте, здесь прибрано, — проворчала Надежда.

— Ребята живы? — спросила Саша.

— Живы, в госпиталь отвезли, — не дав вставить слова Петровичу, сказала Надежда. — Владимир Григорьевич говорит — жить будут.

— Слава богу, — тихо сказала Галя. — У меня за всех сердце болит — и кого убивают, и кого ранят…

Они как раз вышли на крыльцо. Солнышко ярко светило, в небе не было ни облачка. В тёплом летнем воздухе слышался аромат цветущей бузины.

— Димка иногда кричит по ночам, — сказала Галя. — Всё ту атаку переживает, когда его контузило. У него тогда двое друзей полегло. Одного на его глазах миной порвало. Так-то он не особо рассказывает, а я не расспрашиваю. Во-первых, вижу, что больно, а во-вторых — сам ночью расскажет.

— Мой тоже ночью раз кричал, — кивнула Саша. — Он, правда, переночевал только две ночи всего. И тоже ничего не рассказывает. «Нормально всё, — говорит, — моё дело саперское, мины снимать, проволоку резать»…

Она вздохнула:

— «Мины снимать». Знаю я это. Растяжки[14] убирать, которые нацики ставят где нельзя. Крылатки лопатой отбрасывать, которые взрываются от каждого чиха. Каждую минутку со смертью под руку. Как подумаю об этом — прямо чувствую, как седею. Как это все кончится, надо в Донецк съездить, краску для волос купить, а то приедет муж, а жена — седая…

— Он тебя и седой любить будет, — ободрила её Галя. — И мы их любим любыми, какими бы ни вернулись…

* * *

— Петрович, а что это вы за музей упоминали? — спросила Надежда, когда они заносили последние пакеты. Тем временем к почте стал подтягиваться посёлковый люд — весть о гуманитарной помощи доносится быстро, да и многие просто видели машину, подъехавшую к почте.

— Музей? — не понял Петрович. — Какой ещё такой музей?

— Ну, вы, как письма увидели, сразу спросили, не для музея ли они, — пояснила Надежда Ви-

---

[14] Примечания: 14
Растяжка — мина-ловушка.

тальевна.

— Чего? — не понял сперва Петрович, но потом вспомнил: — А, это. Ну, я у внука в школе был, и у них там краеведческий музей есть, про Великую Отечественную войну на Донбассе. Там у них витрины, в витринах каски, осколки, гильзы, медали — одна, «За отвагу», пулей пополам разорванная. Еще там даже есть ржавый насквозь «шмайсер»[15], ППШ[16] охолощенный и даже миномёт-лопатка. Такие у наших солдат в начале войны были, вроде нынешних подствольников[17], только плюс саперная лопатка. Так вот, там в витринах еще письма, фотографии пожелтевшие, наградные листы…

Стоял я там, смотрел на лицо танкиста на фотке (рядом еще его обгорелое письмо висело — нашли всё это поисковики наши в одной из балок, рядом с остатками танкетки) и думал: а ведь эти ребята, танкисты, они, как наши сегодняшние ополченцы, били фашистов. Хорошо били гадов!

---

[15] Примечания: 15

«Шмайсер», МР-40 — модель немецкого пистолет-пулемета времен Великой Отечественной войны.

[16] Примечания: 16

ППШ — пистолет-пулемет Шпагина, модель советского пистолет-пулемета времен Великой Отечественной войны.

[17] Примечания: 17

Подствольник — гранатомет, крепящийся под стволом автомата.

И не думали, наверно, что фото и письма их в музее окажутся. Что школьники их читать будут и думать над тем, что прочитали.

Музею этому лет пятьдесят, почитай; его в семидесятых открыли ещё. Значит, на письмах этих как раз и росли ребята, что сейчас нациков бьют. Значит, хороший музей, правильный — потому что справное выросло поколение. Дедов-прадедов не посрамили.

— Да, — согласилась Надежда Витальевна, — все мы на этом росли. Все фильмы про войну смотрели: «В бой идут одни „старики“», «Они сражались за Родину». Но как так получилось, Петрович, что те, — Надежда Витальевна махнула рукой в сторону, откуда, сейчас едва слышно, доносился гул канонады, — одни с нами фильмы смотрели, книги читали, фильмы смотрели, в музеи ходили… а выросли нацистами?

— Оболванили их, — сказал Петрович. — Там же даже офицеры в основном из тех, кто при Горбачеве в школу ходил. Им лили в уши дрянь всякую — сначала про то, что УССР[18] всю страну кормит, потом — про вторую Францию, золото

[18] Примечания: 18
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика.

гетмана Полуботка[19], потом — про батьку Бандеру, оккупацию, про то, что укры древний народ…

Они вышли на крыльцо. Петрович похлопал себя по брюкам, достал пачку каких-то сигарет:

— Ничего, если я закурю? Сейчас перекурю и в обратную ходку.

— Курите, кто ж вам запретит? — пожала плечами Надежда.

— Это я к тому говорю, — сказал Петрович, закуривая, — что, может, будь у нас побольше таких музеев, как у внука в школе, может, и не рехнулась бы целая нация до того, чтобы своих же убивать? Мне вот кажется, что фильмы там или игры про войну, вроде той, что у меня младший внук играется, танки там покупает и немчуру бьет, — это, конечно, хорошо; но солдатские письма — их, когда читаешь, совсем по-другому на войну смотришь. Про фильм можно сказать: выдумка, фантазия! Не могло быть такого! А тут солдат пишет про то, что видит. Про ручеёк, из травы выбивающийся; про кашу в котелке — такой вкусной каши на гражданке в ресторане не найдёшь, даром, что она порохом пропахла;

---

[19] Примечания: 19

Гетман Полуботок — военный и политический деятель Войска Запорожского, черниговский полковник, помещик, «один из первых богачей Малороссии».

про крохотную фотографию любимой, бережно хранимую в кармашке… про вражеские обстрелы и сожженные дома, про убитых товарищей и скулящих пленных, про родной дом и чужой край, про горечь потерь и радость победы…

— Ну вы, Михаил Петрович, выдали! — с восхищением сказала Надежда. — Вы книги писать не пробовали?

— Пробовал, — смущённо признался Петрович. — Тридцать лет назад написал, про войну как раз. Сам не воевал, хотелось выпендриться. В редакции завернули, сказали, много пафоса не по делу, ну и матчасть хромает. А вот папка мой, Петр Евграфович, царство ему небесное, — он сам воевал, войну на Одере закончил, — так он хвалил. Сказал, правда, что ни на грош не похоже на то, что было, но всё равно похвалил, даже прослезился, говорит, когда у меня главного героя, лейтенанта, убили.

Сейчас-то я и сам понимаю, что ерунда получилась. Война — она другая. Её ни в какую книжку не запихнёшь. Но всё равно — писать о войне надо, и кино снимать, и игры для детей делать. Ну и музеи, с солдатскими письмами и ржавыми гильзами.

Петрович выбросил окурок в ведро и продол-

жил:

— И знаешь, Надежда, что я подумал? Закончится и эта война. Мы, конечно, победим, потому что мы родную землю защищаем, свою веру, свой язык, свою историю. Да… Так вот, война закончится — и надо, чтобы о ней тоже и книги писали, и фильмы снимали, и игры делали, и музеи чтобы были — с солдатскими письмами. Чтобы с детства дети всё это видели, чтобы помнили. Учитель мой говорил когда-то: запомните, дети, — когда мы прошлую войну забудем — начнётся следующая. Он сам воевал, знал, что говорит.

Вот я и подумал — может, ты эти письма для музея собираешь? Я по всему Донбассу езжу, и Донецк, и Луганск. Могу ещё привезти.

— Письма должны доходить до адресата, — задумчиво сказала Надежда Витальевна. — Но идею вы правильную подали. Надо подумать об этом.

— Еще бы, правильную! — улыбнулся Петрович. — Память должна быть непрерывной. Наши дети правильными выросли — их дети тоже должны расти правильными. Конечно, не дай бог новой войны, но, если вдруг настанет, — чтобы они, как отцы их, как деды и прадеды, не сомневались, вставая на защиту родного края.

— Эх, Петрович, — покачала головой Надежда

Витальевна, — нам бы эту войну закончить, а вы уже следующую предсказываете… идёмте, я вам обходной лист подпишу, а потом пойду своим пайки раздавать. Видишь, ждёт уже народ.

— Ой, Надежда, — спохватился Петрович, — я и забыл совсем. У вас же тут, при клубе, есть какая-то библиотека?

— Ну, есть какая-то, — кивнула Надежда Витальевна. — Так, правда, смех, а не библиотека…

— Тут вместе с гуманитарной помощью для нее детские книжки передали. — Петрович открыл дверь кабины, достал оттуда сначала обходной лист с ручкой, прикрепленный к дощечке, чтобы удобнее писать было, а потом — небольшой пакет с буквой О. — Два десятка всего, зато все новые. Примешь?

— Конечно, приму, — заулыбалась Надежда Витальевна. — Катя говорит, к ней пара ребятишек приходит, один третьеклассник, Филипповых сын младшенький, а вторая — девочка-дошкольница, племянница Черкашиной. Сиротка, у нее родители в Донецке погибли, её сюда и отправили, к тётке. Катя говорит — оба читать любят, Черкашина так вообще в книгах утопает. Причём берут книги взрослые, из детского всё, что было, перечитали уже.

— Вот и отдай Екатерине. — Петрович протянул Надежде картонную коробку, перетянутую бечевой, которую он взял с переднего сиденья. — Иди уж, люди правда ждут, а я поеду, пожалуй.

— Счастливого пути! — пожелала Надежда. Петрович забрался в кабину. Не дожидаясь пока машина уедет, Надежда Витальевна с пакетом и коробкой под мышкой отправилась на почту — надо было раздать гуманитарную помощь односельчанам.

Глава 3. Письмо учителя

Немного задержавшись на пороге, чтобы проводить взглядом уезжающую машину, Надежда вернулась на почту. По пути ей показалось, что канонада на западе усилилась. Решив не обращать на это внимание, Надежда позвала терпеливо ожидавших односельчан, которые стали по одному заходить в здание почты. Надежде не надо было сверяться со списками, чтобы знать, кому выдавать, но она все-таки отмечала каждую выдачу в особом журнале.

Некоторые брали по два или три пакета — чтобы занести особо немощным и пожилым соседям. Увы, в Русском Доле было более двух десятков пенсионеров, чьи родные либо уехали подальше, либо, наоборот, отправились в ополчение. Но односельчане не бросали таких на произвол судьбы — помогали, чем могли, в частности носили гуманитарную помощь тем, кто сам едва мог ходить по двору.

Надежда Витальевна уже знала, например, что Оля Суровцова, худенькая, похожая на старшеклассницу вдова лейтенанта милиции Игоря Суровцова, берет сразу четыре пакета, для себя

и двоих своих парней — погодков, для свекрови Ирины Титовны, а еще два — для четы Березиных и Эсфири Романенко, своих соседей. Муж Эсфири Петровны погиб на шахте еще в одиннадцатом, и у нестарой еще женщины отнялись ноги. Детей у Эсфири не было, и ей помогали односельчане — и Оля, и Тоня Гранина, и Лариса Ковальчик. А Максим и Лидия Березины просто доживали свой век, отказавшись переехать к детям в Донецк. Как оказалось, правильно, что не перебрались, — во время одного из обстрелов, под Новый год в семнадцатом, многоэтажка младших детей Березиных рухнула от попадания реактивного снаряда чешской версии нашего «Града», похоронив под собой всю семью Виктора Березина. Старший сын Антон, артиллерист ДНР, поклялся найти и уничтожить батарею, погубившую близких, и обещание сдержал — его «Пион»[20], некогда списанный и ожидавший разделки, но с началом нападения Украины на Донбасс бережно восстановленный донецкими мастерами, накрыл батарею украинского майора-убийцы Субботы, уничтожив машины и весь их экипаж.

Антон Березин был когда-то одноклассником

---

[20] Примечания: 20

«Пион» — дальнобойная самоходная гаубица.

Надежды. В школе успевал средне, чтобы не сказать — плохо. Был школьным хулиганом — заводилой. Рано пригубил спиртное.

Потом Антон отслужил в армии — где-то на Камчатке, в береговой артиллерии. Вернулся из армии — окончил транспортный техникум, работал на линии Москва — Одесса. Пару раз впадал в запои, потом женился и очень долго держал себя в руках, но в конце нулевых опять начал пить. Жена от него ушла, детей у них не было. А в четырнадцатом Антон ушел в ополченцы одним из первых. Пить бросил, даже не курит. И на деле доказал, что артиллерист он, что называется, от Бога. Вот и дали ему списанный «Пион», а он довел пушечку до ума. САУ[21] «Пион» — она ведь по дальности стрельбы и с реактивной артиллерией потягаться может…

— О чём задумались, Наденька? — еще один колхозный ветеран, дед Лукин, опираясь сухонькой рукой на трость, стоял в дверях, переминаясь с ноги на ногу. Дмитрий Васильевич когда-то был школьным учителем и вел кружок «Умелые руки» в соседнем посёлке, но потом вышел на пенсию, по возрасту, хотя, скорее, по здоровью

---

[21] Примечания: 21
САУ — самоходная артиллерийская установка.

— на одном глазу у него была катаракта, зрение стремительно ухудшалось, а украинские врачи заломили за операцию такую цену, что Дмитрий Васильевич даже расплакался.

Владимир Григорьевич, узнав о проблеме односельчанина, решил ему помочь и нашел в России офтальмологическую клинику, где Дмитрия Васильевича согласились прооперировать. Теперь он уговаривал Лукина поехать туда на обследование, но Дмитрий Васильевич пока на это не решался.

— Да так, — отмахнулась Надежда, взяв один из пакетов, предназначенный Лукину. — Вы, Дмитрий Васильевич, как, на операцию еще не решились?

— Все раздумываю пока, — смутился Лукин.

— Да что тут думать? — пожала плечами Надежда. — Делать надо! Катаракта — она ведь прогрессирует. Вот удалят вам ее — и будете видеть, как прежде.

— Знаешь, Надя, — сказал Дмитрий Васильевич, — я больше всего тоскую по работе. По деткам своим. По кружку. Когда ты показываешь то, что умеешь делать, а они смотрят с таким любопытством. А как у них загораются глаза, когда у них самих что-то получается!

— Вот и вернетесь в школу, — продолжала агитировать Надежда Витальевна. — Учителя сейчас Донбассу очень нужны. И кружок свой восстановите.

К лицу Дмитрия Васильевича прилила краска. Должно быть, ему стало стыдно за свой страх. На словах он это тут же подтвердил:

— Я вот тебя послушал, Надя, и прямо стыдно стало. А ведь и вправду, чего на печи сидеть? Я нужен детям, сил у меня хватает, если бы не катаракта.

— Я Володе передам, — пообещала Надежда, а потом, неожиданно даже для себя, добавила: — А я вот думаю, что нам в школе нужен краеведческий музей. Ко мне попало несколько распечатанных солдатских писем. Я их, конечно, отправлю адресатам, но…

— Солдатские письма много говорят о войне, — задумчиво кивнул Дмитрий Васильевич. — В книгах, в кино, даже в кадрах кинохроники война… немного не настоящая, что ли. А когда читаешь военные письма, начинаешь проникаться чувствами писавшего. Понимаешь, что он чувствовал, что переживал. Понимаешь, что для него война не была приятной прогулкой. Что война — это страшно…

— Вот я и думаю про экспозицию, — кивнула Надежда. — Но, во-первых, письма надо всё-таки доставить тем, для кого они написаны, а во-вторых… морально ли такие вещи на витрину выкладывать? Письма всё-таки личная корреспонденция…

— По всему Союзу[22] солдатские письма в музеях лежат, — возразил ей Лукин. — Да и не только солдатские. А что касается первого вопроса — оригиналы можно отправить по адресу, но снять для музея копии. Слава богу, сейчас техника шагнула далеко вперед.

Дмитрий Васильевич встал со стула, на который присел, и взял выданный ему пакет:

— Кстати, о технике. У меня такая радость! Заходил ко мне собрат по несчастью, Дима Галочкин. У меня с шестнадцатого телевизор не показывал, антенна упала, помнишь, когда стреляли? Взрывной волной сорвало. Я с тех пор его и не смотрел. Всё равно плохо вижу, да и смотреть нечего было, наших каналов еще не было, а от укропских меня тошнит. К тому же все равно я плохо вижу из-за этой катаракты…

— Ну и что вы раньше не обратились? —

---

[22] Примечания: 22

Союз, СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

всплеснула руками Надежда. — Как же жить без телевизора? А сейчас по нему много интересного — и местное телевидение, и Россия…

— Вот-вот, — согласился Лукин. — Дима на крышу слазил, антенну перекрепил и настроил мне всё. Теперь у меня и Первый канал есть, и ОРТ, и НТВ.

— Рада за вас, — улыбнулась Надежда Витальевна. — Но как же вы его смотрите?

— А никак, — застенчиво улыбнулся Дмитрий Васильевич, — слушаю, как радиоточку. Новости слушаю, люблю концерты всякие — на Девятое мая, например, или когда детки поют. Парад опять-таки слушал, диктор про технику рассказывал, а я увидеть ее не могу, но представляю…

Дмитрий Васильевич вздохнул:

— Ты, Наденька, конечно, права. Надо соглашаться на операцию. Скажи Володе, чтобы зашел ко мне, как будет у него время. Поговорим предметно.

— Обязательно скажу, — обрадовалась Надежда. — Он зайдёт, как только сможет.

— Ну, тогда бывай здорова, — улыбнулся Лукин.

— И вы не хворайте, — кивнула Надежда. — Хотелось бы, чтобы вы в школу вернулись. У вас же

оба моих учились, а Виталька и в кружок ваш ходил.

— Как он? — поинтересовался Дмитрий Васильевич. — Пишет что?

— Ничего не пишет, — ответила Надежда. — Я уже и волнуюсь, хотя муж говорит, что с ним всё в порядке. Он по своим каналам узнает как-то.

— Ну, тогда и не переживай понапрасну, — сказал Дмитрий Васильевич. — А что не пишет, не беда. Война ведь не санаторий, порой бывает не до писем.

— Да он и вообще писать не особо любит, — согласилась Надежда. — Помните, какой он молчун? Клещами слова не вытянешь.

— Помню, — вздохнул Лукин. — Ну что же, пойду я.

— Счастливо, — пожелала Надежда. — Кто там следующий, пусть заходит.

— Да уже никого нет, — сказал Дмитрий Васильевич. — Я последний в очереди был, подошёл поздно.

Когда Дмитрий Васильевич ушёл, Надежда пробежалась по журналу. Помощь пока не получили шесть семей, и, действительно, у Надежды оставалось как раз семь пакетов, включая её собственный. Особенно Надежду Витальевну бес-

покоило отсутствие ее подруги Кати, завклубом. Во-первых, надо было отдать ей книги, переданные с гуманитарной помощью. А во-вторых, чего это она запаздывает? Не случилось ли чего? Не захворала бы…

Надежда выглянула в окошко — народу во дворе действительно не было. Потом вернулась к столу, и машинально взяла одно из сложенных на нем писем. Это письмо было написано хорошим, можно сказать, каллиграфическим почерком — очевидно, человек, его писавший, привык писать от руки. Надежда Витальевна начала читать:

> «*Здравствуйте, дорогие мои ребята! Я был очень удивлён и обрадован вашим письмом. Прошёл уже год, как я передал ваш класс Евгении Маратовне, и, честно говоря, думал, что вы уже про меня забыли. Хотя я часто вас вспоминаю – шутка ли, вы первый класс, у которого я был классным руководителем!*
>
> *Знаете, я ведь долго не решался на классное руководство, и только когда Наталия Сергеевна ушла в РОНО*[23]*, взял на*

[23] Примечания: 23
РОНО — районный отдел народного образования.

себя, как я тогда думал, дополнительную нагрузку. Сразу скажу – вы никогда за эти четыре года не были для меня нагрузкой, и мне не тяжело было вас вести, несмотря на отдельные эксцессы и шалости. Надеюсь, Евгения Маратовна вами тоже довольна. Прошу вас отнестись к ней так же, как вы относились ко мне. Она, конечно, педагог со стажем, но, прежде всего, женщина, а женщин надо беречь и защищать, а не нервировать их, как некоторые умеют. Особенно это касается Серёжи Радченко – надеюсь, Сергей, ты взялся за голову и больше не хулиганишь. Вы все уже взрослые, вам по четырнадцать, а кое-кому уже пятнадцать. Самое время начинать брать на себя ответственность.

Вы очень меня порадовали тем, что средний балл вашего класса второй по школе (надеюсь, не с конца; шутка, конечно, я знаю, что вы молодцы). И всё равно, есть куда работать. Ваша цель – занять первое место по школе! Надеюсь, за год вы ее достигните.

В этом деле, как я и говорил, важна

взаимопомощь. Хорошо, когда вы подтягиваете друг друга в свободное время. Но не стоит ради этого подсказывать друг другу на уроках или давать списывать. Я прямо представляю, как при этих моих словах покраснели Настенька и Снежана. Ребята, не подводите друг друга. Школа – это не просто место, где вам дают знания, кажущиеся вам ненужными. Школа – это колодец, наполненный чистой водой, а впереди у вас – огромный жизненный путь, и вода из этого колодца всегда пригодится».

В двери осторожно постучали.

— Войдите, — сказала Надежда. На пороге появился Гена Нечаев, щуплый двенадцатилетний паренек, сын Вити и Инны Нечаевых. Витя был в ополчении, после контузии в танке пока работал в тылу, на ремонтной базе, и часто ездил в отпуск. Инна работала санитаркой в госпитале Владимира Григорьевича.

— Здрасьти, Надежда Витальевна, — поздоровался Гена. — Мама сказала, чтобы я забрал гуманитарную помощь.

— Вот, держи. — Надежда протянула пареньку

пакет. — Как там твои?

— Спасибо, — кивнул Гена. — Мои вроде ничего. Папка говорит, что в конце лета свозит нас в Донецк. Надеется, что к середине лета фронт отодвинут и в городе станет безопасно.

Гена осторожно присел на краюшек стула:

— Папка просится обратно на фронт, — сказал он. — Вы только маме не говорите, это секрет. А в штабе говорят, что «у них мехводов[24] пока хватает». Мол, в тылу папка нужнее, техника нет-нет да и ломается, хотя наши и ожидали большего от ПТРК[25] и гранатометов нацистов. «Джавеллин»[26], оказывается, против наших танков бессилен, иногда и БМП ему не по зубам. Папка обещал привезти мне гранатомёт. Настоящий, но… — Гена смешно наморщил лоб, — дегуманизированный, вот.

— Гуманизированный, — улыбнулась Надежда.

— А что это значит? — спросил Гена.

— Без заряда, — пояснила Надежда. — Выстре-

---

[24] Примечания: 24
Мехвод — механик-водитель.

[25] Примечания: 25
ПТРК (ПТУРС) — противотанковый ракетный комплекс.

[26] Примечания: 26
«Джавеллин» — американский ПТРК.

лить из него уже нельзя.

— Все равно круто! — ответил неунывающий Генка. — У меня будет свой гранатомёт! Все мальчишки обзавидуются!

— Ты только в школу его не носи, — невольно улыбнулась Надежда Витальевна. — Переполох будет…

Оружие на Донбассе давно стало главным видом игрушек. Дети игрались тем, что посылала война — гильзами, осколками… очень часто такие игры были совсем небезопасны — во-первых, хватало неразорвавшихся боеприпасов, попадались боевые гранаты, патроны. А знаменитые мины-крылатки, которые щедро рассеивали по городам Донбасса кассетные боеприпасы нацистов! Сколько от них детей погибло!

Во-вторых, нацисты любили делать мины-ловушки, специально нацеленные на детское любопытство. Изверги, не люди. Здесь, вдалеке от фронта, такое уже не встречалось, но ближе к Горловке или Донецку — сплошь и рядом. Да и оружия, конечно, не боевого, а поломанного или охолощённого, хватало. Мальчики любят играть в войну, даже если сыты этой войной по горло. Взрослые, зная эту склонность, иногда дарили детям настоящее, но не боеспособное оружие,

хотя власти преследовали такую практику. Случались инциденты, ведь, как говорится, раз в год, и палка стреляет…

Глаз да глаз за детьми нужен. Дети ведь — самое дорогое, что есть у родителей. И детская жизнь так хрупка. А ещё нацисты — говорят, для них убивать детей Донбасса — одна из излюбленных тактик. Потому что ВСУ, по большому счёту, не армия, а банда террористов.

— Ну я же не вчера родился! — возмутился Гена. — Конечно, не понесу. Чтобы его там у меня отобрали учителя? Дудки.

— А как у вас учителя, кстати, хорошие? — спросила Надежда.

— Хорошие, — кивнул Гена. — Да только одни женщины остались. Даже труды и физру женщины ведут. Только по энвэпэ[27] у нас мужчина — майор Каховский, без глаза. Тоже танкист, как папка. Горел в танке, в госпиталях лежал, теперь ушёл в отставку и ведет у нас энвэпэ.

— Ты ведь Лукина Дмитрия Васильевича не застал уже? — спросила Надежда.

— Почему не застал? — ответил Генка. — Он у нас кружок «Умелые руки» вел, пока зрение

---

[27] Примечания: 27
Энвэпэ (НВП) — начальная военная подготовка.

совсем не упало. Пришлось ему уйти, а потом и кружок закрылся. Жаль. Он так интересно рассказывал историю самых простых вещей!

— А если он вернется в школу, вы будете рады? — поинтересовалась Надежда Витальевна. Генка кивнул:

— Ага. А если и кружок будет — так вообще. Но у него вроде глаза болят.

— Глаза можно вылечить, — сказала Надежда. — Ну, беги, мамка уже заждалась, наверно.

— Мамка сегодня на смене в госпитале, — ответил Гена. — Иначе сама пришла бы. Я на хозяйстве, ну, то есть с бабушкой, конечно.

— Тем более беги, — улыбнулась Надежда. — Раз ты на хозяйстве.

Когда Гена убежал, Надежда хотела, было, вернуться к чтению письма, но на пороге опять послышались шаги, на этот раз женские. Надежда Витальевна решила, было, что пришла ее подруга Катя, но это оказалась Вита Плетнева. Их семья была беженцами, мать и две дочери заняли брошенный дом на противоположной фронту окраине села и кое-как привели его в порядок, благо дом был крепким. Глава их семейства пропал без вести еще в самом начале войны. Людмила, мать Виты и Люси, полагала, что его

схватили в Мариуполе нацисты, и по этому поводу все время ходила в чёрном. Но Людмила не оставляла попыток найти мужа — к сожалению, попытки эти пока были безуспешными.

— А мама где? — поздоровавшись, спросила Надежда, глядя на Виту. Эта девушка, как и ее сестра, обещали вырасти настоящими красавицами — светловолосые, ясноглазые… Вите было чуть больше четырнадцати, Люся — на два года младше.

— В Мариуполь поехала, — ответила Вита. — Всё папку ищет. Недавно созванивалась с тётей Варей, и та говорит, что вроде бы нашлась какая-то информация по нему. Вот она и поехала проверять.

«А сколько ещё таких, — думала Надежда, — чьи родственники пропали без вести во время украинской оккупации! Не хочется и думать, что с ними — по всему югу Украины множество безымянных могил людей, которые чем-то не угодили нацистам…»

— А вы с Люсей на хозяйстве? — уточнила она у Виты. Та кивнула. — Может, помощь какая нужна?

— Да нет, спасибо, сами справимся, — ответила девочка. — Хозяйство у нас небольшое.

— Если что, обращайтесь, — предложила Надежда Вите, когда та отправилась к выходу.

— Спасибо, — кивнула девочка, и повторила: — Сами справимся, не боги горшки лепят. Счастливо, тётя Надя, привет дяде Володе.

— И ты маме передавай, — ответила Надежда Витальевна. — Надеюсь, папа найдётся. Дай бог, чтобы живым и здоровым.

— Дай боже, — кивнула Вита и упорхнула. Интересно, а Вита верит, что её папка найдётся? Трудно верить, зная, какие ужасы творятся по ту сторону фронта…

Обернувшись к небольшой иконке на полочке в углу «кабинета» (это был образ Богоматери «Всех скорбящих радость»), Надежда коротко помолилась. Молилась она редко, но всегда искренне. Вообще говоря, верно пишут — в окопах под огнём атеистов не бывает. И за линией фронта тоже. Особенно, когда там те, кто ждут возвращения своих любимых.

— Пресвятая Богородица, — молилась Надежда. — Пусть невредимыми вернутся все те, кого ждут. И пусть найдутся те, кого ищут. Живыми и невредимыми. Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь.

Перекрестившись, Надежда вернулась к чте-

нию письма.

«Но главное, ребята, чтобы вы помнили то, чему я вас учил не по физике и химии или информатике, а по жизни. О том, что надо помогать друг другу, чтобы сильный защищал слабых. Здесь, на фронте, это хорошо видно. Здесь побеждают те, кто друг за друга, для кого жизнь товарища так же важна, как и своя. В одиночку человек слаб, любой человек. Даже супермены, если бы они существовали, были бы слабыми в одиночку. Вместе мы сильнее. Это одна причина, по которой мы победим. Другая причина – это правда. Правда – это самое надёжное оружие. Если ты за правду, то с тобой никто не справится. А ложь – она как дым или пар. Пар может создавать причудливые, величественные фигуры облаков в небе, но придёт время – и они рассеиваются. Тогда как правда – она, как горы, вечная, неизменная, непоколебимая.

Знали бы вы, ребята, как мне здесь не хватает наших Саян! Не хватает нашей тайги, нашего величественного и прекрас-

ного Енисея! Вы почти ничего не пишете мне о доме, а для меня это важно. Как живёт наш городок? Что нового в нём происходит? Какая сейчас погода, какая была весна? Возможно, вам это кажется не важным. Я про себя скажу – порой этого не замечаешь. Проходишь мимо, не взглянув даже в сторону возвышающихся вдали горных пиков. Идешь по набережной самой могучей реки Евразии и не видишь её, погруженный в свои заботы.

Но здесь, в чужом краю, внезапно самым важным становится именно это, то, чего ты не замечал дома, в мирное время. И не только в природе – здесь всё немного по-другому. Другая речь, другие улицы, дома… здесь совсем нет лесов, вокруг голая степь, изредка встретишь рощицу. И реки здесь другие, даже само небо не такое – не хуже, не лучше, просто совсем другое.

О войне мне вам писать совсем не хочется. Война закончится, как заканчивается болезнь. Люди не созданы для того, чтобы воевать, равно как и для того, чтобы болеть.

Могу только сказать – Украина действительно больна, больна нацизмом. Вы уже взрослые, чтобы это понимать. Я встречаю здесь пленных, ребят немногим старше вас; я беседую с ними – боже, как же им промыли мозг, до полной потери логики. Среди них есть неглупые, но их сознание наполнено несусветной чепухой. Они не знают историю, не знают географию, а некоторые простые вопросы на логику ставят их в тупик.

Дорогие ребята! Я хочу сказать вам одну важную вещь. Я уже говорил вам ее раньше, в общих чертах, сейчас скажу конкретно. Не верьте тем, кто льстит вам, не верьте тем, кто говорит, что вы – избранные, что вы – лучшие люди, превосходящие других людей, людей другой нации или расы. Все люди равные. Никто не рождается со знаком качества, нам только предстоит доказать миру, что мы лучшие. Для этого мы учимся, для этого мы постоянно работаем и совершенствуемся. Лучше всегда быть недовольным собой, чем удовлетвориться и превратиться в безвольного, управляемо-

го манекена, выполняющего чужую волю.

Надеюсь, вы будете и дальше прилежно учиться, чтобы у меня был повод гордиться вами. Рассказываю о вас своим однополчанам, и, кажется, уже немного надоел им с этим. Но что делать? Вы – моя радость и гордость.

Буду рад вашим новым письмам. Побольше пишите мне о доме – вы еще не знаете, что такое ностальгия, вам, наоборот, хочется увидеть больше новых мест. И вы увидите их, у вас впереди вся жизнь. Я надеюсь, что это – последняя война, и когда она закончится, для нашей страны наступит время мира.

Перед вами откроются новые края, вы увидите, как наш мир прекрасен и разнообразен, но со временем поймёте, что вас тянет к родному городку, уютному и тёплому даже в зимнюю стужу. Мне очень хочется вернуться к вам, и я, конечно, вернусь. Может, даже верну себе классное руководство, если успею и если Евгения Маратовна мне вас отдаст. Уверен, что вы уже ее очаровали, несмотря на все ваши проделки.

Верю в вас. Надеюсь скоро получить ваше новое письмо. Ваш Марк Леонидович».

Отложив письмо в сторону, Надежда стала искать для него конверт, благо в тексте письма было довольно много «ниточек», по которым можно было определить адресата. Конверт она нашла быстро, вложила в него письмо, но заклеивать конверт не стала.

Ее все больше увлекала идея с краеведческим музеем, но одновременно смущало, что личная переписка будет доступна общественному вниманию. Наконец Надежда решила, что напишет каждому автору писем и попросит разрешение на публичную демонстрацию их копий в краеведческом музее.

Она включила компьютер и, пока он грузится, тоже погрузилась в свои мысли…

Часть 2. В воздухе пахнет грозой

Глава 4. Берег боли

Темнота была алой, как свернувшаяся кровь. В ней не было места отдельным чувствам — цвета, звуки и ощущения алая тьма поглощала и перемешивала в адское варево, в котором невозможно было понять, что ты видишь, что слышишь, что чувствуешь.

Сознание тоже отсутствовало, и до какого-то момента она не ощущала себя человеческой личностью. У неё не было «я», не было имени… вообще ничего не было, кроме колыхания алой тьмы, не похожей вообще ни на что.

«Я умерла» — эта мысль была самой первой, и долго оставалась одинокой. То и дело она тихим шёпотом возвращалась, пульсируя в такт незнакомому ритму: «умерла, умерла, умерла…», то затухая до почти неслышимого шёпота, то усиливаясь почти до рёва. Но в алой тьме не было разницы между шёпотом и рёвом. Был только ровный пульс, биение и мысль, подобная морскому прибою: «я умерла… я умерла… я умерла…»

Если это смерть — почему она похожа на море из тьмы и боли? И есть ли у этого моря берег?

Боль становилась сильнее. Она превращалась

в тонкую линию, невидимый раскалённый меридиан, пронзающий клубящуюся тьму. Линия боли дрожала, как рояльная струна, и в этой дрожи был всё тот же ритм: «умерла… умерла…».

Если это смерть — почему больно? Смерть — это прекращение страданий. Впрочем, внезапно поняла она, это нельзя было назвать страданием. Боль была неприятна, но не мучительна, она как будто существовала сама по себе, не привязанная ни к чему, не вызывающая привычного страха. Откуда-то из тьмы всплывали и моментально гасли образы — сбитая коленка, порез на локте, тонкая иголка, пронзающая ягодку детского пальчика, укол, невидимый, но ощутимый, быстро вращающееся сверло бормашины…

Боль, вызывавшая страх. Боль, вызывавшая слёзы. А эта алая линия была болью, но не вызывала ни страха, ни слёз. Будто она была не её болью.

«Я умерла. Мёртвым не больно».

Но боль была, значит… она жива? Стоило ей об этом подумать, как в алую тьму проникли звуки — неприятно-резкие, слишком громкие. Стук, лязг, скрежет…

И голос — чужой, неизвестный. Сильный, но спокойный и успокаивающий:

— Слава, промокни её глаза.

И опять боль — чуть сильнее, чуть неприятнее. Алая тьма стала гуще, будто в неё плеснули свернувшейся крови. Потом, спустя болезненную вечность, тот же голос сказал:

— Слава!

— Что? — Другой голос был женским, мягкий, но с хрипотцой, как у курильщика или человека, сорвавшего горло. — Я…

— Слава, промокни ей глаза, пожалуйста. А потом Сергею Нисоновичу.

Следующий голос был ей уже знаком:

— Я в порядке, Григорич.

— Вижу я, в каком ты порядке, — ответил первый мужчина. «Григорич, — подумала она. — Его зовут Григорич». — Сергей Нисонович, мы все не в порядке. Но ты же уже три десятка лет со скальпелем, что такое?

Сергей Нисонович не ответил, но из алой тьмы выплыло лицо мужчины в полосатой рубашке с короткими рукавами. Круглая голова с залысинами, добрые глаза — настолько добрые, что в уголках их залегли морщинки, указывающие на привычку улыбаться людям и миру.

— То, что мы делаем… — начал Сергей Нисонович.

— Мы делаем то же, что всегда, — жестко от-

ветил Григорич. — Лиля Николаевна, бритву, и подготовьте лигатуру. — То же, что вчера и третьего дня. Слава, тампонируйте и чуть подтяните жгут, кровит. Что ты делаешь сейчас?

— Удаляю осколок os radius[28], — ответил Сергей Нисонович. — Потом удалю осколок os ulna[29], вероятно. Тут всё перемешано, трудно сказать, но этот длинный, наверно, от лучевой.

— Так, — сказал Григорич. — Я только что пересек n.flextor[30], сейчас займусь n.ulnaris[31]. Мадина Баяновна, как я вижу, закончила с ее челюстью…

— Да, — вклинился в разговор ещё один женский голос. — Выглядит ужасно, но, как подживёт, заметно не будет.

— Что у вас, Светлана Андреевна? — спросил Григорич.

— Заканчиваю, — еще один женский голос с

---

[28] Примечания: 28

Os radius (*лат.*) — лучевая кость, одна из двух основных костей предплечья (от ладони до локтя).

[29] Примечания: 29

Os ulna (*лат.*) — локтевая кость, одна из двух основных костей предплечья.

[30] Примечания: 30

N.flextor (*лат.*) — большой нерв руки, ответственен за сгибание.

[31] Примечания: 31

N.ulnaris (*лат.*) — локтевой нерв, ответственен за движение кисти руки.

мягким, баюкающим тембром. — Она прикрыла глаза, так что пострадали только веки. На левом ожог, но до глазного яблока не дошло. На глазном дне есть повреждения, но ничего необратимого, хотя левый глаз может временно не работать или видеть плохо… у неё очень красивые глаза, хорошо, что они не пострадали.

Кто-то всхлипнул. Григорич вздохнул:

— Слава, Зоя! Что это у нас, госпиталь или лига плакальщиков? Лиля Николаевна, у вас готова лигатура[32]?

— Да, — ответила ещё одна женщина.

— Слава, я сейчас перережу n.ulnaris, возьмете лезвие. Зоя, готовьтесь тампонировать. Слава, следите за жгутом. Сергей Нисонович, пауза.

Струна боли разгорелась, вспыхнула, словно застывший в алой мгле метеор со сверкающим следом за ним.

Если это боль, — почему ей не страшно?

— Так, девочки, соберитесь, — с возникновением голоса Григорьевича боль отступила, золотистая струна, медленно угасая, погрузилась в алую тьму. — Две артерии, Слава, Зоя, вы мне обе понадобитесь. Лиля Николаевна, сразу го-

---

[32] Примечания: 32

Лигатура (*мед.*) — нить для перевязывания кровеносных сосудов.

товьте вторую лигатуру.

— Готовы обе, — проворчала Лиля Николаевна. — Чай, не вчера родилась.

— Нисонович, что у вас? — спросил Григорьевич.

— Много костяной мелочи, — ответил тот. — Os ulna в щепочки разлетелась, хорошо, хоть os radius на более крупные фрагменты раздробило, хотя хрен редьки не слаще. Чёртовы нацисты… — продолжение фразы было грубым, нецензурным и не вязалось с образом восхищённого интеллигентного мужчины, всплывшим из алого моря боли и утонувшим в нем мгновение спустя.

— Лепесток, — с ненавистью сказал Григорич. — А ведь я помню, как недавно вся Европа выступала против противопехотных мин. Теперь эти дряни закрыли глаза, заткнули уши и… — раздался еще один всхлип, и Григорич прикрикнул: — Слава, не реви, следи за жгутом! Зоя, тампонируй. Снизу тоже! Как интерны, честное слово, мне что, ещё сестёр позвать?

— Снизу кровит, — подсказала Лиля Николаевна. — Тампонирую. Следите за лоскутом!

— Зоя, на лоскуте накипь, сними, — отреагировал Григорьевич. — Так, хорошо. Подмени Лилю Николаевну. Накладываю лигатуру. Нисонович,

у тебя не кровит?

— Чисто, — ответил тот; по алой темноте пронёсся и угас неприятный хрустящий звук. — Убрал крупный осколок os ulna, за ним металлический осколок, миллиметра три.

— Мы его на рентгене видели, — сказал Григорич. — Удаляй смело и смотри внимательно, там еще один, ближе к локтевому… Нисоныч! Какого хрена?

— Ничего ты не понимаешь, Григорич, — ответил тот. — Тебя вчера с нами не было…

— Ага, я здесь торчал, — подтвердил Григорич. — Вместо всех вас, и, случись что, за вас всех отдувался бы.

— …и ты не видел, как она играет, — всхлипнул Сергей Нисонович… — играла… эти руки…

Кто-то заплакал — прямо в голос. «Слава, наверно», — отстранённо подумала она. На миг промелькнула мысль, что все эти разговоры связаны с ней. Но говорили ведь о ком-то живом, а она-то мертва…

— А ну, цыц! — прикрикнул Григорич. — Ну, я вам устрою! Если мы напортачим, девочка может Богу душу отдать. Она и так на кардиостимуляторе и в коме. Да, Нисоныч, меня не было с вами, я не видел… Лиля Николаевна, лигатуру, быстро!

Слава, зажим, Зоя, промокни мне лоб. Пот на глаза катится…

Короткий звон. Стук. Лучик боли вспыхнул и погас.

— Сюда. Нет, Слава, возьми выше, соскользнет. Тампонируйте. Справа тоже. Нисоныч, я не видел концерта — а что это меняет?

— Как что? — удивился Нисоныч. — Повредить такие руки — это все равно что взорвать Пальмиру!

— Каждый человек — Пальмира, — тихо сказал Григорич. — Или ты думаешь, что другие руки, ноги, глаза, уши, кишки, которые мы с тобой удаляем, — меньше, чем Пальмира? Да это чудо Божье — человеческое тело! Ты врач, ты знаешь. Чудо! А война его кромсает, калечит, уродует. Тебе её жалко? Слава, крепче прижимай! Зоя, зайди с той стороны и посмотри, откуда кровь. Удали ту, что есть. Так вот, мне тоже жалко! И её, и остальных. За восемь лет через мои руки тысячи прошли. Сорок два умерли — шестнадцать на столе, остальные — позже. И всех их мне было жалко! Внимание, пересекаю m.flextor ulnaric[33]!

Скрип. Тянущее ощущение боли. Алая тьма

---

[33] Примечания: 33

M.flextor ulnaric — мышца-сгибатель локтевого сустава.

окрашивается ярко-оранжевым.

— Нисоныч, убери этот кусок кости. — Тон Григорьевича был по-прежнему ровным, в нём не чувствовалось ни малейшего волнения. — Я закончу с сосудами, что у тебя с лоскутом?

— Ещё пару осколков удалить, и готово, — ответил тот. — Ты локтевой сустав смотрел?

— Да, — ответил Григорьевич. — Стабильно. Если бы он раздробился, — пришлось бы убирать до середины плеча. Лиля Николаевна, подайте рентген…

Внезапно её окатила волна холода — словно Снежная королева дохнула на неё своим дыханием. С холодом пришёл вопрос: как всё происходящее относится к ней? Что происходит?

Но что-то определённо происходило:

— Пульс замедляется, — сообщила Лилия Николаевна. У неё единственной голос был абсолютно спокойный, даже таинственный Григорич немного волновался, но не она.

— Это нормально, — ответил Григорич. — Я постарался сохранить кровоток в культе, но, сами понимаете, это же ампутация. — Он сделал паузу и добавил: — Слава, проверьте сосуды.

— Не кровит, — ответил девичий голос. Голос был таким, как будто его обладательница вот-вот

расплачется.

— Сам вижу, — ответил Григорич строго. — А ты всё равно проверь и перепроверь. Я не Господь Бог, мог что-то упустить. Нисоныч, приготовься, будем отделять кость… то, что от неё осталось, по суставу. И не возись, нам еще со второй рукой заниматься…

Опять боль… алая мгла пульсирует, будто внутри неё бьется огромное сердце, и каждый удар этого сердца отдаётся болью.

— Что планируешь делать со второй рукой? — спросил Сергей Нисонович. В его голосе звучал непонятный страх. — По протоколу или?..

— Или, — ответил Григорьевич. — Смотри, там локтевая кость раздроблена на три крупных фрагмента. Лучевая, конечно, подробилась на фракции, её убираем… Попробуем сохранить два-три пальца, если надо, сложим что-то из фрагментов. Пусть у неё хоть что-то останется. Потом можно будет допротезировать.

Пауза. Тьма наливается багровым, боль пульсирует приливами-отливами. В ней бьется какая-то мысль, но она не может выловить эту мысль из багровой мути, и ей остаётся только вслушиваться в шорохи и постукивания, сопровождающие приливы и отливы боли.

— Доштопай лоскуты, — говорит Григорич, — я пока распотрошу правую и взгляну на ее состояние в натуре. Потом будем удалять и спасать, так что соберись. Чем внимательнее мы будем, тем лучше у нас получится.

— Я понимаю, — отвечает Сергей Нисонович.

— Лилия Николаевна, добавьте ей наркоза, — командует Григорич. — И местным пройдитесь по правой. Ну, начнём, помолясь…

Тьма сгущается, в ней то здесь, то там вспыхивают крохотные алые и золотые искры. В какой-то момент боль отступает, а с ней отступает и багровое свечение. Звуки становятся тише, сливаясь в невнятное бормотание, переходят в белый шум и, наконец, затихают; одновременно исчезают последние отсветы багрового. Последней уходит боль, и остаётся только тьма. А потом исчезает и она…

* * *

Тьма больше не кажется багровой мутью — просто тьма, похожая на ночь без звёзд. Боли тоже нет. Вместо неё — странное ощущение опустошённости, словно ее сознание — крохотная пылинка где-то на границах мироздания.

Звуки невнятны — шорохи, поскрипывания,

что-то ещё, но всё буквально на грани восприятия. Так продолжается довольно долго, но как долго — непонятно. Наконец, в темноте раздается протяжный скрип — словно кто-то открыл старую-старую дверь с несмазанными петлями. И в эту открытую дверь ворвались другие звуки: стук шагов, тяжелое дыхание, поскрипывание, шорох одежды, какое-то бульканье. Потом раздаётся женский голос:

— Чудо, что он вообще выжил…

Он? Кто это — он?

— Откуда его привезли? — спрашивает другой голос; кажется, этот голос ей знаком — он принадлежит девушке по имени Слава.

— Из-под Авдеевки, — отвечает вторая женщина.

— А чего к нам? — удивляется Слава. — Ближе никого не было?

— Под Авдеевкой сейчас горячо, — говорит вторая женщина. — Госпитали Донецка переполнены, везут туда, где есть койки и свободные хирурги. А про Григорьевича слава по всей линии соприкосновения идет, до самого Харькова… и потом, тут случай тяжёлый, но не экстренный.

Шаги замирают. Дыхание, шорох, бульканье продолжаются.

— Екатерина Алексеевна, я вот чего не пойму… — говорит Слава.

— Потом понимать будешь, — отвечает Екатерина. — Давай его на койку сгрузим. Только осторожно, Григорьевич, конечно, сам с ним работал, но даже самый надёжный шов может разойтись.

— Знаю, — отвечает Слава. — Не первый день замужем.

— Тогда на три-четыре, — командует Екатерина. — Готова?

Ответа нет, но, кажется, она слышит, как Слава кивает. Конечно, услышать такое в обычном состоянии невозможно, но сейчас все её чувства странно обострились, возможно, из-за отсутствия зрения.

— Три-четыре! — Она живо представляет себе двух хрупких женщин, перемещающих с носилок на койку солдата — и это первый образ, который приходит ей в голову за долгое время. Он на короткий миг пронзает тьму и гаснет…

— А он легче, чем кажется. — Слава тяжело дышит, и, кажется, вытирает пот со лба. — Килограмм сорок — сорок пять, при его-то росте…

— А ты сама не поняла ещё? — спрашивает Екатерина. — Он же пленный.

— С чего вы взяли? — в голосе Славы ни сомнения, ни удивления, она доверяет тому, что говорит Екатерина, ей просто интересно. — На нём простой камуфляж без знаков различия…

— …а ещё он босиком, — добавляет Екатерина. — Его нашли позади позиций нациков, в овражке. Там было много трупов, он один живой оказался. Ботинки с него нацики сняли, когда расстреливали.

— Его расстреливали? — ужасается Слава. Очевидно, Екатерина кивает:

— Бандеровцы держат пленных в тылу за передком. Используют для рытья окопов, расчистки минных полей, иногда — как живой щит. Как правило, это те, кто уклонялся от их мобилизации или ребята из ополчения. Последние в плен попадают ранеными, как этот парнишка, но медпомощь им никто не оказывает, откуда у него и гангрена.

Если нацики отходят организованно, пленных они уничтожают. Если бегут — могут убить или отпустить. В этот раз они отступили хоть и поспешно, но организованно. А перед этим постреляли свою команду смертников, да видать поспешили — не проверили как следует. У парня сердцебиение едва прощупывалось, сама

видишь, какая анемия! — сочли за мертвого. И слава богу.

— Но ноги ему пришлось отнять, — сказала Слава. В ее голосе слышалась какая-то невыразимая грусть, словно эта ампутация была *ее* личной трагедией.

— Только ступни, — ответила Екатерина. — Ужасно, конечно, но по нашим временам — не самый худший вариант. Вообще, если бы не Григорьевич, парень загнуться мог, не то что ноги потерять. По нашим временам, не самый худший вариант…

Тишина была многозначительной, но она никак не могла понять скрытого в ней смысла. Потом Слава тихо сказала:

— Да уж… Я, когда на неё смотрю, даже думаю грешным делом — лучше умереть, чем так…

— Типун тебе на язык, — жёстко ответила Екатерина. — Грех так говорить. Да еще и после того, как Григорьевич чудо с её правой рукой сделал. Три живых пальца, два из них они с Нисоновичем по кусочкам собрали.

— Три пальца… — повторила Слава, всхлипывая. — Одна рука… я…

— Знаю, знаю, — перебила её Екатерина. — Мне Нисонович все уши прожужжал. Как она играла

«Лунную сонату» Бетховена, какую красивую и сложную кантату «Саур-Могила» собственного сочинения исполняла. Как её пальцы порхали по клавишам… хорошо, что мы чувствуем это.

— Боль? — В голосе Славы послышалось удивление.

— Да, боль, — ответила Екатерина. — Чужую боль. Сострадание… ты ведь здесь уже пять лет?

— Шестой пошел, — ответила Слава.

— И это — шесть лет ада, — добавила Екатерина. — Я с первых дней волонтёрствую, Григорьевич предлагал меня в штат ввести, да я не могу, сама знаешь почему. Восемь лет этой проклятой войны. Восемь лет — и ни дня без того, чтобы не видеть чужую боль. Сколько их через наши руки прошло, Слава?

— Я не считала, — ответила девушка.

— Мы должны были зачерстветь, как хлеб на солнце, — сказала Екатерина. — Превратиться в камень. Отрезанные руки, ноги, выбитые глаза, распоротые животы, грудные клетки рёбрами наружу, раскроенные черепа, обезображенные лица… сухая гангрена, ожоги, следы пыток — мы всё это видели, всё это проходило через нас, как адский конвейер…

И что же? Девочка, которая играет «Лунную

сонату», спасая жизнь чужому ребёнку, и все мы, даже суровый Григорьевич, не можем на неё смотреть без боли. Думаешь, *он* этого не чувствует? Я слышала, как он с Надеждой Витальевной говорил: «Как мне её из комы выводить? Что я ей скажу? Что сделал всё, что мог? Это правда! Но эта правда ничего не меняет — ребёнок без рук остался! И вот в чем дело: виноваты в этом нацисты, те, что „лепестки“ разбросали; а я, наоборот, действительно сделал всё, что мог. На той стороне ей бы правую оттяпали по локоть, и это в лучшем случае, а мы с Нисоновичем ей три пальца собрали из ничего, и они работают! А всё равно — чувствую себя так, будто это *я* виноват, будто *я* чего-то не сделал — но я же не Господь Бог!»

Молчание. Почти тихо — она слышит дыхание — тяжелое дыхание раненого солдата, прерывистое — Славы, ритмичное у Екатерины; кажется, она слышит даже стук их сердец.

Она понимает, что они говорят, понимает смысл слов и фраз, но сам разговор проходит мимо ее сознания, едва касаясь его. Может, они говорят о ней, но это почти её не трогает, как будто всё, что они обсуждают, происходит где-то в другом мире. Как будто она слушает аудиопьесу.

И лишь знакомые названия — соната, кантата

— немного волнуют её сознание, а при слове «Саур-Могила» в голове начинает звучать музыка. Для этой кантаты мало фортепиано, да и сама она, скорее, маленькая симфония, а не просто кантата. Ей бы хотелось интерпретировать ее для симфонического оркестра. Ей бы…

В этот момент она четко понимает — говорят *о ней…* Перед глазами проносятся кадры — клавиши фортепиано, по которым танцуют её пальцы, пробуждая невероятно прекрасные, чарующие звуки; сотни восторженных глаз, глядящих на неё из десятков зрительных залов; строки нот, бегущие по нотному стану; ребёнок, протягивающий крошечную ручку к коварной противопехотной мине. Взрыв. Боль. Тьма.

* * *

— С ней что-то не то, — сказала Слава, и в ту же минуту девушка, лежащая на одной из двух коек (на вторую они с Екатериной только что положили раненого, чудом спасшегося после бандеровского расстрела), издает едва слышный стон и вздрагивает. — Надо позвать Лилю Николаевну…

— Я сейчас. — Екатерина выскальзывает за дверь и почти сразу возвращается со старшей

медсестрой. Та бросает беглый взгляд на лицо девушки без рук, наклоняется над ней и касается пальцами горла, нащупывая артерию. Качает головой, достает из подсумка шприц и колет туда, где только что нащупывала пульс. Потом убирает пустой шприц обратно в сумочку и достаёт еще один. Манипуляция повторяется. Стоящие рядом с койкой Екатерина и Слава с тревогой наблюдают за происходящим. Они видят, как напрягшиеся мышцы девушки расслабляются.

— Слава, что стоишь, как каменная баба? — строго спрашивает Лилия Николаевна. — Швы проверила бы, ты медсестра или кисейная барышня.

Слава торопливо проверяет повязки на культях, точнее, на культе и остатках правой руки. Швы не кровоточат и выглядят именно так, как должны выглядеть на следующий день после операции — громадные багровые рубцы, избороздившие то, что осталось от предплечья и кисти правой руки и культю левой.

— Всё в норме, Лилия Николаевна, — рапортует она.

— В норме… — ворчит та. — Разве это норма — такой красивой девочке руки по локоть отрывать.

— Вы так говорите, будто некрасивым девочкам или мальчикам можно отрывать руки, — замечает Екатерина.

— Никому нельзя, — соглашается Лиля Николаевна, протирая лоб девушки на койке влажной салфеткой. — Но всё-таки это особо несправедливо, — когда страдают такие девочки. А ещё хуже, когда дети… у нас тут с этим, тьфу-тьфу-тьфу, спокойно, а что в Донецке делается… проклятые фашисты…

— …Так что ты меня спросить хотела? — уточняет Екатерина, когда Лилия Николаевна уходит. Девушка без рук расслабленно дремлет; Екатерина и Слава стараются не смотреть на лежащие поверх одеяла изуродованные обрубки.

— Я? — удивляется Слава.

— Ты, а кто ж ещё? — кивает Екатерина. — Ты сказала, что не понимаешь чего-то…

— Не помню, — честно признаётся Слава, хмуря лоб. — А, да! Мы считаемся эвакуационным госпиталем. То есть мы, по идее, должны не оперировать раненых, а готовить их для передачи в тыл…

— Ну, вначале так и было, — отвечает Екатерина. — Но уж больно у нас состав хороший подобрался. Зачем везти раненого в тыл, рискуя

при транспортировке, если можно на месте прооперировать? Так у нас появились Мадина Баяновна, которая до войны была хирургом-стоматологом, а потом и Светлана Андреевна с Маргаритой Львовной. Теперь мы как бы полноценный госпиталь, и в тыл отправляем или самых тяжелых, или уже прооперированных…

Она потянулась, хрустнув суставами:

— Вот забетонируют площадку — будем вертолёты из Ростова принимать. Говорят, теперь нас расширят, не только вертолётную площадку сделают — новый корпус построят. И оборудование подвезут из Москвы. Ладно, идём, нам ещё обход делать…

— Нам? — удивилась Слава.

Екатерина улыбнулась:

— Ну, я тебе помогу, раз уж тут оказалась. Чувствую. Как разобьем бандер, буду в медицинский техникум поступать. Чего знаниям даром пропадать?

Глава 5. Стучащему откроется

От размышлений Надежду отвлек звук подъехавшего автомобиля. Машина не просто проехала мимо, она остановилась перед зданием почты. Хлопнула дверца, Надежда Витальевна выглянула в окно и увидела стоящий на дороге военный автомобиль и шофёра — ополченца, идущего к почте. Машина была трофейная — полуброневик Кременчугского автозавода, кажется, такие называют «Козак». Ополчение отбило у врага уже немало таких «Козаков», потому появление броневика у здания почты Надежду не напугало, благо на машине виднелась символика Народной милиции ДНР.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказала Надежда. — Не заперто.

Вошел водитель — солдат в форме Народной милиции. На груди у него была колодка в цветах георгиевской ленты — знак награждения медалью, Георгиевским крестом ДНР.

— Добрый день, хозяюшка! — радушно приветствовал Надежду мужчина. — А как у вас с водой дела?

— Вам попить? — уточнила Надежда. — Или

что-то еще?

— Сначала я попил бы, — сказал мужчина. — Денек сегодня жаркий, и в кабине моей душегубки такая парная, что хоть с веником катайся. А вообще, мне бы в радиатор долить, мотор греется, как не в себя.

— Вон на стуле ведёрко, — ответила Надежда. Каждое утро, приходя на работу, она поливала цветы на двух крохотных клумбах у входа, а потом набирала новую воду из колодца позади почты.

Вода в степи — не такое простое дело, как кажется. Это в городе — открыл кран — и потекло, а в деревне воду надо набирать в колодце. Но не везде она есть — степь, конечно, не пустыня, но с водой тут не так хорошо, как в Полесье. Жителям Русского Дола повезло — посёлок был построен в распадке между двух невысоких, покатых холмов, и грунтовые воды здесь залегали довольно близко к поверхности. Их было довольно много, хотя за последние годы некоторые колодцы стали усыхать, и только зимой этого года вода стала потихоньку возвращаться. Владимир Григорьевич, опуская ниже погружной насос, чтобы заборный патрубок доставал до воды, во всём винил укропов — дескать, то, что они перекрыли Крымский

канал, поменяло гидрологию этих мест. А Катя, подруга Надежды, считала, что это просто циклические природные изменения.

Был свой колодец и у почты, точнее, позади неё. Когда Надежда только начинала работать, Владимир Григорьевич добавил над ним ещё одно кольцо, которое зашил в сруб, а сверху установил ворот под двускатной крышей. Недавно они с Гришей разобрали эту конструкцию и заменили новой, с электромотором, но поскольку электричество было не всегда, то Надежда добывала воду по старинке, вращая ворот вручную. Муж Надежды всё грозился поставить на колодец погружной насос, но пока так и не сподобился — насос надо было искать в магазинах Донецка, а Владимир Григорьевич со своими госпитальными делами просто не имел на это времени.

Солдатик подошел к стулу, на котором стояло ведро, взял с подоконника эмалированную кружку, на которой нарисованная белочка грызла орешек, зачерпнул воды и выпил.

— Хороша водица, — похвалил он. — Люблю колодезную, она вкуснее, чем городская. Я сам-то крымчанин, из Солдатского. У нас знаете, какая

вода? Солеватая, и Чонгаром[34] отдаёт, сколько не кипяти.

Он обернулся к Надежде. Это был обычный мужчина — не красавец, но с приятным, открытым лицом. Светлые волосы выгорели на солнце, подбородок покрывала рыжеватая щетина:

— Я подумал, что ж я вас без воды оставлять буду? Давайте, я сам наберу, вы только колодец мне покажите… — он посмотрел на стол, где лежали распечатанные письма, и нахмурился.

— Вас как зовут? — спросила Надежда.

— Николай, — ответил ополченец. — Можно Коля.

— Очень приятно, а меня зовут Надежда. Вы на письма не смотрите, тут такая ситуация — укроп накрыл артой[35] наш почтовый бобик, осколком пробило тюк с почтой, часть писем выпала из конвертов, вот я и пытаюсь их обратно разложить.

— А… — протянул Коля. — Ну, дело такое… известно, что нацики лучше всего воюют с безоружными. Может, помочь?

— Спасибо, я сама справлюсь, — сказала Надеж-

---

[34] Примечания: 34

Чонгар — полуостров в северной части залива Сиваш (Гнилого моря).

[35] Примечания: 35

Арта — артиллерия (*сокр.*).

да, выходя из-за стола. — Идёмте, я лучше вам колодец покажу.

— Сейчас, я только за ведром сбегаю, — ответил Коля. Он вышел к своей машине, Надежда вышла вслед за ним и подождала его у крыльца. Коля вернулся скоро, в руках у него было пластиковое желтое ведёрко. Однако, к удивлению Надежды, вернулся он не один, а в сопровождении симпатичной смуглой темноволосой девушки с красивыми, миндалевидными глазами, такими тёмными, что радужка, казалось, сливается со зрачком.

— Добрый день, — поздоровалась Надежда, несколько сбитая с толку.

— Ciao, — сказала девушка. Голос у нее был мелодичным, она как будто не говорила, а пела. — Scusa, non parlo ancora russo[36].

— Это Джулия, — представил девушку Коля. — Она репортёр итальянского медиапортала, к нам приехала в командировку. Julia, sono Nadezhda, — продолжил он для своей спутницы, — gestisce l'ufficio postale[37].

Надежда взглянула на Николая со смесью удив-

---

[36] Примечания: 36

Здравствуйте. Простите, я не говорю по-русски (*ит.*).

[37] Примечания: 37

Джулия, это Надежда, она заведует почтой (*ит.*).

ления и уважения. Надо же — простой водитель, а свободно говорит по-итальянски! Николай смутился:

— Я в нулевые дальнобоил и катался в основном в Италию, вот язык и выучил.

— Molto felice di conoscerti, — сказала Джулия. — Sono Julia Swallow, giornalista.

— Очень приятно, — улыбнулась Надежда. Итальянка как-то незаметно располагала к себе. — Надеюсь, вам у нас понравится, несмотря на войну. Война закончится, а Донбасс останется, и мы будем рады видеть вас, когда наступит мир.

Коля перевел сказанное Джулией почти без запинки. Джулия улыбнулась:

Si, sì, voglio davvero che la guerra finisca presto! Spero che il mio articolo aiuti. Noi in Italia non sappiamo per niente cosa sta succedendo qui. È terribile![38]

Николай перевел сказанное.

— Война вообще ужасна, — задумчиво сказала Надежда. — Неважно, в Европе, в Африке, где угодно. Человеческая кровь — не вода… Кстати, вы ведь хотели набрать воды?

---

[38] Примечания: 38

О да, я очень, очень желаю, чтобы война поскорее закончилась! Надеюсь, моя статья этому поможет. У нас в Италии совсем не знают, что здесь происходит. Это ужасно! (*um.*).

— Да, — кивнул Николай, переведя Джулии сказанное Надеждой. — Джулия хочет побывать на передовой, вот, везу ее к нашим. Начальство специально выделило трофейную машинку, чтобы меньше риска под обстрел попасть. Но, сказать по правде, машина так себе — перегревается немилосердно, полчаса езды и хоть в чайник из радиатора наливай.

— У меня в колодце вода студёная, — улыбнулась Надежда. — Не скоро нагреется.

Она привела гостей к колодцу и хотела сама набрать для них воды, да Николай не позволил — сам набрал ведро, вытащил, перелил часть воды в своё ведёрко, из оставшейся — зачерпнул кружкой, стоявшей на ободе колодца, и жадно выпил.

— Хороша водица, — сказал он, допив. — Giulia, vuoi provare?

— Sì, caro[39], — улыбнулась Джулия, и Николай набрал воды и для неё. Надежда Витальевна слегка улыбнулась — итальянский она не знала почти совсем, но поняла, что отношения между Джулией и Николаем куда более близкие, чем просто у водителя и пассажира. «Вот жук, — мыс-

---

[39] Примечания: 39

— Джулия, хочешь попробовать? — Да, дорогой (*ит.*).

ленно улыбнулась Надежда. — На вид парень прост, как веник, а, похоже, очаровал иностранную гостью».

— Ну, как вам наша водица? — спросила она итальянку, когда та допила.

— La più bella, Bellissima! — ответила Джулия. — Come da una sorgente di montagna![40]

— Вам с ней повезло, — сказал Николай после того, как перевел сказанное Джулией. — Здесь в степи такую воду не везде найдёшь, а на севере Крыма её просто нет. Я из Солдатского, и в пятнадцатом, когда нацики закрыли Крымский канал, у нас с водой было совсем плохо, да и в других сёлах не лучше.

Джулия что-то сказала, видимо, попросила перевести. Николай перевел. Глаза Джулии буквально округлились:

— Это правда? — спросила она (Николай переводил для Надежды её слова). — Они перекрыли воду для всего Крыма?

Николай и Надежда подтвердили, а Коля еще и добавил что-то, Надежда поняла только слово «электричество», вероятно, речь шла о взорванных националистами опорах магистральной

---

[40] Примечания: 40

Прекраснейшая, как из горного родника! (*ит.*).

ЛЭП[41]. Джулия всплеснула руками:

— У нас об этом никто не говорил! Как же можно было оставить весь Крым без воды и без света? Это всё равно, что лишить света и воды всю Сицилию! А как же люди?

— Мы для них не люди, — сказала Надежда. Прозвучали эти страшные слова обыденно, буднично. Но на Донбассе с этой горькой правдой давно уже свыклись. Нацисты не рассматривали население республик как людей — наверно, чтобы проще было убивать безоружных…

— Ну, Крыму быстро помогла Россия, — добавил Николай. — Но два года вода у нас была по расписанию, даже в Севастополе. А многие села жили на привозной. Сколько питомников, сколько виноградников погибло!

— В каком году, говоришь, это было? — спросила Джулия.

— В пятнадцатом, — ответил Николай. — Сразу после референдума.

— То есть, — сказала Джулия, задумавшись, — за семь лет до начала спецоперации?

Николай и Надежда синхронно кивнули.

— И все эти годы они обстреливали Донбасс, —

---

[41] Примечания: 41
ЛЭП — линия электропередачи.

добавила Надежда. — Гибли мирные люди. Гибли дети. У меня у сестры в Донецке ранило сына во время обстрела, а двое его одноклассников погибли. Они не были солдатами, они были школьниками и играли в футбол на школьном дворе. Ваня Кухарчук увлекался астрономией. Женя Бестемьянов любил готовить и мечтал стать поваром. У него была большая семья, и после переворота на Майдане они никогда не ели досыта. А потом оба погибли, когда играли в футбол…

Пока Надежда говорила, Джулия вытащила крохотный диктофон и принялась записывать.

— Я обязательно напишу обо всём этом, — пообещала она, и Надежда заметила, что глаза итальянки влажно поблескивают. — И о блокаде Крыма, и об обстрелах. Я специально соберу больше информации. Конечно, я еще начинающий журналист и не слишком известна. Но мои материалы из Бергамо[42] в год эпидемии пользовались успехом и создали мне репутацию.

— Джулию даже номинировали на литературную премию, — сказал Николай с какой-то гордостью, словно на премию номинировали его

---

[42] Примечания: 42
Бергамо — город в Италии.

самого. — Правда, не дали, отдали журналистке, которая писала о проблемах меньшинств на юге Италии. Думаю, премию просто дали тому, кому велели, вот и всё.

— Да не нужна мне эта премия! — отмахнулась Джулия. — Мне главное, чтобы мои статьи прочло как можно больше народа! Ведь это же стыдно в наш век Интернета не знать правду, слепо верить чуши о «российской агрессии»! Когда Косово сделали независимым, признав в ООН[43] законным решение, простите, бандитской сходки албанских фашистов, — это нормально, о да! А когда весь Крым проголосовал за то, чтобы войти в состав России, — нет, нет, нельзя! Да еще и воду ему перекрыть, чтобы люди умирали от жажды! Я сама с Сицилии, но отец работал на юге Ливии, и мы часто там бывали. Я знаю, что это — быть без воды!

— Вы делаете хорошее дело, Джулия, — похвалила Надежда. Бог вам в помощь!

Когда Николай перевел, Джулия торопливо перекрестилась двумя пальцами:

— И вас храни Пресвятая Мадонна! Думаю, Бог знает, кто прав. Он всегда помогает праведникам.

---

[43] Примечания: 43
ООН — организация объединенных наций.

Мой прадед пас овец при Муссолини[44]. У него потерялась овечка и его за это фашисты могли даже расстрелять. Он помолился Пречистой Деве и увидел пропавшую — она запуталась в терновом кусте, как агнец Авраама[45]. Это наша семейная легенда. Но если Бог видит простого пастуха и его овечку — то страдания Донбасса он не может не замечать…

* * *

Николай рассказал Джулии, что Надежда собирает письма для Музея солдатских писем. Надежда, которая, в общем-то, пока еще не утвердилась в этой идее, хотела, было, возразить, но потом не стала.

— Это очень благородно, — прокомментировала Джулия. — Люди должны помнить такие вещи. Может быть, все проблемы мира потому, что мы слишком быстро забываем важное. Я видела пленных боевиков — кажется, это называется «нацпат», правильно? — уточнила она у Николая;

---

[44] Примечания: 44

Бенито Муссолини — итальянский диктатор. Казнён в 1945 году.

[45] Примечания: 45

По легенде, когда Авраам решил принести в жертву Богу своего сына Исаака, Бог указал ему на ягненка, запутавшегося в кустах у жертвенника; его Авраам и принес в жертву вместо Исаака.

тот кивнул и поправлять не стал, — …они все изрисованы свастиками! У нас за такую татуировку можно попасть под надзор полиции, а эти свободно разгуливают, даже считаются героями!

— Мы как раз пытаемся рассказать об этом всему миру, — вздохнула Надежда. — Но нас никто не слушает!

— Я помогу вам! — заверила её Джулия. — Я буду говорить об этом в Италии. Есть другие журналисты — не только из Италии, из Франции, Германии, даже Великобритании. Нас пока мало, но… у вас есть такая замечательная поговорка: «Капля камень точит» — вот мы с вами такие капельки. Вы делаете ваш музей, я пишу свои статьи. Я даже попробую вас попиарить, когда вы откроетесь.

Надежда чувствовала себя странно. С одной стороны, ситуация укладывалась в классическую формулу «без меня меня женили» — она еще только думала над созданием музея, а её уже собираются рекламировать, и даже за рубежом. С другой стороны — то, как легко люди принимали идею музея солдатских писем, свидетельствовало о том, что этот музей действительно был нужен.

Прощались они тепло. Николай обновил воду в радиаторе своего трофейного броневика, продол-

жая работать переводчиком при общении Надежды с Джулией. «Он сам, как итальянец, — думала Надежда, — такой же энергичный, быстрый, как ртуть». Она хорошо видела взгляды, которыми обменивались Джулия с Николаем, видела, как они, украдкой, смотрят друг на друга, и понимала, что между молодыми людьми нечто большее, чем просто симпатия.

Более странную пару представить себе было сложно — простой водитель из крымского посёлка, ополченец с наградами и красивая сицилийка-репортёр новостного портала. Хотя…

…Если подумать — а такие ли мы разные? Для Джулии были близки и понятны тревоги и горести русских людей Южной Украины. Её дед был простым пастухом и тоже батрачил на какого-то итальянского помещика. И сама она не смотрелась посреди донецкой степи как белая ворона. Сердце у девушки было горячее и сострадательное, а всё остальное — малозначащие детали. В конце концов, не важно, на каком языке говорит твой собеседник, если вы понимаете друг друга!

— Вы, если получится, заезжайте к нам в гости, — пригласила Надежда Витальевна. — Мы с мужем живем в большом доме под черепичной крышей, у нас ещё перед домом столб с колесом

прибитым. Раньше там аисты гнездились, но, как война началась, больше не прилетают.

Джулия коснулась пальцами руки Надежды и защебетала что-то на своём.

— Она говорит, что аисты обязательно прилетят, — перевёл Николай. — Как только война закончится, прилетят, непременно!

— Я тоже в это верю, — кивнула Надежда.

— Мы к вам обязательно заедем в гости, да, Николя? — сказала Джулия, забираясь в машину. Николай, придерживающий для нее тяжелую бронедверь, кивнул:

— Конечно, приедем.

— И я хочу побывать в госпитале, где работает ваш муж, — добавила Джулия уже из машины. — До встречи, Надежда. Пусть Пресвятая Дева хранит ваш дом и всех, кто вам дорог! Пусть аисты поскорее прилетают!

— Спасибо, — ответила Надежда, улыбаясь. — Пусть и вас Господь хранит в дороге.

Дороги Донбасса… Надежда еще помнила то время, когда это были спокойные, пустые асфальтовые нити, соединявшие мирные посёлки. Теперь на этих дорогах выбоины от снарядов, как шрамы на теле воина. И выбоины — не самое страшное, что можно встретить на этих дорогах

— парят в пустынном небе малозаметные дроны, рыщут по степи диверсионно-разведывательные группы украинских бандитов, и любая машина может подвергнуться обстрелу. Говорят, теперь даже спутники-шпионы НАТО[46] помогают украинской армии.

Надежде очень пришлись по душе Николай и Джулия. Внезапно она поняла, что очень хочет, чтобы их отношения развивались дальше. Жизненный опыт подсказывал Надежде, что пока молодые люди находятся на той стадии, которую Владимир Высоцкий описывал в своей песне словами: «Думая, что дышат просто так, они внезапно попадают в такт такого же неровного дыханья». Николай и Джулия любили друг друга, они даже догадывались, что их чувства взаимны, но еще наверняка не признались в них друг другу.

Любовь — и война. Ужасное сочетание, но совсем не редкое. Когда жизни угрожает смертельная опасность, потребность в любви возрастает кратно. Наверно, война — полная противоположность любви, и её чудовищную несправедливость может компенсировать только чудо, когда два

[46] Примечания: 46
НАТО — Североатлантический альянс.

сердца бьются вместе — и навсегда.

Но как же опасно любить на войне! В любой момент твою любовь могут ранить, даже убить. Могут убить прямо у тебя на глазах. Смерть несправедлива, она часто медлит к тем, кто ждёт её прихода, — и без спросу является к тем, кто совсем её не желает. На войне смерть забирает молодых, тех, у кого всё было бы впереди, если бы чья-то злая воля не послала бы их в горнило боя, где шальная пуля или осколок моментально могут оборвать юную жизнь.

На войне ты можешь потерять любимого в любую минуту — или в любое мгновение могут убить тебя. И то, и другое страшно и несправедливо. Но на войне люди становятся ближе. Парадокс, но могли бы Николай с Джулией сойтись, если бы война не свела их? Наверно, нет.

Одно Надежда знала точно — теперь она будет поминать в своих молитвах еще двоих людей — Николая и Джулию. Она будет просить Бога, Пресвятую Богородицу, святителя Николая — тёзку водителя и всех святых, чтобы их не коснулась никакая напасть — пуля, осколок, мина на дороге…

Вслед за этим Надежда подумала о своем муже, о своих сыновьях. Старший, Виталька, был на

войне, и тревога о нем не покидала Надежду ни на минуту. Младший, Вовка, на войну по возрасту не вышел, и это его очень расстраивало. Учился он прилежно, вел себя тоже прилично — серьёзностью он пошёл в отца. Но время от времени на Вовку накатывало и он печалился, что сидит дома, пока другие воюют.

И, конечно, муж. Ее Володя. Сейчас они виделись редко, у Владимира Григорьевича было полно дел в его госпитале. Но при этом всё равно Надежда постоянно чувствовала его рядом с собой, словно их не разделяли те три версты, которые отделяли Русский Дол от скрытого холмами опустевшего хутора, в котором разместился госпиталь Владимира Григорьевича.

Они часто созванивались; если Владимир был занят, Надежде отвечал кто-то из санитаров или сестер. Она клала трубку и занималась своими делами, пока муж не освободится. До войны Владимир Григорьевич заведовал фельшерско-акушерским пунктом в Забойске, но еще в самом начале, до Минских соглашений, когда украинская армия рвалась к российской границе, по Забойску ударила их артиллерия. Никаких частей ополчения в городке не было, это был чистой воды акт устрашения. Напугать, прав-

да, почти никого не удалось, да и удар был так себе, но по ФАПу попали, и деревянное здание сгорело со всеми лекарствами, инструментами и документами. Теперь жителей Забойска, Русского Дола и нескольких соседних деревень принимали в госпитале, где силами Владимира Григорьевича оборудовали, кроме всего прочего, стоматологический кабинет и даже приемную психолога-психотерапевта. У последнего не было проблем с клиентурой — война калечит психику людей даже больше, чем их тела. Правда, Маргарите Львовне пришлось поездить по окрестным селам, объясняя людям, зачем им приходить к психиатру — против этой профессии у многих было сильное предубеждение, хотя психотерапевт — такой же врач, как и все остальные. Но люди почему-то боятся обращаться к таким специалистам и годами живут с незалеченными душевными травмами.

Надежда решила позвонить мужу прежде, чем вернуться к чтению писем. Если у того нет аврала, то идею музея стоило бы обсудить с ним. Вернувшись в здание почты, она посмотрела на пакеты с гуманитарной помощью, которые еще не забрали, снова вспомнила о Екатерине, подивившись, что та не приходит, и направилась

к столу, на котором стоял старомодный аппарат семидесятых годов с вращающимся диском.

Здесь её ждало разочарование — в трубке телефона царила гробовая тишина. Такое случалось часто, и причин тому могло быть очень много — от перебоев с электричеством до проблем на линии. Надежда вздохнула и достала из сумочки, которую она еще с утра поставила на полку под вешалкой у двери, мобильный телефон. Мобильная связь в Русском Доле почти не работала и появлялась крайне редко. Причём никто в посёлке не знал, какие причины обусловливают наличие или отсутствие оной. На этот раз связь была, и Надежда быстро набрала телефон госпиталя. Трубку сняла Слава — полное имя у девушки было Мирослава, она была на вид такой типичной украинкой — крепкой, кругленькой, румяной — кровь с молоком. Владимир Григорьевич, однако, считал, что Слава чем-то похожа на молодую королеву Викторию. Мнения по этому поводу в семье разделились: Виталий был согласен с отцом, Надежда и Вовка — нет.

— Воинская часть такая-то, — сказала Слава, назвав номер, присвоенный госпиталю. — Военный госпиталь такой-то.

— Привет, Слава, как у вас погода? — сказала

Надежда.

По телефону приходилось говорить «эзоповым языком», чтобы информацию не перехватили те, для кого она не предназначена. Слава правильно поняла вопрос Надежды, а спрашивала та о том, есть ли горячка в больнице, занят ли ее муж на операции.

— Здравствуйте, Надежда Витальевна, — прощебетала Слава приветливо. — Пока ясно, но с запада дует непонятный ветерок. Владимир Григорьевич поливает грядки, как закончит, скажу ему, чтобы позвонил.

Нет, пока раненых не подвозили, — так расшифровывалось то, что сказала Слава, — но, возможно, ожидаются. Владимир Григорьевич на обходе, когда закончит — подойдёт.

— Передай ему, пусть пробует звонить на мобильный, — сказала Надежда. — Стационарный чего-то не работает, а мобильник ловит.

— Хорошо, — согласилась Слава, — передам.

Повесив трубку, Надежда услышала за окном чьи-то шаги. Точнее, чьи шаги она сразу узнала и обрадовалась — наконец-то объявилась «пропажа» — Екатерина.

Глава 6. Письмо поисковика

— Привет, Катюша, — приветствовала гостью Надежда, когда Катя вошла в помещение почты. — А я уж переживать начала — не приходишь и не приходишь…

— В Забойск ездила, — ответила Катя, обнимая подругу, — лекарства для Мишутки передали.

У Кати с ее мужем Сергеем своих детей не было. Они женились в тринадцатом, зимой, а в четырнадцатом Сергей ушел в ополчение. Сейчас он капитан и командует ротой Народной милиции. Был дважды ранен, награжден медалями. На побывку приезжает, но не так чтобы часто.

А зимой пятнадцатого под ночь к Кате в дом постучались. Она, хоть и была одна, открыла — правда, с оружием, Сергей ей привез пистолет и даже научил стрелять. На пороге оказалась худенькая девочка, на вид не старше пятнадцати, и совсем крохотный мальчонка. Это и были Даша и Миша.

Детишки попросились переночевать. Катя их пустила, накормила, а потом расспросила. Дети были детдомовские, и не родня друг другу — просто бежали вместе. Все началось с того, что

в город приехали нацисты из одного из нацбатов — какого именно, ни Даша, ни, тем более, Миша сказать не могли. Головорезам чем-то приглянулось здание детдома — возможно, тем, что стояло на окраине города, а может — тем, что здесь когда-то располагались казармы. Сиротам велели выметаться. Даша как чувствовала — схватила в охапку Мишку, над которым шефствовала — руководство детдома поручало старшим заботу о малышах, и рванула на все четыре стороны. Точнее, не то, чтобы рванула — задержалась в окрестной застройке, затаилась в одном из пустовавших долгие годы административных зданий, где уже даже бомжи не селились, рассчитывая уйти ночью. Потому она видела, что произошло дальше.

Нацисты стали заселяться в здание детдома еще до того, как его покинули сироты. Моментально они стали «обмывать» своё «новоселье». Напившись, бандиты устроили охоту на сирот. Мальчиков избивали и пытали, девочек — сначала насиловали, потом избивали и пытали. Ночью во двор детдома выволокли человек под двадцать избитых детей и стали развлекаться, стреляя по ним.

Пока всё это происходило, Даша с Мишей сиде-

ли тихо, как мышки. Когда, под утро, дети были перебиты, а нацики угомонились, Даша с Мишей рванули, куда глаза глядят от этого страшного места.

С тех пор у Миши были проблемы со сном. Уже упомянутый психотерапевт госпиталя Владимира Григорьевича диагностировала у мальчика посттравматическое расстройство личности и выписала ему снотворное и антидепрессант. Поначалу Катя только горько улыбалась — идет война, ДНР и ЛНР никем не признаны, Россия помогает, как может, но где взять такие лекарства? Их не везут. Другое более важно — перевязочные материалы, антибиотики, средства для обработки ран, для дезинфекции, кровь для переливания, наконец…

Но за дело взялись Надежда и Маргарита Львовна. Им удалось найти в Ростове благотворительный фонд, который взял на себя оплату лекарств для Миши и доставку их до Забойного. Теперь раз в месяц Катя получала посылку, а Мишка спал спокойно, и потихоньку превращался в обычного пацана. Он ходил в школу, уже в третий класс, нормально общался с ровесниками, но порой на него накатывало что-то, он или начинал плакать, или замыкался в себе. Тогда на помощь прихо-

дили медикаменты. Но куда больше помогла, конечно, любовь Кати. Катя и, впоследствии, Сергей приняли Дашу и Мишу, как своих. Они даже собирались усыновить их, но дело пока не двигалось с мёртвой точки, ведь у детей не было вообще никаких документов. Хорошо, их хоть в школу взяли. Но Даша уже закончила школу, и ей хотелось продолжать учёбу, вот только с временными документами поступить куда-то было сложно.

С момента начала спецоперации Катя внимательно следила за ходом освобождения Украины от нацистов. Она обзванивала, как могла, все детские дома на освобождённых территориях в надежде найти хоть какие-то документы для своих приёмышей. Она даже выезжала почти к линии фронта, посещая те детдома, которые были разорены нацистами, но пока без толку. И процесс выдачи новых документов буксовал.

Зная о Катиной проблеме, ей стали помогать другие — и односельчане, и жители Забойска. К Кате то и дело являлся кто-нибудь из ее добровольных помощников, но, увы, пока с пустыми руками.

— Как вообще твои? — спросила Надежда, предлагая Кате присесть. — Чаю хочешь?

— По такой жаре? Я лучше просто водички холодной выпью, — улыбнулась Екатерина. — Нормально мои. Дашка сидит зубрит, поступать хочет, мне даже стыдно перед ней, что с документами такое. Мишка на каникулы вышел, в табеле отметки только отлично и хорошо. Постарался, молодец. Серега сейчас где-то под Углегорском, точнее не знаю — он не говорит, я не спрашиваю. Воюет…

Надежда протянула подруге кружку с водой; выпив, Катя хотела отставить кружку и увидела разложенные на столе письма.

— Что это у тебя? — удивилась она. Надежда вздохнула:

— С утра нацики машину фельдъегерей обстреляли. Без жертв, но часть писем, как видишь, всмятку. Решила разложить их по конвертам и задумалась. Можно, я с тобой посоветуюсь?

— Ради бога, — ответила Катя. — На что ещё нужны подруги?

— Тут, понимаешь, какая идея, — сказала Надежда. — Я сидела, перебирала их, и подумала, что эти письма вполне можно было бы разместить в музее, не оригиналы, конечно, копии. Ну, или создать музей солдатских писем. Понимаешь, в письмах война показана такой, как она есть.

Без прикрас, без пафоса, без чернухи — просто война. Для солдата война — это его сегодня, его реальность. Но если вчитаться в эти письма, то понимаешь… — Надежда вздохнула. — Многое понимаешь. Что война — это неправильно. Что надо беречь мир. Понимаешь, почему важно защищать Родину…

Катя смотрела на Надежду с восхищением:

— Отличная идея! Знаешь, я бы отдала кое-что из Серегиных писем для экспозиции. Не думаю, что он обидится. Он у меня поэт, философ, он прямо так и пишет — мы, мол, пишем так, как будто нас суждено прочитать миллионам. Завтра-де новый бой, и ты не знаешь, выйдешь ли из него живым. Может, это последнее твоё письмо. Последнее, что ты скажешь дорогим людям…

— Что-то похожее наш батюшка в это воскресенье говорил, — кивнула Надежда.

— Так у нас же батюшка сам на фронте постоянно бывает, — подтвердила Катя. — С солдатами общается, исповедует их. Он сам воин, только и того, что без оружия. Так о чём ты хотела со мной посоветоваться? Хочешь сделать экспозицию у нас в клубе?

…Когда-то давно, когда Украина ещё была в составе СССР, клуб был в каждом селе, даже самом

маленьком, в две-три улицы. С обретением независимости всё это хозяйство стало приходить в упадок. Клуб Русского Дола спасла бабушка Кати, её тёзка — Екатерина Матвеевна. Она растила Катю одна — родители подруги Надежды погибли в Афганистане, когда девочка ещё в школу не ходила. Катя выросла при клубе. Они вдвоем с бабушкой содержали его и тогда, когда украинские власти сначала сократили, потом — напрочь обрубили финансирование на эти учреждения. Кино в клубе больше не показывали, не приезжали коллективы самодеятельности, как в годы застоя, зато была библиотека, были дискотеки по выходным, а главное — у сельчан была возможность собраться вместе в любую погоду, как-то культурно провести время.

Новая власть ДНР была удивлена тем, что в Русском Доле ещё существует клуб, но кое-какое финансирование на него выделила. В Русский Дол привезли списанный киноаппарат, иногда в клубе стали крутить кино — не новые ленты или хиты, но народ собирался и смотрел. Фильмы привозили хорошие, вроде «Брата», «Брестской крепости», «Тумана». Привозили и новые фильмы, про марш на Приштину, про ополчение…

Вроде бы не так уж и важно, есть ли клуб в Рус-

ском Доле или нет. Конечно, посёлок без него не пропал бы, но существование этого «культурного центра» делало жизнь русскодольцев немного светлее и праздничнее, и в этом была огромная заслуга Кати.

— Да нет, — сказала Надежда. — Ну, то есть да, конечно, если есть такая возможность. Я сначала думала про школу в Забойске…

— Ты смотри на перспективу, — улыбнулась Екатерина. — Это сейчас у нас жизнь в селе еле теплится. Будет новая дорога — вернутся люди в Русский Дол, а дорогу уже строят. Так что, как прогоним бандеровцев, у нас в Русском Доле не только клуб будет, но и церковь, и магазин, и школа. В школе, конечно, музей делать лучше, чтобы дети с самого раннего возраста знали историю. Чтобы помнили и не думали забывать. А пока школы нет — я у себя всё размещу, ко мне ведь и так ходит и стар и млад.

— Хорошо, — машинально кивнула Надежда. — Но я… понимаешь, я сомневаюсь, можно ли размещать чужие письма в музее, это всё-таки личная переписка?

— Так можно спросить у тех, кто эти письма написал, — ответила Катя. — Найти их, обрисовать ситуацию — уверена, большинство только рады

будут. Это же ты как будто войдёшь в историю. А если человека уже нет — то это память. Как Сергей мой говорит — человек может умереть, но его голос будет звучать из его писем. Будет говорить о том, что для него было важным… — Катя почему-то покраснела и оборвала фразу. Вместо этого она взяла со стола один из листков, и стала читать вслух:

«Здравствуйте, Наташа! Я был очень рад получить от Вас такое тёплое и доброе письмо. Ото всей души радуюсь новым успехам нашего клуба и надеюсь, что следующим летом поучаствую в подъеме найденного нами танка. То, что вам удалось найти живого члена экипажа – это невероятно. И, конечно, радует, что экипаж танка не погиб, а сумел спастись.

Признаться честно, я очень сожалею, что не могу участвовать в экспедициях этого года. Карелия – это край, который ещё хранит много тайн прошедшей войны. Мы уже проводили две экспедиции туда, до Вашего прихода в клуб, если Вас интересуют подробности, можете расспросить у Павла Кареновича. В одной из

них мы нашли остатки финского „Спитфайра“[47], в другой случилась вообще детективная история – найденный нами БТ-5[48], который мы сначала посчитали красноармейским, имел удивительную историю: его подбитым захватили финны, использовали, как тягач, а потом восстановили до боеспособного состояния… и бездарно загнали в болото в сорок втором. Танк мы, конечно, восстановили как советский; теперь он стоит во дворе одной из школ Петрозаводска как памятник.

Я взял с собой Вашу работу по униформе красноармейцев Ленинградского военного округа тридцать седьмого – сорок третьего годов. Она меня порадовала – Вы скрупулёзно подошли к изучению предмета и сумели обратить внимание на те детали, которые другие исследователи не заметили. Это огромный плюс в нашей

---

[47] Примечания: 47

Супермарин «Спитфайр» — британский истребитель времен Второй мировой войны.

[48] Примечания: 48

БТ-5 — колёсно-гусеничный советский танк времен Второй мировой войны.

работе. Знаю, что сейчас Вы работаете над такой же монографией по Карельскому фронту и морякам Северного флота. Советую обратиться к Саше Болгову, он крупнейший специалист по ленд-лизу[49], а на севере ленд-лизовская форма и фурнитура встречались чаще, чем где бы то ни было, и не отразить это в Вашей работе Вам просто не удастся.

Как я уже сказал, мне очень жаль, что я не смогу поехать с вами в Карелию. Но я, как Вы знаете, офицер запаса и с началом Специальной военной операции просто не мог оставаться в стороне. Как историк и специалист по периоду Второй мировой, я прекрасно знаю, что такое нацизм. Какую опасность он несет людям, человечеству. Нацизм – это не просто возрождённое варварство – эта идеология способна полностью разрушить нашу цивилизацию. Впрочем, как и другая, на первый взгляд противоположная – либерализм.

---

[49] Примечания: 49

Ленд-лиз — государственный акт Соединенных Штатов Америки, позволивший в 1941–1945 годах поставлять их союзникам во Второй мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие и другое стратегическое сырьё на условиях займа.

Это только кажется, что между нацизмом и либерализмом нет ничего общего – оба эти течения характеризуются резким неприятием всякого инакомыслия. Просто у нацистов есть ***дозволенная идеология****, а у либералов – конгломерат дозволенных идей. Свобода при либерализме только кажущаяся, у этой свободы есть жёстко очерченные рамки.*

На практике – здесь либералы и нацисты заодно, эти две „противоположности“ противостоят нам. Либерализм покрывает самый жестокий нацизм. Наверно, Вам хорошо известно, как это бывает, – история с соцсетью „Фейсбук“, разрешившей призывы убивать русских – это только самый очевидный пример.

Я уже давно говорил, Наташа, что у русского человека есть какое-то обострённое чувство справедливости. Это не достоинство, но и не недостаток; нашим чувством справедливости легко манипулировать, что хорошо показали примеры тысяча девятьсот пятого, тысяча девятьсот семнадцатого и тысяча девятьсот девяносто первого годов. Вместе с

тем нас не так просто одурачить и ложь с манипуляциями мы чувствуем даже тогда, когда не понимаем, где именно нас обманывают. К сожалению, на Украине воспитали некоторое количество людей, у которых эти качества атрофированы. Я пытаюсь понять, как это произошло; для этого я общаюсь с пленными. Сейчас меня занимает амбициозная задача – описать этот процесс максимально подробно, чтобы другие сумели найти методы борьбы с подобной идеологической обработкой. Я не верю, что у русских в России есть врождённый иммунитет к этой заразе – к моему глубокому сожалению. Поэтому, как вирусолог изучает новый коронавирус, я сегодня занят изучением вируса украинства, конечно, когда позволяет боевая обстановка.

Вместе с тем я не забываю и о нашем общем деле. Хочу поделиться с Вами одной радостью – Вы первая узнаете об этом из всего нашего клуба. Как Вы знаете, я командую инженерным подразделением. Мы роем окопы, устраиваем временную фортификацию – блиндажи,

защищённые огневые точки, позиции для артиллерии и так далее. Восемьдесят процентов наших занятий – земляные работы. Я не знаю, знаете ли Вы, но к поисковому делу я пришел курсантом инженерного училища. Во время учений мы случайно вскрыли братскую могилу красноармейцев. Наш курсовой офицер тут же связался с поисковиками, и те вскоре прибыли на место. Нашему курсу пришлось потратить больше сил, выстраивая линию обороны так, чтобы не потревожить прах павших героев, но зато поисковикам удалось восстановить имена сначала восьми красноармейцев из числа захороненных, а потом – и остальных восемнадцати, уже работая с архивами. Там я познакомился с профессором Руденко, тогда он был еще кандидатом наук, и с нашим Павлом Кареновичем…

Сейчас история почти повторилась – когда мои бойцы строили линию обороны на одной из здешних высот, они обнаружили человеческие останки. Рядом с

телом лежали остатки трёхлинейки[50] с примкнутым штыком и, что более ценно – хорошо сохранившийся планшет[51] с донесением. Мне удалось ознакомиться с содержимым донесения в планшете – его от времени сохранили целлулоидные[52] листы, между которыми он лежал. К счастью, мне удалось законсервировать эти листы с донесением – за ними приехали специалисты, их передали в Луганск для дальнейшего изучения.

Но Вы же понимаете, что ни один поисковик не остановился бы на этом. Несмотря на то что здесь ужасная связь, я, воспользовавшись короткой передышкой, созвонился с несколькими знакомыми архивистами. Зная номер части, дату написания донесения и обстановку на фронте, я сумел установить личность погибшего! Честно говоря, я этим гор-

---

[50] Примечания: 50

Трёхлинейка (*жарг.*) — винтовка системы Мосина образца 1895 года и её последующие модификации.

[51] Примечания: 51

Планшет — армейский подсумок для документов.

[52] Примечания: 52

Целлулоид — прозрачная тонкая пластмасса.

жусь, ведь задача была непростой. Но теперь в могиле на одной из донецких высот будет лежать не неизвестный солдат, а гвардии ефрейтор Вилен Васильевич Якимов. И я уверен, что его родня вскоре найдёт своего родственника, пропавшего без вести в годы войны, а когда здесь станет спокойно – сможет посетить место его последнего упокоения.

Знаете, Наташа, поисковое дело – это, конечно, очень интересно, захватывающе. Это всё равно, что быть персонажем исторического детектива. Но главное в нашем деле не это, не адреналин, не драйв (Вы, наверно, сейчас улыбаетесь, думая о том, что для Андрея Репина драйв – это сидеть с кисточкой, бережно очищая от породы фаланги пальцев или гильзу, в которой, возможно, лежит солдатская памятка…). Главное – это как раз справедливость. Человек не должен пропасть без вести. Его прах заслуживает того, чтобы быть по-человечески погребенным. Я называю наших противников варварами, но они хуже. Варвары всё-таки погребали своих собратьев. Укропы бросают их в

поле, как ненужный мусор. Мы, по мере возможности, стараемся их хоронить – и этим тоже приходится заниматься моим солдатам, но в сопровождении сапёров-минёров. Дело в том, что эти нелюди очень часто превращают трупы своих боевых товарищей в мины-ловушки – совершенно нечеловеческое поведение!

Мы, поисковики, не просто изучаем историю по материальным свидетельствам – мы возвращаем память о тех, кто эту историю творил. Для нас лозунг „никто не забыт, ничто не забыто“ – не просто красивые слова, а руководство к действию. Говорят, что война не кончится, пока последний её солдат не будет погребен. И мы надеемся когда-нибудь закончить еще ту, давнюю войну.

А еще – мы сохраняем память. Человечество должно помнить свою историю, не вычёркивая из неё даже самые мрачные страницы. Идея манипулировать людьми, изменяя их память, не нова, как минимум, об этом писал Оруэлл[53] в сво-

[53] Примечания: 53
Джордж Оруэлл (1903–1950) — британский писатель.

ем романе „1984“. Может быть, главная проблема Украины как раз в том, что там забыли свою настоящую историю, попытались сконструировать себе другую, более великую и славную? В том, что за неимением героев или потому, что настоящие герои для новой истории стали неудобны, героев принялись лепить из предателей – Мазепы, Бандеры, Шухевича[54]? Но от осинки не родятся апельсинки, и те, у кого кумир – предатель, сами будут предавать.

Очень скучаю по нашим с Вами беседам. Всё вспоминаю, как мы гуляли ночь до утра в Петербурге. Петербургские ночи прекрасны, а в Вашем обществе и подавно. Убедительно прошу Вас не называть меня Андрей Николаевич – не такой я старый. Для Вас я просто Андрей, а будете упрямиться – стану величать Вас Натальей Ильиничной. Передавайте привет всем нашим…

---

[54] Примечания: 54

Роман Шухевич — нацистский военный преступник, один из лидеров Организации украинских националистов, сотрудничавших с гитлеровской Германией, командир батальона СС «Нахтигаль». Ликвидирован группой Судоплатова под Львовом в 1950 году.

Наташа, не стоит так беспокоиться обо мне. Поверьте, мне ничего здесь не угрожает. Я же сапёр, а не пехотинец или танкист. Конечно, война для всех одна, но риск погибнуть у меня всё-таки меньше. И я достаточно взрослый, чтобы свести этот риск к нулю.

Да, мне не обязательно было возвращаться в строй действующей армии. Но я не мог поступить иначе, когда моя Родина сражается – и сражается с возрождающимся фашизмом. Думаю, Вы это понимаете. И, поверьте мне, я вернусь целым и невредимым и ещё успею надоесть Вам своими нудными лекциями.

Пишите мне, Ваше письмо очень для меня дорого. Ношу его в нагрудном кармане, как реликвию. Здесь, на фронте, письма имеют особое значение – наверно, поэтому лежащие в витринах музеев письма солдат Великой Отечественной до сих пор не оставляют нас равнодушными, до сих пор трогают до глубины души.

Не будем прощаться. До скорой встречи, а пока я буду ждать следующего Вашего

письма, теперь, наверно, из Карелии.
Ваш друг Андрей Репин».

Глава 7. Когда надвигается буря

— Вот тебе и ответ, — сказала Катя, закончив читать письмо.

— Где ответ? — спросила Надежда. — Я что-то не заметила.

— Мне кажется, в затруднительных ситуациях Небеса дают нам подсказки, — пояснила Екатерина. — Надо только уметь правильно их прочитать. О чем говорится в письме? О том, как важна память. Память о войне, память о тех, кто не дожил до победы. Письма — это память.

— Письма должен получить тот, кому они отправлены, — упрямо сказала Надежда. Катя вздохнула:

— Конечно. Но ведь на дворе XXI век! Ты сама говорила, что у твоего мужа в госпитале есть ксерокс. Отксерь эти письма и отправь по адресу. И в каждое письмо вложи небольшую записочку — мол, хотим снять с вашего письма копию для нашего музея солдатской славы Донбасса.

— Ты уже и название для музея придумала, — проворчала Надежда.

— На то я и работник культуры, — вздохнула Екатерина. Потом замолкла на минуту и добави-

ла: — тебе не кажется, что громыхает сильнее?

Надежда прислушалась:

— Определенно. Так я на почте канонаду почти не слышу, даже при открытых окнах. Ну, громыхает что-то, так мы уже привыкли. А сейчас слышно отчётливо, как раньше…

Екатерина вздрогнула, и как раз в это время зазвонил телефон — стационарный.

— Почтовое отделение такое-то, — сказала Надежда, быстро сняв трубку.

— Вас беспокоят из воинской части номер такой-то, — голос в трубке, несмотря на нарочито-официальный тон, был таким знакомым, родным… — Как медицинское учреждение, вынуждены сообщить вам, что у вашего мужа обнаружено серьёзное заболевание — он в вас безумно влюблён.

— Володя, хватит дурачиться, — невольно улыбнулась Надежда Витальевна. — Ты там как? В работе? Поел хоть?

— Вот, сижу, обедаю, — ответил муж Надежды. — Пока затишье, сделал обход тех, кто лечится у нас. Как закончил, решил перекусить, а тут Слава сказала, что ты звонила. Что-то срочное?

— Да нет, — ответила Надежда, — просто хотела узнать, как дела.

— Дела у юристов, а у нас травмы, ранения и заболевания, — ответил Владимир Григорьевич. — Боюсь, правда, что придётся задержаться — украинская арта расшалилась, бьют и бьют с утра. Хоть бы только артподготовкой всё и закончилось, но думаю, что так нам не свезёт — нацики обычно артиллерию берегут для более важных дел…

Какие это «важные дела», Надежда, как и каждый дончанин, знала не понаслышке. В артиллерийских дуэлях ВСУ всегда проигрывало нашим, причем с разгромным счётом, поэтому артиллерию нацисты использовали специфически — били издалека, не прицельно и целились в мирную застройку. С тех пор как НАТО передало Украине сотню современных орудий, обстрелы мирных кварталов, городов и сёл участились, но и наши артиллеристы без дела не сидели — выслеживали и уничтожали батареи противника, не делая исключений для натовских систем. Поэтому ВСУ берегло свои орудия, и если уж начинало артподготовку, то неспроста.

— Если они перебросили свои пушки на фронт — это неспроста, — словно читая мысли жены, сказал Владимир Григорьевич. — Но у нас пока, слава богу, тихо. В трубке послышалось посту-

кивание — муж Надежды стучал костяшками пальцев по столу. «Он бы еще через левое плечо сплюнул», — умилилась Надежда. — Так что если есть какие-то вопросы — задавай, пожелания — высказывай, мысли — делись…

— Да нет, — пожала плечами Надежда. — У нас гуманитарную помощь привезли, со сгущёнкой… ах да, у тебя же в больнице есть ксерокс?

— Разве это больница? — спросил Владимир, подражая одесскому говору. — Это таки военный госпиталь. Но ксерокс, конечно, есть, а вы с какой целью интересуетесь?

— Гришка про письма рассказывал? — спросила Надежда.

— И Гришка рассказывал, — ответил Владимир, — и ребята — фельдъегеря. К счастью, с ребятами ничего серьезного, осколки вынули, ничего важного не затронуто. А что до писем — я же сам к тебе Гришку и отправил.

— Тут некоторые распечатаны, — сказала Надежда Витальевна. Мы… я подумала, может, снять с них копии, и отдать в музей? Ну или, точнее, создать свой?

— Мы, я так понял, это ты и Катя, — весело спросил Владимир Григорьевич. — Если она еще у тебя, передавай привет.

— Тебе привет, — сказала Надежда Кате.

— И ты передавай, — ответила та. А Надежда решила, что последнее слово в этом вопросе останется за ее мужем. Если он идею с музеем не одобрит, то музея не будет. А вот если одобрит…

— Насчёт музея — идея правильная, — сказал Владимир. — Я знаю, что тебя смущает. Ты думаешь: нельзя читать чужие письма, правильно?

— Да, — подтвердила Надежда.

— А почему тогда издают переписку известных людей? — спросил Владимир Григорьевич.

— Так то известных, — попыталась возразить Надежда.

— А кто такие известные люди? — спросил Владимир, и сам ответил: — Писатели, поэты, политики, режиссеры, сценаристы. Те, кто вершат историю, те, кто влияют на настроение народа, меняют мир вокруг себя. Но сейчас мир меняют солдаты нашей спецоперации. Я бы сказал — они больше делают для мира, чем политики или писатели. Их никто не знает, но именно они открывают нам дверь в новую эпоху, которая, надеюсь, будет лучше и честнее уходящей. Конечно, не стоит показывать что-то личное и, во всяком случае, надо попытаться спросить разрешения у автора письма и его адресата. Но я лично

считаю, что идея с музеем хорошая. И, конечно, ты можешь снять копии со всех писем на нашем ксероксе. Хочешь, я пришлю за тобой Гришу?

На заднем фоне раздался какой-то шум, приглушенные голоса — судя по легкому шуршанию, Владимир прикрыл трубку ладонью и кому-то отвечал. Он перебросился с неизвестным парой фраз, потом вернулся к разговору:

— Извини, любимая, но Гриша отменяется. У нас раненые, пока от артобстрела, но чует моё сердце — этим всё не ограничится…

— Давай тогда, беги, — такое случалось не первый раз, и Надежда уже привыкла. Привыкла к тому, что разговор могут в любой момент прервать, что Владимира Григорьевича могут вызвать куда-то среди ночи… — храни тебя Господь.

— Ну, с Богом, — ответил Владимир Григорьевич. — Я побежал.

— Что там? — спросила Екатерина, когда Надежда повесила трубку.

— Укроп артой бьёт. — Надежда некстати подумала — как же прочно вошли в их обыденную жизнь все эти слова — «нацики», «укроп», «арта», «трёхсотые», «двухсотые»… — Володе раненых подвезли, говорят, наступление ожидается.

— Оно и видно, — кивнула Катя, — с утра на западе бахало, и чем дальше, тем сильнее. Побегу-ка я в госпиталь, там лишние руки явно не помешают.

Это тоже было в порядке вещей — когда мирные жители соседних посёлков шли в добровольные помощники в госпитали и тыловые части. Говорят, для такого даже специальное слово придумали — «волонтёр». Надежда бросила взгляд на столик, где оставался только один пакет с гуманитарной помощью, потом на часы — начало четвёртого, закрывать почту еще рано, конечно. И потом — Вовка-младший в шесть должен вернуться с ЕГЭ… проверив, работает ли телефон, и убедившись, что, к счастью, работает, она сказала Екатерине:

— Погоди, — и набрала номер.

— Добрый день, Надежда Витальевна, — приветствовала её Галина Львовна, классный руководитель Вовки. — Экзамен Вова уже написал, но класс, наверно, задержится в городе — говорят, у вас там неспокойно.

— Да, — подтвердила Надежда.

— Мы переночуем в общежитии заочников Университета, — продолжила Галина Львовна. — Выдвинемся домой с утра, как всё закончится.

— А вы уверены, что до утра все закончится? — спросила Надежда с недоверием. Война — это всё-таки война, и предсказать, чем кончится очередной бой, было, порой, сложно, а сколько он продлится — практически невозможно.

— Ну, сейчас же двадцать второй, а не четырнадцатый, — ободрила её учительница. — Говорят, ночью будет ненастье — град, ураган, может, даже смерч. А так хотелось посмотреть звездопад!

На птичьем телефонном языке это означало, что по нацистам отработают реактивные системы залпового огня и авиация. В этом случае у ВСУ не оставалось никаких шансов, но до ночи надо было продержаться.

— Спасибо, — сказала Надежда. — Я перезвоню.

Когда она прощалась с Галиной Львовной, к почте подъехала машина. Надежда заметила ее краем глаза, а вот Екатерина забеспокоилась:

— Надя, смотри, это не укропы, случайно?

— На борта взгляни, — успокоила ее Надежда Витальевна. — Это наши «Козака» затрофеили, знаю я эту машинку. Идём, я сейчас почту закрою, может, ребята нас до госпиталя и подбросят.

Письма Надежда, аккуратно сложив, взяла с собой. Пока она собирала письма, в здание почты

вошли, точнее, вбежали, Николай и Джулия. У Николая голова была перевязана окровавленным белым платком.

— Что с вами? — испугалась Надежда (тем не менее, несмотря на испуг, она уже доставала из ящика стола один из лежавших там на всякий случай перевязочных пакетов).

— От укропов прилетело, — ответил Николай. — Обстреляли нас, похоже, кочующим минометом. Да не переживайте, царапнуло просто. Но броня у этого «Козака» — одно название: стекла вылетели на раз.

Джулия что-то защебетала по-итальянски.

— Нам надо найти госпиталь, — перевёл Николай. — У нас тут раненый в машине. Точнее… ну, в общем, будем считать, раненый.

— Ha ferite purulente sulle braccia e sulle gambe, — добавила Джулия. — Sembra che sia stato torturato[55].

— Perchè la pensi così[56]? — включилась в разговор Екатерина. Надежда удивлённо посмотрела на подругу — она и не знала, что Катя знает итальянский! Прямо не Донетчина, а Пьемонт

---

[55] Примечания: 55

У него на руках и ногах гноящиеся раны, кажется, его пытали (*um.*).

[56] Примечания: 56

Почему вы так решили? (*um.*)

какой-то. Самой, что ли, поучить?

— Per la natura delle ferite, — пояснила Джулия, — erano chiaramente intenzionali e ha segni di catene su braccia e gambe[57].

— Джулия — военный корреспондент, — пояснила Надежда. — А это — Николай, он водитель машины.

— Екатерина, — кивнула Катя. — Можно просто Катя.

— Катюша, — обрадовалась Джулия. — Можно я буду вас так называть?

— Конечно, — улыбнулась Катя и добавила на русском. — Николай, у вас в машине есть место для двух пассажиров? Мы с Надей тоже едем в госпиталь, на переднем крае, похоже, намечается жара, будут раненые, и пара рабочих рук в госпитале не помешает.

— Две пары, — поправила Надежда.

— Тогда четыре, — кивнул Николай и продолжил на итальянском для Джулии. — В госпиталь прибывают раненые, давай поможем им?

— Конечно, — с энтузиазмом согласилась Джулия. — И я потом напишу, как работают ваши военные врачи. Я уже была в госпиталях Красно-

---

[57] Примечания: 57

По характеру травм, их явно наносили преднамеренно. И у него следы от кандалов на руках и ногах (*ит.*).

го Креста — в Джибути и в Ираке.

— Вы такая молодая, а столько успели, — восхитилась Катя. Они вышли из здания, Надежда закрыла почту, повесив табличку «прием корреспонденции» — табличке было сто лет в обед, и не важно, что на ней было написано — если она висела, жители Русского Дола знали, что почта закрыта. А по какой причине — разве это важно? В Русском Доле, как это бывает в большинстве маленьких городов и посёлков, все друг друга знали и доверяли друг другу. Вернее, это доверие возникло в последние годы. Все случайные и ненадёжные люди покинули Русский Дол с началом необъявленной войны Украины против Донбасса, а те, кто остались, вскоре стали как большая семья. Дома в Русском Доле, конечно, закрывали, но не от своих, а от залётных — случалось, в деревню заходили мародёры с той стороны. Но сельчане внимательно присматривали не только за своим имуществом, но и за соседским, потому чужаку в Русском Доле ловить было нечего.

Они забрались в машину.

— А где же ваш раненый? — удивилась Надежда.

— Сзади, в десантном отделении, — ответил Ни-

колай. — Мы с Джулией ему развернули на лавке каремат, он и уснул. Мы его ремнями закрепили, на всякий случай, и правильно — как нацики стрелять начали, пришлось закладывать виражи. Я как сюда доехал, заглянул к нему — спит, будто и не стреляли.

— Он очень измождён, — добавила Джулия, уловив, о ком идёт речь. — Ему нужна срочная помощь.

— В госпитале ему помогут, — заверила её Надежда. Николай перевел.

Они сделали короткую остановку у дома Екатерины — та забросила свой пакет с гуманитарной помощью и предупредила выбежавшую навстречу Дашу, что уезжает в госпиталь. Даша порывалась ехать с ней, но Катя велела девушке оставаться на хозяйстве и смотреть за братиком. Мишка, правда, Даше был не брат и вообще не родственник, но постепенно в семье у Кати установилось такое понимание — Даша — сестра Миши, Миша — брат Даши, а Катя — их мать, и Мишка уже давно только мамой её и называл. Катя призналась Надежде, что её это очень радует. У неё были проблемы по женской части, и своих детей они с Сергеем так и не завели, а потом началась война и стало не до этого. Но теперь у

Кати была взрослая дочь и сын. Сергей, кстати, тоже принял такое положение вещей с радостью, и в свои недолгие визиты общался с Мишкой. Как отец с сыном.

Пока ждали Катю, Надежда с помощью Джулии сменила повязку у Николая. Рана действительно оказалась царапиной — осколок или скорее кусок армированного стекла содрал кожу на лбу Николая — кровь выступала понемногу, но на большой площади, создавая иллюзию обильного кровотечения. От взрыва у «Козака» вылетели все стёкла, которые, по идее, считались броневыми, так что ехать приходилось медленно. Впрочем, до госпиталя было недалеко, так что даже с черепашьей скоростью добрались быстро. В дороге не разговаривали — открытая всем ветрам кабина «Козака» не способствовала беседам.

У холмов «Козак» разминулся с машинкой Гришки — тот, вероятно, привез раненых и возвращался на передовую за следующими. Во дворе разгружалась санитарная мотолыга[58] — ещё один трофей от нациков, они просто бросили

[58] Примечания: 58

Мотолыга — советский/российский гусеничный транспортер МТ-ЛБ. Широко применяется в войсках как транспортная и (в бронированном варианте) боевая машина различного назначения. Кроме России, состоит на вооружении многих стран бывшего СССР, Восточной Европы, Азии и Африки.

ее при наступлении, полностью исправную и даже с натовским комплектом медикаментов. Хозяйственные ополченцы быстро пристроили машину для своих нужд.

К «Козаку» поспешили ребята из охраны госпиталя, но, увидев на бортах ополченческие звёзды, замедлились, а когда из машины выбралась Надежда, командир группы махнул ей рукой и знаком приказал солдатам вернуться к дежурству. Надежду Витальевну в госпитале хорошо знали — не просто как жену главврача, но и как частого добровольного помощника. В свободное время Надежда нередко помогала в госпитале — хотя он и числился как эвакуационный, то есть предназначался для оказания экстренной помощи и отправки раненых дальше в тыл, но работы здесь всегда хватало. Врачей в госпитале было немного — хирург Владимир Григорьевич, хирург-терапевт Сергей Нисонович, хирург-офтальмолог Светлана Андреевна, хирург-стоматолог Мадина Баяновна и вышеупомянутый психотерапевт Маргарита Львовна… которая тоже ассистировала во время операций, если была такая необходимость. Кроме этого, было четыре медсестры и шесть санитаров, но это в идеале — младшего медперсонала всегда не

хватало, и если сестры в госпитале, в основном, пребывали постоянно, то санитаров то и дело отзывали на передовую. Поэтому в волонтёрах госпиталь нуждался постоянно, но, слава богу, их хватало.

Для Донбасса война с Украиной была по-настоящему народной. Украина, вернее, нацисты, захватившие власть в Киеве, хотела буквально уничтожить всё то, чем жил Донбасс — общую историю с Россией, русский язык, каноническое православие. Если надо — она была готова уничтожить это вместе с жителями Донбасса. Выбор между смертью и оманкурчиванием, превращением в Иванов, не помнящих родства — плохой выбор, но Донбасс выбрал третье — вооруженное противостояние нацистам.

И это не было войной политиков, войной регулярных армий — весь народ Донетчины воевал с ордой захватчиков, чуждых им по духу и мечтающих о геноциде. Эта война была общим делом, она касалась всех. Мирные люди, которые хотели просто жить своей жизнью — растить хлеб, варить сталь, добывать уголь, учить детей, лечить, готовить еду, — вынуждены были стать солдатами. Причём многие продолжали делать всё то же самое — растить хлеб, варить сталь, добывать

уголь, учить детей, лечить, готовить еду — но уже совсем по-другому. Теперь всё это стало их боевой задачей, их платой за свободу, за право говорить на родном языке, молиться Богу в родных церквях, чтить память отцов и дедов, которую попирали те, кто поднял на них оружие.

Cum ferro pro focis patris, говорили древние римляне — с оружием за родные очаги. Именно так это было для Донбасса. Дончане воевали не за чьи-то политические интересы, не за деньги и собственность олигархов, вроде сбежавшего Ахметова, — они воевали за родные очаги. За купола церквей, за могилы предков, за память солдат, разбивших семьдесят пять лет назад фашистов — и сложивших головы, освобождая от них Донбасс. За своё прошлое и своё будущее.

И в этой священной войне было не важно, что у тебя в руке — винтовка или заступ. Не важно, сидишь ли ты в окопе, в кабине бульдозера или тепловоза, стоишь за станком или за станковым пулеметом, у доменной печи или в школе перед учениками, за операционным столом или в лаборатории — ты солдат, и твой труд — это твой вклад в победу. Там, на Большой земле, как иногда называли Россию на Донеччине, такие слова могли показаться излишне пафосными, но здесь

они были каждодневной реальностью…

Часть 3. Грозовая ночь

Глава 8. Пробуждение

Звук был наполнен спокойствием, он убаюкивал, как мерное покачивание лодки на спокойной воде. Но у неё последнее время было слишком много сна без сновидений. Ей казалось, что она умерла, что утонула во мгле, и её сознание растворилось в чернильно-багровой мути, так и не оформившись, так и не став осознанием самой себя. В какой-то момент у неё появилось желание выплыть, вынырнуть из этой мглы, собраться с силами и покинуть берега боли. И почти сразу пришёл страх — что она увидит, когда тьма разомкнёт свои умиротворяющие объятия и выпустит её на свет божий?

Что-то пугало её там, снаружи, но что конкретно — она не знала. У её страха, как и у неё самой, не было имени, не было лица, которое можно было разглядеть, её страх был безликим, как сама тьма.

То и дело она выплывала к поверхности, почти касаясь реальности. В эти моменты она слышала звуки, слова, даже целые диалоги, но потом снова проваливалась в темную муть. Один раз она услышала музыку — не классическую, но краси-

вую. Она сконцентрировалась, чтобы услышать больше, и услышала: пели мужчина и женщина, на английском, кажется; женщина предлагала мужчине узнать её имя, чтобы он мог её найти. Но усилие, которое она предприняла, прислушиваясь, лишило её сил, и она надолго провалилась в спасительную мглу без образов, так и не узнав, чем всё закончилось.

Она очень редко слушала современную музыку — не из снобизма, просто потому, что не видела в этом смысла. У неё была богатейшая сокровищница классики, океан, который она хотела избороздить вдоль и поперёк. В очередное своё «недопробуждение» она поняла, что эта музыка раньше постоянно звучала в её голове, а теперь затихла. Это её напугало и вернуло к мысли о смерти. «Неужели я умерла? — думала она. — Может, поэтому я не помню своего имени и не слышу больше музыку в своём сердце?!»

Но если она мертва — почему она что-то чувствует? Почему слышит обрывки чужих разговоров, чужое дыхание, шорох осторожных шагов? Может быть, люди чего-то не знают о смерти, может быть, мёртвые не теряют способности слышать?

Так продолжалось довольно долго. В какой-то

момент она вновь услышала голос Григорьевича:

— Думаю, пора вывести её из комы. Постепенно, конечно. Придётся подержать её на седативах, в общем, обычный протокол для таких случаев, прости Господи.

— Я буду дежурить, пока она не проснётся, — сказал незнакомый женский голос, мягкий и внушающий доверие. — Моё присутствие необходимо.

— Спасибо, Маргарита Львовна, — сказал Григорьевич. — У вас последнее время и так много работы, но…

— Владимир Григорьевич, — перебила его Маргарита Львовна, — вы же сами говорили: врач не работает, врач *живёт на работе*. Если мы нужны пациенту, быть рядом — наш долг. В конце концов, в отличие от вас, я не делаю операций… и не принимаю таких сложных решений…

— Вы оперируете сознание, — ответил Григорьевич. — Неизвестно, что сложнее: мою сферу деятельности, по крайней мере, можно увидеть и даже потрогать.

— Это-то и плохо, — парировала женщина и добавила смущённо: — Вы же знаете, я боюсь крови.

— Но ассистировать при операциях всё-таки не отказываетесь, — заметил Григорьевич.

— Только когда совсем нет другого выхода, — по-прежнему смущённо сказала Маргарита Львовна. — Как бы там ни было, девочку надо выводить из комы… ох-хо-хо, ну, начинаем?

Ответа не последовало: возможно, Григорьевич просто кивнул… а может, ещё до этого её сознание погрузилось в глубину спасительной тьмы…

* * *

Голос баюкал, но иногда покачивание на волнах может привести в себя человека, оказавшегося без сознания в открытом море. Бормотание превратилось в речь, сначала неразборчивую, затем — всё более и более понятную:

— Вот так у нас и появилась традиция читать чужие письма. Кто-то скажет, что это неэтично, и, наверно, будет прав. Но нам теперь *специально* присылают письма для нашего музея, с условием прочитать их. Суеверие? Может, и так, но на войне суеверия простительны. Солдат готовится к атаке, которая может стать для него последней; он пишет родным, а потом, подумав, присылает письмо нам. Мы читаем его, копируем и отсылаем адресату, а копию оставляем в музее.

А бывает так, что человек лежит в госпитале и ему предстоит тяжёлая операция с непонятным пока исходом. Кто-то из его близких идёт в храм, молится, ставит свечи — а потом отсылает нам одно из писем от своего близкого…

Помогает ли это? Я не знаю. Наверно, не должно, но кто знает? Когда человек в безвыходном положении, он всё перепробует, даже самое невероятное. И что-то да сработает. Во всяком случае, мы копируем и читаем все письма, которые к нам приходят. Хочешь, я тебе вслух почитаю?

— Ну давай…

«Здравствуй, родная! У меня всё хорошо, насколько может быть хорошо на войне. Жив-здоров, от ранений защищает броня моего танка – мы с ребятами дали ему прозвище „Зубастый Ёж“ – я, кажется, уже писал тебе об этом. Почему зубастый ёж? Да мы как-то встретились с нацистской бандой на польских танках. Поляки бандеровцам всучили своё старье – наши же Т-72, но кое-как модернизированные. Старые опознавательные знаки стёрли, а название части, или фиг его поймёшь, что это, на бортах осталось

– „walczące psy“, боевые собаки, или както так. Пёсики оказались так себе, мы хоть и забрались, по нашему русскому раззвездяйству, прямо в капкан, но, когда эти пять собак на нас со всех сторон навалились, не посрамили славы дедов. Всех пятерых отправили к их польскому дьяволу, вместе с их бандеровскими экипажами. Они по нам тоже отработали, но спасла активная броня.

А потом, как мы из боя вышли и машинку нашу техслужба на ремонт поставила, мы с ребятами покумекали. Кузьма сказал – чего это у бандеровцев танки поименованы, а наш красавчик безымянным ходит. Стали думать и гадать, как нам танчик свой назвать. Потом приехал комбат, привез по медали каждому и, когда цеплял, скаламбурил – мол, укры на ваш танк напали, как псы на ёжика, да ёжик зубастым оказался. Так и окрестили.

Ты, если что, не переживай, давно это было, в апреле ещё. Сейчас поспокойней стало. Ну, то есть как спокойнее – мы теперь просто так не суёмся в пекло, сна-

чала бандер арта проутюжит, а потом уже и наши вперед идут.

Ты пишешь, чтобы я больше рассказывал тебе о войне, а мне не хочется. И так эта война из каждой прорехи торчит. Я лучше тебе про природу напишу. Какая всё-таки тут природа! Я думал, ну, степь и степь, а поди ж ты. Да, ровно, однообразно, но не голо – кругом кустарники, акации, перелески то там, то сям. Выскочишь на загривок холма – тут всё холмистое, будто какой-то шторм вздыбил огромные водяные валы, а потом они застыли, словно замерли – а там берёзоньки растут – родные, русские. Помнишь берёзу за нашей школой, где я тебе записки оставлял? Мы там еще поцеловались первый раз, ну, то есть я хотел тебя в щёчку чмокнуть, а ты так повернулась, не знаю, нарочно ли или нечаянно, вот и получилось. А потом ты меня рюкзаком за это двинула. Я часто об этом вспоминаю. Как я тебе рюкзак до дома носил, как спёр на Восьмое марта тюльпаны на рынке – стыдно до сих пор, как с Ванькой старшеклассником дрался,

когда он к тебе клинья подбивать стал. Ух, и отделал он меня, зато потом больше к тебе не лез и другим заказал.

Ты меня ещё ёжиком звала, за мою прическу – а я её не специально такой делал, у меня вихор справа, вот и торчит всё в разные стороны. А теперь у меня танк ёжиком зовут. Такая вот оказия.

Ну вот, начал за природу, а опять всё о тебе. Ты уж прости, родная, сильно я по тебе скучаю. С той же природой – как что красивое увижу, думаю – надо Наде показать. Не могу по-другому. Так вот, о природе. Степь она, конечно, степь, но и лесов здесь немало, особенно над Донцом. Мы сейчас стоим в заповедном месте, местные называют его Шервудским лесом. Там такие сосны – закачаешься. Со стороны Святогорска берег крутой, река понизу течёт, поток мутный, как будто клубы дыма; по сторонам сосны, корнями нависшие над глинистым обрывом, а перед тобой она – великая степь. Столбы дыма над ней подымаются, то здесь, то там прогары, техника разбитая – как маленькие спичечные коробки, которые

мы на пустыре палили, за бойлером. Вроде, вот она, современность, а всё равно – кажется, будто в прошлое попал. И не укропы там, а монголы или хазары неразумные, которым надо отмстить. Но мы сёла и нивы за буйный набег не обрекаем мечам и пожарам – бьём точно, больно и сильно.

Я в окрестности Святогорска буквально влюбился – не так, как в тебя, конечно, но тоже сильно. Слушаю Цоя, „Сосны на морском берегу“, и представляю, что степь – это море, только вместо воды в ней трава. Особенно люблю я эту степь на закате – это что-то фантастическое. Небо высокое и всё полосами идёт: на горизонте словно золотом полито, потом – алый, выше багрянец, чем выше, тем гуще; в какой-то момент он смешивается с глубокой тёмной синевой, по которой уже зажигаются звёзды – тусклые у края, яркие, как бриллианты, в вышине.

Какие здесь ночи! Небо не тёмное, а словно из бархата сотканное; звёзды яркие, я такие яркие звёзды только в Сибири видал. Земля чёрная, как сама тьма, и

по ней свои звёзды – золотые, там, где посёлки, тускло-желтые, если введено затемнение, хотя укры затемнением почти не пользуются, у них только колонны без света ходят, а посёлки электричество жгут по свободе – знают, паразиты, что по мирняку мы не бьем. Как будто правда на морском берегу – звёзды сверху, звёзды внизу…

И рассветы здесь тоже особенные – бирюзовые, трепетные, свежие… всё, конечно, гарью и порохом пропахло, но даже этот въевшийся буквально в поры смрад не может перебить запах утра над Донцом…

Из плохого – ужасная бедность. По сравнению даже с российской глубинкой, люди живут, как в средневековье. Покосившиеся заборы, дощаные туалеты из серых досок… мрак. Канонических белых мазанок под соломенной крышей мы здесь, правда, не встречали ни одной, в основном, домики времен расцвета застоя, очень запущенные.

Инфраструктура вся с советских времен – от котелен и трансформаторов до

магазинов и ларьков. Промзоны выглядят так, будто на них уже лет пятнадцать воюют, одни руины. Дороги разбитые по самое не могу – я даже думаю, что те, кто ругает российские дороги, – не путают ли они их с украинскими? Мосты такие, что у нас после наводнения на Кубани и то лучше выглядят. И люди…

И люди – одетые как попало, серые ватники, выцветшие турецкие свитера, страшные спортивные костюмы. Все тощие, особенно дети. И взгляды – затравленные, испуганные, недоверчивые. Хотя при общении оттаивают, даже улыбаться начинают. Женщины плачут, по поводу и без. В целом, кажется, что страна живёт в постоянном трауре.

Такой контраст между прекрасной природой и несчастными людьми!

Встречают нас хорошо. Постоянно пытаются накормить чем-то, хотя сами живут небогато – сельмаги закрыты, и видно, что давно, да и в городах в магазинах шаром покати. Города „радуют“ контрастами – современные торговые центры с бутиками посреди депрессивных

районов пятиэтажных хрущоб, последний раз ремонтировавшихся еще до моего рождения. В общем, если мне кто-то ещё скажет, что наш Саратов – это захолустье, я ему в глаз дам. Захолустье – это здесь. А людей жаль. Все говорят по-русски. Каких-то упоротых нациков я лично не заметил. И, повторю, встречают нас хорошо, от души. Мы сейчас стоим под Святогорском, в небольшом посёлке – хозяева нам на четверых нажарили огромную сковороду картошки с грибами, просто объедение.

Вместо Макса нам прислали нового наводчика, совсем молодого паренька, зовут Димой. Живчик такой, но дело знает. Так что из старичков нас с Кузьмой двое осталось. Макс уже отписался, говорит, что врачи обещают барабанные перепонки срастить. Ну, дай-то бог.

Сейчас мы вроде как отдыхаем, начальство держит наш полк в резерве. Где будет горячо, туда и пойдём, но, повторюсь, ты не переживай – мы по готовенькому идём, да и не так страшен чёрт, как его малюют. „Рапиры“ банде-

ровцев нам первое время досаждали, но их последнее время не видать, намотали, похоже, на траки. А ПТУР у них фигня – те самые хвалёные „Джавеллины“ на практике оказались пшиком.

Иконку твою храню на груди – во-первых, к сердцу ближе, во-вторых, у Кузьмы тут и так целый иконостас. Он считает, что Пророк Илья – покровитель танкистов, мол, тоже на колеснице ездил, а я говорю, что нет, он за десантников отвечает. Кто из нас прав – одному Богу известно.

Опять письмо какое-то спутанное получилось. Ты уж прости, никогда не умел писать письма. Кажется, мы просто разучились это делать – всегда проще позвонить, написать в соцсеть, в „Ватсап“ или „Телеграм“. Оказывается, не всегда это возможно. Но только на войне это понимаешь.

Буду заканчивать. Будет свободная минутка, напишу ещё, а пока – привет тебе из Шервудского леса. Люблю тебя, очень тебя люблю. Твой Сашка, увы, не Пушкин».

* * *

Пока длилось чтение письма, темнота, в которой она пребывала, наполнилась образами. Они скользили среди мглы, как тени: танк, какие-то люди, дома, здания. На мгновение, в прореху мглы она увидела «берег» Шервудского леса и вечернюю степь, где посёлки и городки зажигали свои звездочки электрического освещения. Эти места ей были хорошо знакомы — до войны она часто отдыхала в тех краях. Когда девушка, читавшая письмо, умолкла, она в первый раз задумалась о себе. Кто она? У людей вокруг неё, у тех, кто существовал за пределами тьмы, были имена: Владимир Григорьевич, Сергей Нисонович, Лилия Николаевна, Слава, Зоя…

У неё тоже есть имя? Кто она?

Она вспомнила музыку — вспомнила «Лунную сонату» и «Полёт валькирий», вспомнила свою кантату, слишком короткую для всего, что она хотела бы в неё вложить. Вновь тьму напомнили образы — планка из красного дерева с надписью Steinway, длинный ряд белых клавиш, на которых играет яркий солнечный свет; откинутая крышка рояля, в таинственных глубинах которого — загадочное переплетение струн; нотный стан,

рука с тонкими пальцами, перелистывающая страницы нот, карандаш, которым она аккуратно вписывает значки нот в ряд — буквы, которые невозможно прочитать, буквы, из которых рождается музыка. Она видела ноты, но не читала их, как другие: до, ре, ми… она сразу слышала мелодию. Наверно, как и другие одержимые музыкой.

Музыка была её жизнью. Её вдох — диез и выдох — бемоль. Музыки ей очень не хватало сейчас, но мгла, в которой она пребывала, была нема и безмолвна. Лишь из-за её пределов приходили звуки, но только один раз она услышала настоящую музыку.

— Вот так, — сказал голос, читавший ей письмо солдата. — Парень не успел отправить своё письмо, его танк под Соледаром вышел на позиции нацистской артиллерии. Те стали бить прямой наводкой, пока «Зубастый Ёж», истративший до этого почти весь боекомплект, крушил гусеницами орудия и транспортно-заряжающие машины. Стапятидесятидвухмиллиметровая гаубица на прямой наводке — это кошмар, но «Ёж» почти уцелел и приполз в расположение части, как говорится, на честном слове и на одном крыле.

Ребята сильно обгорели, но бывали у нас случаи и похуже. Автору письма к тому же осколком

раздробило грудную клетку, рёбра пробили лёгкое. Когда его везли в операционную, я нашла это письмо в его куртке — без конверта, просто сложенный вчетверо лист бумаги. Я вообще-то не особо верю в эту мистику, но тут меня проняло. Я решила, что, если операция пройдет успешно, я обязательно прочту это письмо…

Тишина. И темнота. Молчание, наверно, длилось очень недолго, но для неё прошла целая вечность в мире, где не было ничего, кроме тьмы…

— Операция прошла успешно, хотя угроза жизни Саши ещё сохраняется. Может, это и глупо… конечно, глупо! Это не какие-то письма, это воля Божья и золотые руки наших врачей спасли ему жизнь. Но я дала слово, хотя никаких свидетелей этого не было. В любом случае, если дал слово, его надо исполнять.

Говорят, ты скоро придёшь в себя. Тебя уже начали выводить из комы. Мы все будем рядом с тобой. А пока ты еще спишь, я решила, что почитать тебе это письмо — хорошая идея. Надеюсь, я тебя не разочаровала?

Внезапно, ей захотелось ответить, захотелось сказать этой неизвестной женщине — нет, ничуточки. Чужое письмо стало для неё крохотной

звёздочкой на горизонте, а затем ей показалось, что это не звезда, а отсвет далёкого маяка, указывающий для неё курс к родным берегам.

— Мы тебя все здесь любим, — продолжила медсестра, — и все очень печальны от того, что с тобой произошло. Я надеюсь, что… я надеюсь, когда ты придёшь в себя, ты найдёшь в себе силы справиться с…

И вновь тишина. Внезапно, *ей* стало безумно одиноко. «А вдруг, мне это все только кажется?» — подумала она и внезапно ей впервые стало страшно. Что если она и правда умерла и все эти голоса, все образы, ими вызываемые, — просто галлюцинации мозга, умирающего — или, что ещё хуже, замурованного внутри бесчувственной плоти?

Она не знала, что происходит за пределами её собственной тьмы, и это её пугало. Она потянулась к голосу, устремилась к нему, как судно на свет далёкого маяка. Показалось ли ей или тьма действительно стала чуть светлее?

— Всё это чертовски несправедливо. — Боже, как она обрадовалась тому, что голос не пропал, не растворился во мгле, а пробился к ней сквозь эту мглу. — Почему ты? Я тоже была у тебя на концерте. Это было так прекрасно! Почему ты?

Бандеровцы только против таких воевать и умеют. Они как будто стремятся уничтожить всё прекрасное, потому что сами уроды. В Москве убили Дашу Дугину, умнейшую, прекрасную Дашу, царство ей небесное… конечно, воевать в тылу и против женщин безопаснее…

Наверно, любая война — прежде всего, чудовищная несправедливость. Мы знаем тех, кто вернулся с войны и стал великим, таких, как Ремарк или Хемингуэй, но сколько ремарков и хемингуэев так и осталось в безымянных могилах? Кто знает, каким был бы наш мир, не оборви война их жизнь?

Потому я здесь. Потому мы все здесь. Мы стремимся спасти как можно больше. И не только для того, чтобы среди них появились новые Ремарки и Хемингуэи; любая жизнь — священна. Да ты и сама знаешь, иначе никогда бы не стала бы рисковать собой, спасая жизнь ребенка, которого ты даже не знаешь.

Голос замер, затих, и ей опять стало страшно. На этот раз потому, что она поняла, что пробуждается. Что скоро тьма отступит, и она окажется в мире, где живут Владимир Григорьевич, Лилия Николаевна, Сергей Нисонович…

Что её ждёт там? Голоса снаружи говорили

страшные вещи. Они жалели её. Они говорили, что ей предстоит что-то очень тяжёлое. Она не могла понять, что именно — услышанные фразы не складывались в единое целое, как кубики мозаики в узор. Но того, что она видела, было достаточно, чтобы испытывать сильную тревогу.

— …из Донецка уже приезжали, — продолжала женщина. — Наградить тебя хотят. Нисонович дежурил, дал им от ворот поворот. Сказал, что ты в коме, чуть ли не при смерти. Первое правда, второе, конечно, нет.

Может быть, орден хоть немного тебя порадует? Хотя меня не порадовал, будь я на твоем месте. Хотя это такое место вообще, на котором, наверно, никто не хотел бы оказаться…

Внезапно она *почувствовала* — первый раз за очень долгое время она ощутила нечто знакомое, что-то из далёкого-далёкого детства. Она увидела маму, тогда еще молодую, склоняющуюся над её детской кроваткой:

– Опять плохой сон?

– Да, мамочка…

– Ну, это только сон, доченька.

– Мне приснилось, что нас бомбят. Наш город…

Мама улыбается:

– Ну что ты, милая. Мы живем в мирной стране. Нас никогда не будут бомбить.

– Правда?

– Конечно, моя ясочка. Ложись в кроватку.

– Мама, а ты можешь мне сыграть?

– Нет, родная, – мама становится грустной. – Папа заснул только что, он только со смены пришел, а завтра с утра опять в забой. Ему надо отдохнуть…

Мама протягивает руку и осторожно убирает кудряшку с её лба. Мамины пальцы чуть-чуть касаются прохладной кожи девочки:

– Давай, я тебе спою, милая? Только тихонечко, хорошо?

– Да, мамочка…

Кто-то легонько касался ее лба — как мама в детстве. При воспоминании о маме её сердце защемило. Казалось, она вот-вот вспомнит что-то очень важное…

— Мы с тобой, милая. Не бойся, только ничего не бойся. Когда ты проснёшься…

Мгла стала вновь наполняться багровым, по ней пробежали алые прожилки, но боли не было. Она почувствовала странное ощущение, словно её втягивает в некий водоворот, а затем тьму залил яркий свет. И голос, дотоле говоривший с ней, сказал:

— О Господи, она проснулась! Лежите, лежите, вам ещё рано вставать.

Глава 9. Письмо незнакомке

Они уже привыкли, хотя, казалось бы, к такому привыкнуть невозможно. Но человек на поверку оказывается удивительно выносливым существом — в критических ситуациях у него открываются тайные резервы, и самый обычный человек творит буквально чудеса, проходит самые тяжелые испытания — и удивляется потом даже не тому, что ему это удалось, а тому, что в его памяти не отложилось ничего такого особенного.

Герои редко чувствуют, что они герои.

Было далеко за полночь, когда раненые перестали прибывать. До этого их привозили — то Гришка на своей буханке, то трофейная мотолыга, то БТР ополченцев, то подключившийся к операции Николай на своём «Козаке».

Надежда, Екатерина и Джулия, оставшаяся без переводчика, помогали в сортировочной. Сортировка — напряжённое место каждого госпиталя, эвакуационного в особенности. Когда прибывают раненые, весь медицинский персонал занимается экстренными операциями, и задача по разбору прибывших часто ложится на плечи доброволь-

ных помощников, как правило, от медицины весьма далёких. Человек — существо сострадательное, и, видя чужие раны, непрофессионал невольно ужасается, даже если рана сама по себе не особо тяжелая. А бывает наоборот — крохотная иголка от американского кассетного снаряда, вошедшая под прямым углом, вот-вот поразит жизненно важный орган (человек дышит, движение мышц двигает иголку, она уходит глубже…), но отсутствие рваной раны, крошечное, иногда даже незаметное раневое отверстие не даёт возможности понять, что пациент, возможно, неловко балансирует на тоненькой грани, отделяющей его от смерти.

Командовала сортировкой Лилия Николаевна — травматолог на пенсии. Лилии Николаевне было — страшно подумать! — девяносто шесть, она плохо видела, но хорошо слышала и, подобно Юлию Цезарю, могла заниматься несколькими делами сразу. Сколько раз она одёргивала своих помощниц:

— Надя, тут срочно шину надо накладывать, не стой!

— Валя, это шрапнель по поверхности чесанула. Перекисью залей, и пусть подождёт пока.

— Катя, возьми новенькую и помогите этому

парню, что к косяку привалился. Как он ходит еще, у него же в сапоге форшмак вместо ноги…

«Новенькой» моментально стала Джулия. Вообще говоря, Надежда на некоторое время забыла про существование итальянки — не до неё было; лишь потом, когда поток раненых ослабел, а затем прекратился, и в сортировке суета уступила место размеренной работе, хотя в операционных работа была в самом разгаре и часть волонтеров ушли туда, Надежда вспомнила о Джулии. И тотчас же буквально столкнулась с ней — Джулия, накинувшая поверх одежды халат, некогда белый, но теперь заляпанный кровью, мягко удерживала лежащего на носилках бойца. Лицо ополченца было в крови, кровь капала с пальцев левой руки, которой он пытался ухватить Джулию за рукав. Валентина, одна из сестер, разорвав рубаху на груди бойца, осторожно ощупывала его ребра.

— Ты не понимаешь, — хрипел боец, — они же танк подогнали, настоящий танк! Они из этого танка по домам бьют!

— Si signore, — отвечала Джулия. — Devi sdraiarti, sei ferito![59]

---

[59] Примечания: 59
Да, сеньор, вам надо лежать, вы ранены! (*ит.*)

— Танк! — вырывался ополченец. — Они по домам бьют!

— Рёбра целы, — сказала Валентина Джулии, хотя та вряд ли ее понимала. — Почки-печень вроде на месте. Кровоизлияния я не чувствую…

— А оно есть. — Лилия Николаевна подобралась незаметно, но вовремя. — Кровь идёт в брюшину, вверх, под диафрагму. Девочки, отнесите его в первую, там Григорьевич освобождается. Надя, помоги мне, тут у одного локтевой раздроблен. Надо держать ему руку, пока до него Нисонович не доберется.

Надежда оглянулась на Джулию. Та поднимала носилки с неспокойным ополченцем, продолжавшим что-то рассказывать про танк, бьющий по жилой застройке. Эка невидаль, нацисты, кажется, только этим и живут. Не так давно ударили по Донецку, пять районов были под обстрелом. Как там у Лермонтова? «Уланы с пёстрыми значками, драгуны с конскими хвостами» — били по городу «Точки»[60], били РСЗО: «Смерчи», «Ураганы», «Грады»; били из гаубиц, из пушек — и наших, и натовских. Всякой твари по паре…

И не по военным объектам, как наши, даже

---

[60] Примечания: 60

«Точка-У» — тактический ракетный комплекс.

не неприцельно — колошматили по жилой застройке, по школам, по детской клинической больнице, говорят, тоже прилетело, хотя где она, где Авдеевка, в которой окопались эти… Надежда Витальевна принципиально не материлась, но по отношению к нацистам иногда других слов подобрать было нельзя.

— Я там воду пил, у колодца, — донеслось до Надежды со стороны ополченца, которого уносили Валя и Джулия. — Там ещё сад яблоневый, весь в завязи. И хозяйка… я говорю: осенью вернусь, яблок нарву, а она мне: да хоть весь сад обнеси, только живым вернись. А мне ж не яблоки нужны… а он по её хате из танка…

— Надя, ты так и будешь стоять? — осведомилась Лилия Николаевна. — Парень пока сам локоть придерживает, но он в таком состоянии, чтоб в обморок не хлопнулся.

Через минуту Надежда сидела рядом с молодым ополченцем, ненамного старше Вовки, стараясь не смотреть на руку, которую осторожно придерживала. Рука словно прошла через мясорубку, из кровавого месива торчала кость, белели сухожилия, но Надежда знала, что ее муж или Сергей Нисонович могут спасти парню конечность — бывали в их практике и похуже случаи. Например,

когда ополченцы освободили молочную ферму на краю поселка Племзавод Кирова, — оказалось, что бывший коровник нацисты превратили в небольшой концлагерь для пленных ополченцев. Живых людей резали ножами, кололи, прижигали, а одному ноги до середины бедер раскатали ручным асфальтовым катком. Как люди после всего этого выживали — для Надежды было загадкой. Мужчину, по которому проехались катком, едва дотащили до эвакогоспиталя; после беглого осмотра стало ясно, что в тыл его отправить не удастся без риска полностью потерять ноги. В принципе, ампутация в таком случае не просто допускалась — предписывалась, но муж Надежды, переглянувшись с уставшим Сергеем Нисоновичем, решили оперировать.

Да, госпиталь Владимира Григорьевича содержался в образцовом порядке. Снабжением его тоже не обижали, с Большой земли присылали все, что нужно. Но это был даже не тыловой госпиталь, а простой эвакопункт с тремя операционными командами, чьей задачей было подлатать бойца для последующей эвакуации туда, где ему окажут помощь по полной программе.

Собрать по косточкам, по осколкам раздавлен-

ную ногу, соединить разорванные мышечные ткани и сосуды, удалив то, что уже не могло быть восстановлено, чтобы хоть как-то спасти остальное, то, что, в принципе, директива разрешала просто удалить…

В более спокойном и куда лучше оснащённом тыловом госпитале за такое взялся бы не каждый врач. А ее Володя и его напарник, пожилой Сергей Нисонович взялись — и сделали. Потом им даже звонили несколько раз — из медицинского отдела штаба армии, из Главного военно-медицинского управления Генерального штаба, из Склифосовского… никто не верил, что такое возможно. Врачи из столицы называли это чудом. С тех пор прошло больше месяца; однажды Сергей Нисонович сообщил, что «тот парень, по которому каток прошёл», проходит реабилитацию для восстановления опорно-двигательной функции. В переводе с военно-медицинского на русский это означало, что мужчина будет ходить.

Надежда вспомнила, что потом, во время затишья на фронте, Владимир Григорьевич ездил в качестве эксперта на ферму-концлагерь. Разминируя территорию, саперы союзных сил обнаружили в силосных ямах человеческие останки — тела убитых и замученных. Была

собрана комиссия, Владимира Григорьевича пригласили в качестве медэксперта… вернее, попросили прислать кого-то из госпиталя, но муж Надежды вызвался ехать сам. Почему?

Надежда поняла это сразу. Владимир Григорьевич никогда не рассказывал о том, что видел там, на ферме. Рассказал Гришка:

— Мужчин немного, в основном женщины и несколько детей. Женщин насиловали. Людям живьем выкалывали глаза, отрезали носы, уши, губы, кусачками откусывали пальцы. Их кололи, резали, рубили, жгли… всех, включая детей. С них снимали скальп, отрывали куски кожи, женщинам отрезали грудь… фашисты…

Из силосных ям было извлечено пятьдесят девять трупов — втрое больше, чем удалось освободить живыми…

Раненый парнишка, которому вкололи сильное обезболивающее, которое всё равно не гасило боль полностью, так что Надежда свободной рукой постоянно поглаживала его по коротко стриженным волосам, когда он постанывал, успокоился и даже вроде бы задремал, навалившись Надежде на плечо. Надежда старалась сидеть тихо и даже дышала осторожно, чтобы случайным движением не потревожить раненого. Она

боялась задремать сама, ведь, засыпая, человек вздрагивает, и это могло побеспокоить раненую руку паренька.

Затем пришёл Сергей Нисонович; его загорелая лысина блестела от пота, на щеке у маски и на самой маске виднелась полоса свежей крови.

— Так, что тут у нас? — спросил он, присаживаясь на корточки перед пареньком, чтобы осмотреть его открытую для обзора рану. — Ну что же, плохо, но могло быть намного хуже. Здесь перехватим, здесь подлатаем — будет ещё в теннис играть…

— Я не умею, — сквозь дрёму пробормотал паренёк.

— Так есть повод научиться, — ответил доктор. — Ну, герой, поковыляли, что ли, в операционную. Сам дойдёшь, с моей помощью, или позвать санитаров с носилками?

— Дойду, — ответил парнишка, просыпаясь, и пожаловался: — Я руку не чувствую. Вы мне её ампутируете?

— Ты, дружок, невнимательно слушал, — усмехнулся Сергей Нисонович. — Я тебе говорил, что хочу видеть тебя на кортах Уимблдона, а одноруких туда не пускают. Будем спасать твою лапку, не боись, герой… Надежда Витальевна, сейчас

парень об меня обопрётся — и аккуратно встаем, без лишних движений, идёт?

Надежда не первый раз бывала в таких ситуациях; она часто помогала в госпитале, а многие раненые требуют крайне бережного отношения, особенно в тех случаях, когда речь идёт о почти оторванных конечностях, о ранениях в брюшину… Ранения в живот во время Великой Отечественной войны приводили к смерти в четырёх случаях из пяти, да и сегодня представляют собой немалую угрозу, но в госпитале Владимира Григорьевича умели справляться и с этим, и на передке все уже знали — главное дожить до эвакогоспиталя, а там уж тебя соберут по кусочкам, даже если у тебя все кишки наружу.

Они довели, почти дотащили паренька до операционной, которая, конечно, мало напоминала то, что показывают в фильмах. Даже освещение здесь было устроено с помощью селфи-ламп на штативах, а обогрев (который зимой был просто жизненно необходим, а иногда требовался и в самую жесткую жару) обеспечивали инфракрасные лампы. И все-таки, несмотря на тесноту и кажущийся беспорядок, несмотря на змеящиеся по полу провода и кислородные баллоны, возвышающиеся у операционного стола, эта

операционная, как и две другие, спасла немало жизней. Даже не просто немало — очень и очень много.

— Мне остаться? — спросила Надежда, когда они с помощью двух сестричек уложили бойца на стол. — У вас сестрички уже с ног падают, может, я помогу?

— Что вы, Надежда Витальевна, — защебетали Соня и Слава, ассистировавшие Сергею Нисоновичу, — мы еще очень даже в норме!

— В сортировке больше никого? — уточнил Сергей Нисонович. Надежда отрицательно покачала головой, хотя в сортировочной оставалось ещё несколько легкораненых. — Тогда побудьте здесь. Девочки хорошо поработали, но, хоть и бодрятся, вымотаны до крайности. А что будет завтра — одному богу известно…

…В мирное время различные отделы Генерального штаба выпускают множество инструкций, регламентирующих работу тех или иных частей и подразделений в практически любой ситуации. Это очень нужная, очень правильная работа, и это верно. Но также верно, что в боевой обстановке все эти инструкции очень часто приходится нарушать, поскольку невозможно предусмотреть буквально всё. Если говорить о деятельности

военных госпиталей, то даже обычные болезни порой весьма «изобретательны» в деле причинения вреда, что говорить о средствах огневого поражения! Ни одно ранение не похоже на другое; осколки, фрагменты, пули калечат организм человека каждый раз по-новому, и можно только приблизительно систематизировать и классифицировать ранения. На практике военный хирург каждый раз решает очень сложную и запутанную задачу. А ставка в этой игре — чья-то жизнь, чьё-то здоровье. И права на ошибку нет, хотя ошибки, порой, и случаются. Человек — не Бог, он не может всё предусмотреть, и порой даже самый добросовестный врач вынужден уступить своего пациента другому доктору, тому, кто избавляет от боли навсегда, но, увы, очень большой ценой…

К счастью, этот последний доктор был редким гостем в госпитале Владимира Григорьевича. Врачи эвакогоспиталя с ним были хорошо знакомы и полны решимости не пускать на порог этого незваного гостя.

Надежде Петровне пришлось всё-таки подменить Соню, когда та пожаловалась на темноту в глазах. С учётом того, что было около двух ночи, а первые раненые стали поступать в пять вечера, девушка, почти девочка (четвертый

курс медучилища), работала уже девять часов — неудивительно, что она могла почувствовать себя плохо. Впрочем, остаток операции прошёл не напряженно — Надежда даже удивилась, как быстро Сергей Нисонович привел в порядок такую страшную на первый взгляд рану.

К концу операции в палате появился сам Владимир Григорьевич:

— Отпустил третью бригаду, — сообщил он. — Мои там заканчивают, потом тоже идут отдыхать. Наши приголубили укропов из арты, потом еще сушки[61] отработали эрэсами[62]… не думаю, что до утра будут проблемы. Тебе помощь нужна?

— Долатываю уже, — ответил Сергей Нисонович. — Парнишка крепкий оказался, плюс кто-то грамотно шину наложил и руку зафиксировал. Ну и девочки наши молодцы, хорошо блокаду провели.

— Поработали на славу, — согласился Владимир Григорьевич. Он подошел к Надежде и присел рядом с ней на корточки: — Ты как? Очень устала?

— Да как-то не особо, — ответила Надежда,

---

[61] Примечания: 61

Сушка — традиционное наименование самолётов конструкторского бюро Сухого (индекс Су).

[62] Примечания: 62

Эрэс (от аббр. РС) — реактивный снаряд.

немного лукавя, — сейчас, когда основная работа завершилась, усталость разливалась у нее по телу, но, с другой стороны, Надежда ощущала какую-то странную бодрость — адреналин все еще насыщал ее кровь. Потом, конечно, будет откат, и завтра она будет засыпать на ходу…

— Могу сказать Грише, чтобы отвез вас с Катей, — предложил Владимир Григорьевич. — Или этого, новенького, попросить… Николая, правильно?

— Ты так говоришь, будто его к тебе в госпиталь направили, — улыбнулась Надежда. — Кстати, как там Джулия?

— Итальянка? — уточнил Владимир Григорьевич, на всякий случай. Надежда кивнула. — Спит в сестринской на свободной кушетке. Вымоталась с непривычки, но держалась молодцом. Один раз только ей плохо стало, когда парня привезли со вскрытой черепной коробкой.

— О Господи, — испугалась Надежда. — Умер?

— Нет, но состояние критическое, — ответил Владимир Григорьевич. — Завтра попробуем отправить на Большую землю, здесь мы его не вытащим. Отправим ещё пару тяжей, всего человек пять, остальных позже. У них там с транспортом тоже не так, чтобы очень… прости, вечно я тебя

гружу своими проблемами…

— Ну что ты. — Надежда протянула руку и погладила мужа по небритой щеке. — Ты мой муж, твои заботы — мои заботы. А тем более сейчас. Все это, — она кивком головы показала на Сергея Нисоновича, который с сестрами перекладывал на носилки прооперированного бойца, — наши общие проблемы.

— Рад это слышать, — сказал муж Надежды. — В смысле, мне так важна твоя поддержка. Без неё я бы ничего не смог бы.

— Смог бы, — возразила Надежда. — Но вместе лучше.

— Так что, попросить Гришку отвезти вас? — спросил Владимир Григорьевич. — А то я видел, что Катя уже в сестринской укладывается, а у неё дети дома. Вот чёрт…

— С Вовкой все в порядке. — Надежда понимала мужа без слов. — Он в Донецке, там узнали, что у нас стреляют, и решили задержать в городе.

— Фуф, прям от сердца отлегло, — вздохнул Владимир Григорьевич. — Вовка хоть и взрослый уже, а всё равно тревожно за него.

— И за Катиных не беспокойся, — добавила Надежда. — Даша справится. А Гришку гонять незачем — он наездился сегодня, могу поспо-

рить, спит сейчас в своей гвардии буханке как убитый…

— А ты как же? — спросил Владимир Григорьевич.

— Прикорну у тебя в ординаторской, — предложила Надежда и нахмурилась. — Кстати, у тебя же ксерокс в ординаторской стоит?

— Ксерокс? — удивился Владимир Григорьевич, но потом вспомнил: — А, ты говорила. Ну да, бери и пользуйся. Тонер в нем свежий, внутри пачка бумаги, почти полная — пользуемся мы им здесь нечасто. — Он зевнул, прикрыв рот ладонью в перчатке, покрытой запёкшейся кровью. — Я пока поработаю ещё, надо обобщить сегодняшний опыт…

— Поспать тебе надо, а не опыт обобщать, — с нежностью сказала Надежда. — Но я ж тебя знаю. Пойду ксерить письма, потом подожду тебя, поспим вместе. Муж ты мне или не муж?

— Муж, конечно, — улыбнулся Владимир Григорьевич.

— Ну вот, а супруги должны спать вместе, — добавила Надежда. — Даже если спать приходится в ординаторской на стульях, одолженных из Катиного клуба.

* * *

Каретка старого ксерокса медленно ползла под крышкой агрегата. Выбивающийся из-под крышки свет заставлял двигаться тени по стенам ординаторской. Другим источником света была допотопная настольная лампа на шарнире, прикрепленная кронштейном к старому письменному столу у стены. На столе разложены письма; некоторые из них уже скопированы, копии стопочкой сложены отдельно. Другие всё еще ждут своей очереди. Рядом со столом стоит Надежда Витальевна, и у нее в руках очередное письмо, для которого пока не нашлось конверта.

Старенький ксерокс работает медленно, настолько медленно, что Надежда, помимо воли, бросает взгляд на лист бумаги, который держит в руках. Лист чуть надорван с краю, но текст не повреждён. Почерк автора письма напряженный; кажется, он старательно выводил каждую буковку, чтобы письмо было легче читать. Так пишут незнакомым людям — те, с кем ты состоишь в регулярной переписке наверняка могут разобрать почерк своего корреспондента.

В этом есть большой плюс — не надо разбирать чужие каракули, письмо легко читается. И с

самого начала написанное заставляет Надежду удивиться:

> *«Рядовой такой-то роты такого-то батальона такой-то бригады Орешкин. Прошу вас передать это письмо медсестре вашего госпиталя. Особые приметы: светло-каштановые волосы, карие глаза, рост не выше метр шестьдесят, очень красивая…»*

«Потрясающе точные приметы, — мысленно улыбнулась Надежда. — А письмо, случаем, не в наш ли госпиталь направлено?»

Она перебрала конверты и вскоре нашла нужный. Ксерокс тем временем остановился, и Надежда, подняв крышку, перевернула лист предыдущего письма, прикрыла крышкой и вновь запустила копирование. Конверт, где адресом получателя был военный госпиталь, оказался один — и госпиталь этот, действительно, был именно тем, которым заведовал Владимир Григорьевич. Чудны дела Твои, Господи… что там дальше?

> «*Здравствуйте, дорогая незнакомка,* – писал Орешкин. – *Меня зовут Виктор, я*

рядовой мотострелковых войск, и недавно я побывал в Вашем госпитале. Ну, то есть как побывал – меня контузило и я на время потерял возможность двигаться, слышать и говорить. У вас, наверно, много таких, но мне кажется, вы меня запомнили. Хотя, может быть, я зря надеюсь на это – через Ваши нежные, заботливые руки проходит столько раненых, куда более тяжелых, чем я, а я не такой уж запоминающийся – обычный контрактник, такого даже в парадную коробку не поставишь…

Я пробыл в вашем госпитале три дня – без движения, не слышащий, не могущий говорить. Сразу было ясно, что меня переправят в тыл, поскольку неврология явно не профиль вашего госпиталя. Так и получилось – меня эвакуировали, а потом довольно быстро вернули в строй. Спешу сообщить, что я признан годным к дальнейшему прохождению службы и уже вернулся в свою часть. Но…

Вы ухаживали за мной с первого дня моего пребывания, а я мог только любоваться Вами и не мог даже высказать

своего восхищения. Я встречал много красивых девушек, но Вы – совершенно особенная. Не знаю почему, но я всё время думаю о Вас. Я ничего о Вас не знаю, я не знаю Вашего имени и даже не слышал Вашего голоса, и всё равно – Ваш образ передо мной постоянно, я не могу, да и, признаться, не хочу отделываться от него.

Если это письмо всё-таки попадёт к Вам в руки, что очень вряд ли, конечно, потому что война и не время для таких глупостей – прошу Вас, черкните пару строчек. Номер части я указал, зовут меня, как я говорил уже, Виктор Орешкин.

Напишите, пожалуйста, могу ли я увидеться с Вами? Если у Вас есть кто-то, тоже напишите – я буду знать, что лучше не беспокоить Вас. А если нет – мне бы хотелось встретиться с Вами. Хотя бы для того, чтобы услышать Ваш голос. Уверен, он так же прекрасен, как и Вы сами!

Ваш Виктор Орешкин».

Глава 10. Сон в руку

«Интересно всё-таки, кто же адресат этого послания?», — думала Надежда, ксеря письма. По приметам из медсестёр подходили и Слава, и Олеся, и Валя… хотя Валя, наверно, нет — она повыше, да и цвет волос у нее ближе к шатену… хотя мужчины, как заметила Надежда, очень слабо разбираются в цветах вообще, тем более — в цвете волос. Вот Катю Владимир Григорьевич упорно именовал брюнеткой. Хотя какая же она брюнетка со своим шоколадным цветом волос… быстро седеющих последнее время — не по возрасту, по испытаниям.

Надежда всё-таки доксерила письма, сложила копии и оригиналы по отдельности, даже вложила в конверты те письма, для которых она уже нашла соответствующие конверты, а затем — устало плюхнулась на жалобно скрипнувшее тройное сиденье. Это сиденье раньше стояло в клубе Екатерины, но потом она передала несколько таких госпиталю. Когда до перестройки в клубе крутили кино, зрители рассаживались на таких креслах, стоявших рядами. Потом многие из этих кресел пришли в негодность и были пущены на

дрова. Уцелело только несколько, и их Катя отдала в госпиталь для ординаторской, где они были нужнее. Надежда любила эти скамейки; сидя на этих неудобных сиденьях, она вспоминала, как они с Владимиром Григорьевичем ходили на киносеансы и целовались втихаря в последнем ряду. Она была моложе его, она только заканчивала школу, когда он вернулся после сверхсрочки в Афганистане. В него влюбились все девочки, у кого на тот момент не было постоянной пары, и даже те, у кого такая уже была, нет-нет, да и бросали на Владимира взгляды, наполненные досадой пополам с нескрываемым интересом. А он выбрал её, Надежду…

Слава или Олеся? По описанию понять было сложно. Хотя можно расспросить девочек о том, у кого из них на попечении был контуженный до паралича — случай более чем неординарный. Контузии только кажутся менее опасными, чем ранения — такой шок для организма даром не проходит, появляются проблемы с сосудами, с нервами, костями, суставами — да почти с чем угодно. Надо расспросить девочек…

С этими мыслями Надежда заснула, кое-как пристроившись на не предназначенном для такого отдыха кресле, и увидела сон, который

она запомнила, хотя обычно сны ей не запоминались.

К западу от Русского Дола есть глубокий овраг, тянущийся на несколько сотен метров — такие овраги часто встречаются в этих краях. Место это пользовалось недоброй славой, по крайней мере, в годы юности Надежды еще можно было услышать какие-то смутные байки о том, что в Мглистый распадок лучше не ходить даже при свете дня, а уж по ночи — тем более. Конечно же, это только подстёгивало молодёжь навещать это место, поодиночке и группами, днём и ночью, если удавалось. Бывала в Мглистом распадке и Надежда и, по правде сказать, ничего страшного там не нашла. В южной своей части распадок расширялся, там образовалось озерцо, пересыхающее в летнюю жару. На берегу озера был ржавый остов какой-то машины — говорили, что это немецкий танк, и, возможно, так оно и было, уж больно старой была эта руина. Конечно, никаких знаков на бортах не сохранилось. Владимир Григорьевич говорил, что, скорее всего, это действительно немецкий танк, трофейный PzIII[63], после войны их иногда использовали вместо

[63] Примечания: 63

Pz III — средний немецкий танк, широко применявшийся на начальном периоде Великой Отечественной войны;

дефицитных тогда тракторов, потом, выработав ресурс, сняли всё что можно, а корпус бросили.

Одна из легенд Мглистого распадка была связана с этим танком. Дескать, до войны был там хутор старообрядцев или, в другом варианте, в самом начале войны укрывался табор цыган (и цыгане, и старообрядцы часто фигурировали в народных страшилках). Когда пришли фашисты, один из танков отделился от колонны, чтобы расправиться с хутором — или табором. И тогда старая цыганка, или поп-старообрядец, в зависимости от версии легенды, проклял это место, чтобы всякий, оказавшийся в Мглистом распадке, не нашёл дороги домой. А сами цыгане (или старообрядцы) ушли в озеро и пропали навсегда…

Последняя часть легенды могла вызвать разве что улыбку — озерцо в распадке было курам по колено. И потом, на памяти Надежды все из Мглистого распадка нормально возвращались, никаких трагедий там не происходило… что не мешало людям держаться от этого места подальше, особенно осенью и в непогоду.

Во сне Надежда оказалась в самом начале Мглистого распадка. Была ночь, но багровое зарево с запада освещало всё вокруг неестественным, кровавым светом. В распадке клубился туман, не

густой, но имеющий все тот же неприятный оттенок. Ни один человек в здравом уме и трезвом рассудке не стал бы идти в такое время в такое место, но логика сна непонятна и неумолима — Надежда решительно шагнула вниз по склону и пошла прямо в туман.

Вскоре она увидела впереди очертания какой-то фигуры. Сначала Надежда подумала, что это дерево, хотя деревьев в Мглистом распадке отродясь не бывало, да и вообще на юге Украины деревья встречаются нечасто. Но, приблизившись к «дереву», Надежда поняла, что это — человек. Высокая, очень худая женщина стояла к ней спиной, но, вероятно, услышала шаги Надежды, потому что заговорила:

— Они пришли, чтобы убивать. — Голос незнакомки был неприятным, хриплым, с присвистом. — Как три четверти века назад. Они опять сжигают людей живьем и давят танками.

— Кто вы? — спросила Надежда. Её собеседница повернулась к ней. Почему-то Надежда ожидала увидеть что-то страшное, какое-то чудовище или мертвеца — ничего подобного. Перед ней стояла высокая, худая пожилая женщина в цыганской одежде. Когда-то она, должно быть, была очень красивой, но время неумолимой рукой смяло

прекрасные черты, избороздило глубокими морщинами…

Из-под платка, которым была повязана голова незнакомки, на ее плечи ниспадал поток серебристых седых волос, от них, казалось, исходил свет. Длинная, изящная шея была прикрыта тёмной шалью.

— Никто из них не вернется домой, — сказала женщина. — Все они костями лягут в нашей степи, и не найдётся того, кто их похоронит. Но и наших немало поляжет, защищая мир, как восемьдесят лет назад. Зачем ты читаешь чужие письма?

— Я хочу сохранить их, — сказала Надежда, шагнув назад от неожиданности вопроса. — Я хочу сберечь память об этой войне. Чтобы помнили…

— Чтобы помнили… — повторила женщина. — Ты не память, ты чужие жизни сохраняешь! Письма эти тебе не просто так попали, скоро сама поймёшь. Прочитай их все, сколько бы их ни было. Прочитай, и пусть другие тоже прочтут.

Она взмахнула руками, концы шали, заброшенные на плечи, опали, открыв шею женщины, и Надежда поняла, почему голос незнакомки казался ей странным, — на горле у женщины была рваная рана, покрытая запёкшейся кровью.

Надежда зажмурилась; когда она открыла глаза, незнакомки не было. Стало светлее, но и туман, кажется, стал гуще. Пахло порохом и гарью…

Надежда пошла дальше. Пройдя немного, она увидела молодого солдата, не старше двадцати пяти. Лицо солдата было залито кровью.

— Мои глаза, — тихо приговаривал солдат. — Я ничего не вижу. Боже мой, я ведь еще не видел своего сына! Как же теперь… как же я буду рисовать?

В жизни Надежда наверняка попыталась бы помочь солдату, но во сне прошла мимо, направляясь к следующей фигуре. Это был мужчина средних лет, он стоял, прижавшись к стене, на которой висела непонятно откуда взявшаяся классная доска. На доске мелом было написано: «Русская культура занимает особое место…» — фраза была не закончена, словно мужчина повстречал свою смерть, прямо когда писал на доске. Наверно, это было не так — перед мужчиной на земле лежали мертвые нацисты, которых он успел отправить в последний котёл до того, как пуля оборвала его жизнь…

Следующим был мужчина средних лет — если бы не форма ополченца, его можно было бы принять за профессора, и, наверняка, легко было

представить его в аудитории перед студентами или, скажем, на раскопках какой-нибудь новой Трои. Мужчина был мёртв; он сидел, привалившись к побитому пулями могильному памятнику с потускневшей от времени красной звездой. Перед смертью он, однако, тоже успел отправить в ад десяток нацистов. Надежда обратила внимание, что мёртвые враги одеты в необычную форму — серую, явно европейского пошива, и увешаны зловещей символикой, где свастики и руны соседствовали с перевернутыми пентаграммами…

Внезапно на плечо Надежды легла чья-то рука. Вздрогнув, Надежда обернулась. Перед ней стояла Слава.

— Вы не видели Вика? — спросила девушка дрожащим от волнения голосом.

— Вика? — удивилась Надежда.

— Он не любит, когда его зовут Витей, — пояснила Слава. — Говорит, что Вик как-то солиднее звучит. Он сказал, что обязательно вернётся ко мне. Я ждала, но он не вернулся…

Вдали что-то громыхнуло; Надежда инстинктивно пригнулась. Когда она выпрямилась, Славы рядом не было. Она пошла дальше, и вскоре опять наткнулась на побоище. Среди трупов нацистов

сидела пожилая женщина в сером и баюкала на руках паренька в форме ополченца. Заслышав приближение Надежды, женщина подняла глаза и сказала бесцветным голосом:

— Юра был моим единственным сыном. Его отец погиб во вторую чеченскую. Я не хотела отпускать его на войну…

Надежда хотела что-то сказать, но ком в горле мешал ей выразить своё сочувствие, а ноги несли мимо — к следующему пункту её странного путешествия. Судя по всему, это был военный врач, но символика красного креста не остановила нацистов. Не задержавшись у тела доктора, Надежда прошла дальше. Из тумана навстречу ей вышла женщина с грудным ребенком на руках — вылитая Мадонна. Но несмотря на то что женщина была молодой, ее волосы были полностью седыми.

— Вы не видели моего мужа? — спросила женщина. — Его зовут Андрей, он служит по контракту. Он был здесь, я искала его… среди мёртвых, но там столько тел…

— Нет, — прошептала Надежда. — Я его не видела. Надеюсь, он жив.

«Мадонна» проплыла мимо, и вскоре Надежда вышла к озеру. Здесь действительно был крова-

вый бой — на месте немецкого танка стоял Т-64[64] с символикой ВСУ, соседствующей со свастикой. Танк был сожжен, его пушка склонилась к воде озера. Кроме того, на берегу догорали несколько БТР и БМП и лежало множество трупов нацистов. Их тела усеивали берег, лежали в воде… возле танка, по-братски обняв друг друга, сидели мертвый десантник в берете и рыжий солдат из батальона «Ахмад»[65]. Рядом с ними, как ни странно, полулежал мертвый солдат ВСУ со спортыми нашивками и эмблемой Z, неаккуратно пришпиленной на месте нарукавного шеврона. В руках убитый сжимал старый автомат Калашникова без магазина.

Рядом с танком, опираясь на его надгусеничную полку, стоял единственный живой человек. Лица его Надежда не видела, но узнала по фигуре — это был тот мужчина, которого Николай и Джулия привезли в госпиталь. Мужчина был в брюках, подкатанных до колен, и с голым торсом. Надежда видела на его теле старые раны, покрытые

---

[64] Примечания: 64

Т-64 — советский средний танк разработки 60-х годов XX века. Состоит на вооружении ВСУ и Народной милиции ДНР и ЛНР.

[65] Примечания: 65

«Ахмад» — специальный отряд быстрого реагирования, дислоцируется в Чеченской Республике.

неприятной, гноящейся коркой, видела следы наручников на руках…

Она подошла к незнакомцу и спросила:

— Вы помните меня?

— Да, — ответил мужчина, — вы та, кто читает письма.

— Кто вы? — спросила Надежда. — Как вас зовут?

Мужчина обернулся к ней, и Надежда увидела, что у него нет лица. На месте его лица была ровная, гладкая кожа — ни рта, ни глаз, ни носа. Тем не менее, безликий заговорил:

— Меня зовут смерть. Я — четвертый всадник. Помните, как сказано: «И ад следовал за ним, и дана была ему власть истреблять и мором, и голодом, и зверями лесными». Вы зря меня спасаете. Из-за меня ваши жизни тоже в опасности…

* * *

…Для нашего соотечественника кофе не представляет собой ничего необычного. Его можно купить в магазине — заварной или растворимый и приготовить дома или выпить в одной из многочисленных кофеен, или взять в одной из еще более многочисленных кофемашин. Давно прошло то время, когда напиток из далёкой Бра-

зилии считался дефицитом, — сейчас кофе могут позволить себе все.

Но в воюющих республиках всё было совсем по-другому — маленькие городки и поселки здесь часто испытывали перебои со снабжением даже самым необходимым, к числу которого кофе, несмотря на мнение множества его поклонников, не относится. Кофе для жителей прифронтовой полосы стал не то чтобы совсем экзотикой, но, определенно, дефицитным товаром.

Надежда проснулась от аромата свежезаваренного кофе. Открыв глаза, она увидела Славу, в руках которой парила чашечка этого напитка. «Чашечка», правда, была эмалированной кружкой, но на такие детали здесь внимания никогда не обращали.

— Доброе утро! — жизнерадостно сказала Слава. — Владимир Григорьевич на обходе, а мы с девочками кофейку сделали, решили вам предложить, будете?

— Спасибо. — Надежда еще не до конца проснулась, остатки сна цеплялись за реальность, делая ее немного неправдоподобной. — А Володя вообще сегодня спал?

— Подремал часа два у себя за столом, — ответила Слава. — Умаялся очень… Господи, хоть

бы сегодня не было, как вчера! Хотя, говорят, наши вчера по укропам хорошо вдарили. А под утро в тылу у них что-то мощно рвануло, видать, авиация отработала или из Севастополя гостинец прислали.

— Это хорошо, — сказала Надежда, вставая и поправляя одежду, но потом спохватилась: — Ой, а который час-то?

— Половина десятого, — ответила Слава. — Но сегодня суббота, и у вас выходной на почте.

— Всё-то ты знаешь, — расслабилась Надежда.

— Нет, не всё, — потупилась Слава. — Я вообще-то будила вас в семь часов, но вы очень крепко спали, тоже устали, наверно. А потом мне Владимир Григорьевич сказал, что у вас выходной, ну, я и не стала вас тревожить.

— Хорошо, — сказала Надежда. — Ты сумку мою не видела? Не помню, куда я ее вчера дела.

— Вы из машины без сумки вышли, — ответила Слава, — так что она, наверно, у Коли в «Козаке».

— А сами они где? — спросила Надежда. — В смысле, Николай и Джулия.

— У нас в сестринской, — ответила Слава. — Позавтракали, теперь кофе пьют, Джульетта все пишет что-то на планшете. Она по-нашенски понимает, но не говорит почти ничего, щебечет

по-своему, а Колька переводит. Такая дотошная, девочек обо всём расспросила, всё ей интересно. Со мной тоже поговорила, я ей столько рассказала, даже себе удивляюсь.

— Ну, ты у нас разговорчивая, — улыбнулась Надежда. Слава зарделась:

— Ну да, есть такое. Я и с ранеными беседую. Им от этого легче становится. Говорят, в старину врачи с больными постоянно разговаривали, чтобы не так сильно болело. Отсюда выражение пошло — зубы заговаривать; да и само слово «врач», прости господи, от глагола «врать», то есть болтать попусту.

Слава вздохнула:

— Ну и мне от этого легче. Особенно когда раненый в коме или под наркозом. По ночам к такому подойдёшь и не знаешь, жив он или мёртв. А если говоришь с ним — выходит, что жив, с мёртвыми-то не разговаривают. Был у нас тут один солдат…

При этих словах Слава покраснела еще гуще, а Надежда Витальевна навострила уши — интуиция подсказала ей, что нить разговора подошла к интересующей ее тайне.

— Над ним кассета[66] рванула, — продолжила Слава. — Знаете, как оно бывает? Осколочные элементы прямо вниз не идут, веером по бокам и вперед расходятся, а внизу — вроде и безопасно. Но кассетка мощная была, небось, натовская, сто пятьдесят пять миллиметров, там вышибной заряд сам по себе как наша мина от полкового миномета. В общем, контузило его знатно — полный паралич, да еще и язык отказал… Вы кофе-то пейте, остынет. Может, присядем?

— Да я хотела к вам в сестринскую прогуляться, а потом с Николаем сумку мою поискать, — ответила Надежда, присаживаясь и отхлёбывая кофе. Кофе оказался на удивление хорош. Настоящий, заварной! — Откуда такое богатство, кстати?

— Так нам гуманитарку подвезли, еще неделю назад, — ответила Слава. — Вам разве Владимир Григорьевич не говорил?

— Говорил, — нарочито строго сказала Надежда, — что привезли медикаменты. А про кофе ни полслова. Мог бы и домой прихватить, между прочим.

— Да мы ему говорили, — сказала Слава, — а

---

[66] Примечания: 66

Кассета — кассетный боеприпас. Содержит множество поражающих элементов, разбрасываемых при разрыве. Иногда кассетами или кассетками ошибочно называют боеприпасы с готовыми осколками.

он ни в какую, говорит, домой нам гуманитарку и так привозят, если что надо — Надя в Донецке закажет, а этот кофе — для госпиталя.

— И правильно, — согласилась Надежда. — К тому же будет повод лишний раз к мужу забежать на работу. Так что ты там говорила про раненого?

Слава вновь смутилась:

— Ну, наверно, это не важно…

— Нет, милая, важно, — ответила Надежда. — Ты уж доскажи, хорошо?

— Ну… — замялась Слава, — не знаю я, что в нём такого необычного. С виду — самый обычный парень, но как-то он запал мне в душу. Смотрел как-то по особенному. Лежит без движения, слова не скажет, неизвестно, может, и не слышит ничего… я всякий раз говорила с ним, как забегала в палату, а иногда и просто заходила — поговорить… — Слава хихикнула. — Поговорить… с глухонемым. Я дурочка, да?

— И ничего ты не дурочка. — Надежда осторожно взяла со стола «письмо незнакомке», благо в стопочке запечатанных писем оно лежало на самом верху. — Как звали солдатика ты, конечно, не знаешь?

— Почему не знаю? — лукаво прищурилась

Слава. — Виктором его зовут, фамилия, кажется, Орехов. Интересно, что с ним? Григорьевич говорил, что его в тылу в неврологии быстро поставят на ноги. Мне бы хотелось, чтобы он вспоминал обо мне. Даже если он считает меня болтливой дурёхой.

— Орешкин, — с улыбкой поправила ее Надежда. — Славочка, никто тебя не считает дурёхой, поверь мне. А в остальном — сама убедись лучше. Тебе тут письмо, я его сразу не отдала, потому что не знала, что это тебе. Прочитаешь — сама всё поймёшь.

И Надежда вручила ошалевшей Славе конверт. Пока девушка читала, Надежда Витальевна пила кофе и думала о том, что письма без адреса тоже могут найти своего адресата — в том случае, если это письмо по-настоящему важное.

Самые важные слова не должны теряться. И Надежда была счастлива, что она может этому помочь.

Глава 11. Письмо к матери

Оставив Славу читать письмо, Надежда направилась в сестринскую. По дороге она столкнулась с мужем. Вид у Владимира Григорьевича был уставший, о чем Надежда ему и сообщила, ласково погладив по щеке.

— Неделька тяжелая выдалась, — объяснил Владимир Григорьевич. — Мариуполь наши взяли, теперь активно работают на севере. Два котла нарисовались, третий вот-вот замкнётся. Нацистам сейчас надо как-то отвлекать наши силы на других участках. Атакуют Змеиный, атакуют Херсон, у нас тоже неспокойно…

— Когда уже все это закончится? — машинально сказала Надежда. Вопрос этот давным-давно стал риторическим, задавали его по привычке. Долгое время казалось, что эта война не закончится никогда, но с началом спецоперации народ сильно ободрился.

Конечно, многим хотелось, чтобы наши побыстрее разобрались с осточертевшими нацистами. Некоторые даже укоряли союзные войска за излишнюю гуманность — Освободительная армия, например, никогда не вела огонь по украинским

подразделениям, расположенным в жилой застройке, стараясь выкурить их штурмовыми группами. Но такая гуманность оправдывалась сторицей — население оккупированных нацистами и освобождённых нашими городов встречало наши войска как своих спасителей.

— Скоро, малыш, — улыбнулся Владимир Григорьевич. Нижняя часть лица его была закрыта медицинской маской, но Надежда угадывала его улыбку по лучикам морщинок в уголке его глаз. — Мы побеждаем, это уже и на Западе признают. Надеюсь, скоро получится отдохнуть.

— Ты уже три недели дома не ночуешь, — напомнила Надежда.

— Зато ты ночуешь в моем госпитале, — продолжал улыбаться Владимир Григорьевич. — Уже десятый раз за эти три недели. Ну, я побежал, продолжу осмотр. Пока вроде все нормально, но Валя говорит, что один из ребят температурит, надо посмотреть, с чего вдруг.

Они разошлись, и Надежда добралась до сестринской. Пользуясь передышкой, сестры отдыхали в компании Николая и Джулии. Итальянка выглядела на диво хорошо, как для гражданского человека, впервые оказавшегося в военном госпитале в разгар «огненной страды»: она чирикала

на своем певучем языке с сестричками, Николай даже не успевал переводить.

— Коля, я свою сумку у вас в машине не оставляла? — спросила Надежда у Николая.

— Нет, — ответил тот. — Вы ее в сортировку отнесли, на вешалке там висит.

— Спасибо, — улыбнулась Надежда и, не задерживаясь, прошла в сортировочную. Там она встретила Екатерину, спешившую на выход:

— А я тебя искала, — сообщила Катя. — Я спросила у Лилии Николаевны, она сказала, что моя помощь не нужна. Побегу к своим, меня Гришка подбросить обещал.

— Подожди, может, вместе поедем, — вообще-то сначала Надежда хотела остаться, но потом вспомнила, что из Донецка должен вернуться Вовка, а значит, надо возвращаться домой. — Я только к Володе заскочу, попрощаюсь.

Взяв с вешалки сумку, Надежда на ходу проверила мобильный. Связь была и, к удивлению Надежды, у нее числилось четыре пропущенных звонка от Галины Львовны. Тревога моментально накатила — вдруг что-то с Вовкой? Донецк нацисты продолжали обстреливать с завидной регулярностью, хотя вокруг Авдеевки. Откуда они вели огонь, всё теснее сжималось кольцо, и

подвоз боеприпасов вот-вот должен был прекратиться. Но пока еще не прекратился.

Надежда тут же перезвонила Галине Львовне:

— Доброе утро! — сказала она. — Вы мне звонили…

— Да, Надежда Витальевна, — ответила Галина Львовна. — Хотела сообщить, что ночь прошла спокойно и я отправила ребят в Забойное рейсовым автобусом. Сама осталась в Донецке, есть возможность договориться, чтобы у нас школу перекрыли до осени. Сами знаете, какая у нас крыша… но от Забойного ребят наш ПАЗик подбросит, я созвонилась с Кирилл Дмитриевичем.

У Надежды на сердце стало тревожно. Конечно, Вовка был уже взрослым, самостоятельным, но… надо будет ему новый мобильник купить, у него вообще-то был, но старый, а с ненадежной местной сетью это было почти ничто.

— Хорошо, — рассеянно сказала она.

— Я просила ребят перезвонить, когда доберутся, — извиняющимся тоном сказала Галина Львовна. — Простите, что так получилось, но, раз возникла оказия, надо ковать железо, пока горячо. Этих деятелей лишний раз за полу не подёргаешь — так и останемся без крыши.

— Ну, вы несправедливы, — сказала Надеж-

да, — наше республиканское руководство делами людей занимается все-таки и школами тоже.

— Ну да, ну да, — согласилась Галина Львовна. — Но у них и без наших крыш дел по горло. Пол-Донбасса в руинах, а что делается в освобождённых городах — вообще пером не описать! Но тут приехали люди с Большой земли, прямо из Москвы, собирают заявки на ремонт объектов образовательной сферы. Вот я и жду в очереди. А ребята и сами домой доберутся. Не маленькие.

* * *

Владимира Григорьевича Надежда застала в ординаторской. Он стоял возле стола с письмами и читал одно из них. Надежда мысленно всплеснула руками: а про письма-то она и забыла!

— Трогательно, — заметил Владимир Григорьевич, — и правильно, что ты этим делом занялась. Лучше, чем солдатские письма, о войне никто никогда не расскажет. Вот послушай:

«Здравствуй, мамочка! Спешу тебе сообщить, что со мной всё хорошо. Я знаю, как ты беспокоишься про меня, и сразу хотел бы тебя успокоить — мне ничего не угрожает. Меня определили в патрульную группу быстрого реагирования Народной милиции ДНР. Мы просто патрулируем

дороги — и всё, даже на передке не бываем…»

— Врет же! — воскликнула Надежда. — Если он в группе быстрого реагирования, значит, ловит диверсионно-разведывательные группы. Работают они, конечно, в нашем тылу, но огневых контактов у них — хоть отбавляй!

— Конечно, врет, — подтвердил Владимир Григорьевич. — Ты пойми, он пытается маму успокоить. Не будет же он писать: «Не волнуйся, мама, я тут каждый день рискую жизнью, но это пустяки», правильно?

— Ну… — Надежда была сбита с толку, — да, наверно. Но… а если с ним что-то случится?

> *«Пойми, мама,* – продолжил читать ее муж, – *я не буду лезть на рожон, не буду подставляться под пули. Я обязательно вернусь к тебе живой. Но я не могу стоять в стороне, когда* ***эти*** *атакуют наш родной Донбасс. По долгу службы я общаюсь с беженцами, и они рассказывают такое…*
>
> *Понимаешь, мама,* ***эти*** *нас за людей не считают. На оккупированных (а как по-другому сказать?) ими территориях они людей держат как скот – выгоняют из*

квартир, загоняют в подвалы, не дают даже воды набрать! Мы тут были на одной станции, там в подвале была женщина твоих лет. Она уже не вставала – она не ела тридцать пять дней, больше недели пила по нескольку глотков в день. Когда я вижу их, то невольно представляю на их месте тебя.

Я не хочу, чтобы ты была на их месте! *Я не хочу, чтобы ты сидела в подвале нашего родного дома, умирая без еды и воды!*

Ты пишешь: „Почему это не могут делать другие? Ведь ты – мой единственный сын, и без тебя я останусь совсем одна“. Могут, конечно, но ведь и у других сыновей есть матери. У всех есть кто-то, кто его любит. Если все будут думать так же – кто защитит нас от нацистов?

Если бы мы не встали с оружием в руках – они бы пришли к нам в дом. Я знаю и такие истории. Парней моего возраста, не ушедших в ополчение, на оккупированной территории забирают в ВСУ и тербаты ***насильно****. А отказников – расстреливают бешеные твари из „Азова“, „Айдара“*

и прочих нацистских батальонов. Мама, просто пойми – если бы я не ушел воевать, было бы только хуже.

Я рад, что тётя Рая и дядя Миша тебе помогают. Я просил их об этом, но, кажется, они помогли бы и без моих просьб. Меня очень порадовало то, что к тебе забегала Света. Я напишу ей, когда закончу письмо к тебе.

Мама, у нас со Светой… не знаю, как сказать. Мы давно дружим, и недавно я понял, что она для меня больше, чем друг. Когда я ей об этом сказал, мы… она сказала, чтобы я не говорил с ней об этом. Может быть, дело в том, что она встречалась с Игорем, а потом они расстались. Может, она не может его забыть. Игорь служит сейчас в моём батальоне и говорит, что со Светой у него ничего не было, но для меня это не важно.

А может, она сердится на меня за Машу. Но ты знаешь эту историю. Как бы там ни было, я чувствую, что Света мне… что она для меня больше, чем друг. Ты могла бы поговорить с ней об этом? Узнать у нее, что она ко мне чувствует.

Я думаю она зайдет к тебе ещё раз.

Нам обещают ротацию к концу месяца. Наверно, у меня будет увольнительная, так что скоро увидимся. Обязательно увидимся! Мама, прошу тебя – не думай о плохом. Говорят, что мысль материальна – не знаю, так ли это, но хотелось бы, так что верь в то, что я скоро вернусь. Обязательно вернусь, целый и невредимый. Ведь ты меня ждёшь.

Не сердись на меня, пожалуйста. Надеюсь, ты меня поймёшь. Я люблю тебя, мама, и очень скучаю по тебе.

Ты пишешь, что ходила в наш храм и поставила за меня свечку. Знаешь, раньше я бы только улыбнулся, но здесь быстро понимаешь, что… говорят, не бывает атеистов в окопах под огнём. Я хоть и не под огнём, но уже научился с уважением относиться к верующим и больше никогда не буду насмехаться над твоими постами и молитвами, как раньше. Я был неправ. Прости меня.

Прости за всё. Ты же сама говоришь – на всё воля Божья. Вот, значит, Божья воля и на то, чтобы я был здесь. Даст Бог – и

вернусь я целым и невредимым. Я в этом не сомневаюсь ни на минутку и прошу тебя тоже не сомневаться.

Я люблю тебя. Блин, прости, но я пишу и плачу, правда. Не волнуйся за меня, я обязательно вернусь! С любовью, твой сын Юра».

* * *

— Ой, я же Катю попросила, чтобы она меня дождалась! — спохватилась Надежда, быстро собирая письма в сумку.

— Может, задержишься у меня? — спросил Владимир Григорьевич. — Я соскучился по тебе, хотелось бы хоть немного пообщаться…

— Вовка должен из Донецка приехать, — смутилась Надежда. — Их учительница отправила рейсовым автобусом до Забойска, а сама осталась, там какая-то комиссия приехала, можно выбить ремонт крыши для Забойской школы.

— Так её же местные подлатали вроде, — уточнил ее муж. — Давай я хоть проведу тебя?

— Подлатали, — кивнула Надежда, — а всё равно протекает.

Она прижалась к идущему рядом мужу:

— Что-то мне тревожно как-то. Вовка уже взрос-

лый, а беспокоишься за него, как за маленького.

Она не добавила, что, когда муж читал ей письмо от неизвестного паренька Юры, она представила, что это письмо адресовано ей и написал ей его Вовка. Тут еще с Виталькой непонятно что — от него тоже давно новостей не поступало…

— Ты, кстати, про Виталика давно что-то слышал? — спросила она у Владимира Григорьевича.

— Совсем из головы вылетело, — ответил тот. — Мы созванивались вчера. Говорили недолго, да и слышно было плохо. Они сейчас у Углегорска, отошли в тыл на перегруппировку, вот он и позвонил. Жив-здоров, голос бодрый.

— Чего же он мне не позвонил, — осерчала Надежда.

— Говорит, что набирал, — ответил муж, — но не дозвонился, ни на мобильник, ни на почту… погоди.

— Что? — спросила Надежда.

— У тебя, кажется, телефон звонит, — ответил Владимир Григорьевич. Надежда быстро полезла в сумочку и достала свой аппарат. На него действительно шел вызов. Номер был незнакомый.

— Да? — спросила Надежда, ответив на звонок.

— Ясенецкая Надежда Витальевна? — Голос

в трубке был официален и строг, и у Надежды чуть сердце не оборвалось. А потом стало ещё хуже: — Ясенецкий Владимир Владимирович — ваш сын?

— Д… да, — ответила Надежда срывающимся голосом. — Что с ним?

— Не волнуйтесь, — голос в трубке чуть смягчился. — Я — полковник Озеров, начальник ***ского военного комиссариата ДНР.

— Он же еще школу не закончил! — Надежда подумала, что Вовку решили призвать на службу. Очумели они там, что ли? Ему до призывного возраста еще почти три года!

— Вот именно, — ответил Озеров. — Ваш сын явился к нам сегодня, назвался чужим именем, сказал, что ему восемнадцать и он потерял все документы, поскольку бежал из Славянска. Попросил записать его в Народную милицию.

— Ох, — только и сказала Надежда Витальевна. — Опять он за своё…

— Мы ему соврали, что пробили его по базе данных. — В голосе Озерова послышались весёлые нотки. — На самом деле — просто посмотрели

биллинг[67] его мобильника. Так вас и нашли. Сейчас ваш сын отправляется домой с машиной патрульно-постовой службы. Подбросим до Забойного, там, я думаю, доберется.

— Ну уж нет, — возразила Надежда. — Я его в Забойном встречу на автостанции.

— Хорошо, передам ребятам, пусть сдадут его наряду на автостанции, — согласился Озеров. — Вы только сильно его не ругайте, хорошо? Он парень правильный.

— Этот «правильный парень» уже третий раз из дому на фронт бежит, — ответила Надежда.

— Мы с ним договорились, — сказал полковник, — что он будет поступать в военный колледж, а я дам ему рекомендацию. Не ругайте парня, хорошо?

* * *

Опасения Надежды, что Екатерина с Гришей уедут без неё, оправдались частично: Гриша стоял на крыльце и курил, неловко сбивая пепел

---

[67] Примечания: 67

Биллинг мобильного телефона — информация о звонках, совершенных с данного аппарата и на него, СМС-сообщениях и т. д. Хранится на узлах связи для технического использования, может предоставляться уполномоченным на это государственным организациям (полиция, контрразведка и т. д.).

пальцами своей единственной руки.

— Катя уехала с Колей и Джульеттой, — сообщил он. — Они все привет передавали, Коля с Джулией к вам с Григорьевичем заехать грозились.

— Вот что, Гриша, — сказал Владимир Григорьевич, — отвези Надю в Забойск на автостанцию, потом заберешь их с Вовкой, хорошо? И заскочи в милицию, скажи, что нужна информация по Андрею Шелаеву. Отчества пациент не помнит…

— Как-как вы говорите? — удивился Гриша.

— Андрей Шелаев, — повторил Владимир Григорьевич. — Бизнесмен из Москвы, вроде антиквариатом торгует… хотя тут сложно сказать. Это тот мужчина, которого Николай с Джулией привезли. Я его осмотрел. Вероятно, его долго держали в наручниках и кандалах, иногда пытали. Раны запущены, но пока всё в пределах нормы. А вот с головой непонятно. Травм нет, а говорит такое — хоть книгу пиши.

— А что он говорит? — спросил Гришка с явным интересом.

— Во-первых, он уверен, что сейчас две тысячи одиннадцатый год, — сказал Владимир Григорьевич. — Во-вторых… ох… короче, он якобы был бизнесменом, он что-то говорил про антиква-

риат, про сеть закусочных… в связи с кризисом сидел на мели, но встретил женщину, которая стала покупать у него воспоминания. И теперь он почти ничего не помнит, кроме имени, фамилии и этой истории. Пусть в Москве справятся, может, и правда бизнесмен, кого только на Донбасс не заносит.

— А женщину, что у него покупала воспоминания, он не Старьёвщицей ли именует? — спросил Гриша.

— А ты откуда знаешь? — удивился Владимир Григорьевич.

— Читал, — ответил Гриша. — Это книга такая, она так и называется — «Старьёвщица». Хорошая книга, но жу-у-уткая…

— Понятно, — кивнул Владимир Григорьевич. — Эх… ну что, бывает. Значит, так мы о нём ничего не узнаем. Знать бы, откуда у него эта амнезия! Травм головы нет, похоже, ПТСР, хотя не так, чтобы его сильно пытали, видал я и хуже.

— Ага, — кивнул Гришка, — я же с вами трупы из силосных ям экспроприировал.

— Эксгумировал[68], — машинально поправил его Владимир Григорьевич.

А Надежда слушала этот разговор — и вспоминала, как встретила в своем сне безликого мужчину с ранами и как тот заговорил с ней:

«Меня зовут смерть. Я — четвертый всадник. Помните, как сказано: „И ад следовал за ним, и дана была ему власть истреблять и мором, и голодом, и зверями лесными“. Вы зря меня спасаете. Из-за меня ваши жизни тоже в опасности…»

[68] Примечания: 68

Эксгумация — изъятие останков тел из захоронения для идентификации, выяснения обстоятельств смерти или перезахоронения; экспроприация — насильственное и, как правило, неправомерное изъятие чужой собственности.

Часть 4. Человек из ниоткуда

Глава 12. Вечная тишина

Музыки больше не будет.

Она лежит на больничной койке в двухместной палате одна. Соседняя койка пустует. В беспамятстве она слышала, что ее занимал боец, расстрелянный укронацистами, но чудом выживший. Так это или нет — она не может сказать — когда она вышла из комы, койка пустовала, а ей…

Ей было не до расспросов. Страх, сопровождавший её пробуждение, оказался не напрасным.

Палата небольшая, но чистая и светлая. Большое окно недавно заменили, и из него льётся яркий летний свет. Когда она пришла в себя, была ночь, а свет, показавшийся ей ярким тогда, был на самом деле тусклым светом переносного фонаря — летучей мыши, который принесла с собой одна из медсестёр, Валя. Она же читала ей письмо. Она же успокоила её при выходе из комы до того, как доктор по имени Маргарита Львовна, появившись быстро, но без спешки, дала ей дозу успокоительного. После этого она задремала до утра, а утром, вместе с тусклым солнечным светом (в тот день было пасмурно),

пришла страшная правда.

У неё есть небольшой переносной столик — на него можно ставить посуду или подставку для книги. Столик опирается на борта ее кровати, и он очень удобен даже для неё. Ей можно садиться, можно вставать и ходить, но она не хочет этого, и не уверена, что когда-нибудь ещё захочет. Маргарита Львовна называет её состояние «посттравматической депрессией», но на самом деле она просто не хочет жить.

Музыки больше не будет… нет, не так — *её* музыки больше не будет. Никогда.

Ее звали Мария. Ей было двадцать четыре года. Она была студенткой Донецкой музыкальной академии. Она с шести лет играла на пианино. Она писала музыку — не сложную, но красивую. Её лебединой песней оказалась кантата «Саур-Могила», которую она хотела сделать симфонией. Теперь этого не будет.

Мария перевернулась с боку на живот, уткнувшись лицом в подушки, и зарыдала. Плакала она без слёз — всё, что можно, она уже выплакала за эти два дня. Лучше бы она умерла! Зачем жить, если всё то, чем ты жил, чем дышал, больше тебе недоступно?

Музыка была её жизнью. Как колибри не могут

сесть на ветку и вынуждены всю жизнь проводить в полёте, как лишённая плавательного пузыря акула всю жизнь проводит в движении, так и Мария не мыслила себе жизни без музыки. Музыка была её движением, порхание пальцев над клавишами — её полётом колибри. Лучше бы её задушили, лучше бы ей остановили сердце, точнее, не запускали — во время долгой, шестичасовой операции её сердце останавливалось два раза. Зачем ей спасали жизнь? У неё больше нет жизни. Она дышит, она смотрит, она думает, она может ходить и говорить, и добрейший Сергей Нисонович заверяет, что после периода реабилитации у неё будут целых три функционирующих пальца на правой руке. Левую пришлось отнять до локтя. Волшебница Мадина Баяновна спасла её лицо, о том, как выглядел её подбородок и нижняя челюсть скоро будут свидетельствовать только три совсем незаметных шрама внизу, где их не заметно — сейчас там синюшные рубцы, но та же Мадина Баяновна клянётся, что уже через месяц эти шрамы никто не увидит.

Другая добрая волшебница, Светлана Андреевна, спасла её зрение, хотя сама Мария охотнее отдала бы глаз или даже оба за руки. Слепой человек может играть по памяти, а на память Мария

не жаловалась никогда. Ей стоило услышать мелодию, чтобы перед её внутренним взором предстала её нотная запись — в обратном направлении это тоже работало, и когда Мария видела ноты, то сразу слышала мелодию. Будь она слепа, она могла бы играть.

Но как играть без рук? Да, ей чудом спасли три пальца, но то, что получилось в итоге… Марии было стыдно за свои мысли; она понимала — Сергей Нисонович и грозный Владимир Григорьевич, которого она еще не видела, сотворили для неё настоящее чудо. Она сможет держать ложку, работать на компьютере или смартфоне, сможет даже писать… и, наверняка, сможет нажать на курок, если найдёт пистолет и направит себе в висок. Эти пальцы не годятся для фортепиано. Для той игры, которая у неё когда-то была, нужно очень точное регулирование силы и скорости нажатия. Её пальцы (она называла их «Пальцы Франкенштейна») были буквально собраны из уцелевших после взрыва мины кусков ткани, костей, обрывков сосудов и нервов. Такая операция была очень сложной — это был уровень института имени Склифосовского, но никак не полевого госпиталя, но…

У них это получилось. И всё-таки результат

Марию не радовал, скорее, наоборот. Для неё это чудо хирургии на грани биоинженерии было абсолютно бесполезно. Пальцы Франкенштейна не подходят для фортепиано, особенно если учесть, что их всего три.

Как у курицы. Это сравнение её немного развеселило, если можно так сказать. В депрессии существует своё мрачное веселье — совсем невеселое, если можно так выразиться. Сухое, даже жестокое.

Персонал госпиталя оказался на удивление тактичен. Марии не выказывали излишнего внимания, вокруг неё не носились и не пытались её утешить любой ценой, хотя девушка видела — ей сочувствуют все, от Сергея Нисоновича (и, вероятно, его грозного шефа) до последнего санитара. Одна из медсестёр, Слава, вообще постоянно плакала при виде Марии, хотя и старалась ей этого не показывать.

Гиперопеки не было, но не было и равнодушия. Марии пытались помочь мягко и тактично. Первой, конечно, этим занялась Маргарита Львовна. В первый же день она пришла к Марии, присела рядом с её койкой на табурет и сказала, после того как поздоровалась и представилась:

— Знаешь, Маша…

— Мария, — поправила её девушка. — Не люблю, когда меня называют Машей.

— Хорошо, — кивнула Маргарита Львовна. — Мне тоже сокращение моего имени не нравится, ни Рита, ни Марго. Мой муж зовёт меня Мэри, хотя это не совсем верно.

— Что вы хотели сказать? — сухо спросила Мария.

— Я, как я уже сказала, психиатр, — продолжила Маргарита Львовна. — Не психотерапевт, даже не психолог. Меня учили тому, какие препараты надо назначать при тех или иных расстройствах. Курс психотерапии у нас тоже был, конечно, но очень поверхностный. А здесь мне надо постоянно… — она замялась.

— Постоянно утешать таких, как я? — спросила Мария. Маргарита Львовна кивнула, но сказала по-другому:

— А ты разве нуждаешься в утешении?

— И в чём же я, по-вашему, нуждаюсь? — спросила Мария.

— Скорее, в поддержке, — ответила Маргарита Львовна. — Тебе нужно на что-то опереться…

— Чтобы опираться, нужны руки, — попыталась улыбнуться Мария. — А у меня, как видите, они не совсем есть.

— Тебе кажется, что ты летишь в пропасть, — сказала Маргарита Львовна.

— Кажется? — удивилась Мария. — А разве это не так?

Она была готова услышать заверения в том, что это вовсе не так. Что её проблема, её трагедия и катастрофа, на самом деле, не так и серьезна, как ей кажется. Что она себя накручивает…

Люди такие. Большинство из них не умеет сочувствовать. Когда мать Марии умерла от онкологии, ох и наслушалась она неискренних утешений! Она была готова слушать их вновь. «Конечно, у тебя нет рук, но ты же жива…» Нет, у неё не просто «нет рук» — в её руках, в лёгких и точных движениях её пальцев была сконцентрирована её жизнь. Она разом потеряла буквально всё. Не славу, не известность — возможность заниматься делом всей своей жизни…

— В какой-то мере, так и есть, — сказала Маргарита Львовна. — Незачем врать себе и другим — мина не только повредила твои руки, она полностью разорвала всю твою жизнь.

— А я думала, вы пришли меня утешать, — тем не менее, Мария не чувствовала раздражение. Как ни странно, ей нравилась прямота Маргариты Львовны.

— Врач нужен для того, чтобы поставить диагноз и назначить лечение, — ответила Маргарита Львовна, — но все медики с опытом знают, что даже самое правильное лечение не будет эффективно, если организм пациента не будет бороться. Что толку применять стандартные методики? Твой случай — нестандартный. Это не значит, что он уникален — я сталкивалась с таким и раньше. Но это как раз тот случай, когда невозможно вывести какой-то универсальный, стопроцентно действующий рецепт.

— Как интересно, — сказала Мария. — Если я вас правильно поняла, у меня вообще нет никаких шансов жить дальше? Не существовать, тут, вроде бы, проблем нет, а жить. Быть человеком, а не… — она остановилась, не зная, как выразить свою мысль.

— …калекой? — закончила эту мысль Маргарита Львовна. — Не буду сейчас говорить сакраментальную фразу о том, что калеки — такие же люди. Для них самих отличие есть, и, игнорируя его, мы им не помогаем, а ровно наоборот. Но ты меня поняла неправильно. Я не говорю, что у тебя нет шансов жить полноценной жизнью…

— Да? — спросила Мария. — И какие же шансы у меня есть? Расскажите, пожалуйста, а то я их

что-то не вижу…

— И не увидишь сейчас, — ответила Маргарита Львовна. — Что бы я ни сказала, ты сейчас воспримешь это в штыки. Ты замыкаешься в своей боли, в своём чувстве потери… — она знаком остановила пытающуюся возразить Марию, — и это нормально. Спрятаться от боли — первый человеческий рефлекс. Спрятаться. Убежать, почувствовать себя в безопасности…

— Убежать? — возразила Мария. — От чего? От рук, которых нет? Эти обрубки — часть меня; от них не сбежишь и не спрячешься…

— Так и есть, — подтвердила Маргарита Львовна. — Это, в принципе, касается любой нашей проблемы. Убежать не получается почти никогда. Но мир огромен, и в нём хватает возможностей для всех. Пока эти слова тебя могут только раздражать. Ощущение потери ещё слишком велико, слишком болезненно. Ты не знаешь, что может заменить тебе твои руки…

— Не руки, — устало сказала Мария. — В этих руках была вся моя жизнь. Моя музыка. Эти руки — сама я.

— Так ли это? — спросила Маргарита Львовна. — Разве музыка прекратится, если ты не будешь играть? Подумай об этом.

— Моя музыка уже прекратилась, — глухо сказала Мария. — Даже если мне сделают протез, играть я больше не смогу.

— Никогда не зарекайся, — сказала Маргарита Львовна, вставая. — Я сейчас не буду тебя ни в чем переубеждать. Скажу одно — даже здесь, в госпитале, полно людей, которые любят тебя, и я в их числе. Наша любовь, конечно, не возвратит тебе руки, но, возможно, вернет что-то другое, куда более важное. Подумай над этим.

Но думала Маша совсем о другом. На самом деле, несмотря на депрессию, ее мысли неслись буквально вскачь галопом. То она злилась на Маргариту Львовну — её визит не принес ей облегчения, даже разозлил. То ей казалось, что окружающие не понимают, что *на самом деле* она потеряла. То испытывала стыд — ведь восьмилетняя необъявленная война ежедневно калечила других людей, в том числе женщин и детей. Даже здесь, в госпитале, таких наверняка было много.

В один из таких моментов к ней пришли две женщины, одна из них, помоложе, держала на руках трёхлетнего малыша. У другой, постарше, была корзинка с аппетитными на вид фруктами — точнее, фрукты показались бы Марии аппетит-

ными в любое другое время, а сейчас она только окинула равнодушным взглядом пушистые персики и крупный, сочный виноград.

Женщин Мария не узнала, а вот малыша вспомнила — это был тот самый непоседа, что тянул ручки к мине. На глаза Марии навернулись слёзы — с одной стороны, она была рада тому, что мальчик жив и цел, с другой — помнила о той цене, которую ей пришлось заплатить. При виде Маши малыш заулыбался:

— Тётенька живая! Ура!

Мария отвернулась, но потом повернулась обратно.

— Максим, тётенька болеет, ей сейчас очень плохо, — строго сказала молодая женщина. — А всё потому, что ты не сидишь на месте, будто у тебя шило в…

— Не ругайте его, пожалуйста, — попросила Мария, удивляясь, каким слабым был её голос. — Максим ни в чём не виноват.

— Ой, мы так вам благодарны! — запричитала женщина. — Вы даже не представляете, как мы вам благодарны. У нас с мужем ведь старшую дочь убили, ещё в пятнадцатом. Мы тогда только два года, как поженились; я и не думала, что у меня ещё дети будут — я на сохранении полсрока

провела, врачи говорили, что мне рожать больше нельзя. А потом разбомбили наш дом, и Машеньку осколком убило…

«Надо же, — подумала Маша, — их дочь была моей тёзкой». На мгновение у неё в голове пронеслась спасительная мысль, но Мария не успела её ухватить — помешала благодарная мать:

— А потом Максимка родился, потом — Олюшка… Олюшке нашей полгодика всего. Я с ними часто в том парке гуляю. Не думала, что случится что-то плохое, а поди ж ты…

Мария чувствовала, что начинает уставать от этой женщины, особенно когда та начала всхлипывать. Зачем она пришла сюда? Хотела её поблагодарить? Но для неё видеть живого и здорового Максимку было… не то, что неприятно. Просто мальчик был живым напоминанием о том, что она потеряла.

— Мы вам фруктов привезли, — сказала женщина, сдержав всхлипы. — Виноград из нашего сада, а для персиков пока рано, я на рынке купила. Простите, что так мало, но… мы вам теперь… мы вам очень обязаны! А еще… — Она порылась в сумочке, которая висела у неё на плече, и достала сложенный вчетверо лист бумаги: — Максимка вас нарисовал!

Рисунок был на первый взгляд обычным детским рисунком из серии «палка, палка, огуречик». На нем был нарисован человечек, должно быть, сам Максим, а позади него парил золотистый ангел. И в этом ангеле, как ни странно, безошибочно угадывалась Мария. Ни о каком портретном сходстве речи, конечно, не шло, но всякий, взглянувший на золотистую фигурку с крыльями, узнал бы в нём Марию.

Рук у ангела не было, вместо них были крылья. Мария почувствовала, что плачет. Раньше она почти не плакала, даже в детстве, а теперь — не могла себя контролировать. Отвернувшись, чтобы не видели её слез, она выдавила из себя:

— Спасибо. У вашего сына талант. Берегите его.

«Как будто детей без таланта беречь не надо», — саркастически заметил её внутренний голос. На самом деле, когда Мария приняла решение схватить проклятую мину, ей было плевать на то, какой это ребенок — талантливый или нет, послушный или капризный. Прежде всего, это был ребенок…

Ребенок, которого хотели убить те, кто захватил власть в далёком Киеве. Она просто стала между ним и смертью. И за его жизнь заплатила своими руками. Своей жизнью. Её могли бы не спасать

— без рук её жизнь всё равно закончена…

Но, по крайней мере, не зря. В эту минуту Мария поняла, что рада тому, что её навестила мать спасённого ребенка и её непослушный Максимка. Мир потерял красоту её музыки — но пройдёт время и, может быть, Максим станет художником — и мир приобретёт другую красоту взамен утраченной?

Тогда размен был бы справедливым.

Она не заметила, как вторая женщина провела Максимку с мамой на выход, а потом вернулась. К этому моменту слёзы высохли. Мария лежала на боку и смотрела на корзинку с фруктами, стоящую на тумбочке у кровати. Раньше она очень любила персики, особенно такие, приплюснутые, инжирные. К сладостям Мария с детства была равнодушна, но только не к фруктам. Любила она и абрикосы, и тот же виноград, и вишни, и сливы, и груши, и яблоки. Клубнику любила — они с мамой приезжали к родителям её отца, погибшего на шахте в восьмом, и бабушка разрешала им собирать спеющую на грядке клубнику…

Раньше Мария сразу же набросилась бы на персики, но теперь… даже если бы ее рука по-прежнему работала — она не смогла бы заставить себя взять плод, похожий по цвету на рубцы у неё

на культе. К тому же ей и не хотелось. Она даже поела только тогда, когда строгая Лилия Николаевна пригрозила кормить её через трубочку.

— Отрезать вам персика? — спросила женщина, присаживаясь на стул, на котором до того сидела Маргарита Львовна. — Я могла бы вам помочь…

— Спасибо, не надо, — ответила Мария. — Кто вы? Вы врач?

— Вообще-то я почтальон, — сказала женщина. — А ещё — жена здешнего главврача, так что в госпитале я бываю чаще, чем у себя на почте. Но сейчас, конечно, и работы у почтальонов меньше — только когда пенсию привезут или гуманитарку. Пишут мало, а когда в наших краях Интернет и мобильную связь восстановят, станут писать ещё меньше. Так что здесь от меня больше толку.

Мария почувствовала странный интерес и даже чуть повернулась, чтобы лучше видеть гостью:

— Так вы — жена таинственного Владимира Григорьевича?

— Нет в нём ничего таинственного, — улыбнулась женщина. — Просто он — настоящий мужчина во всем, и в работе, и в семье.

— Говорят, он сделал чудо, когда меня оперировал, — сказала Мария. — Спас мне три пальца на руке, и вообще…

— Сначала они с бригадой вытащили тебя с того света, — сказала женщина. — А потом — да, постарались по максимуму спасти руку. Я понимаю, о чём ты думаешь…

— Понимаете? — Мария почувствовала раздражение. — Вы тоже музыкант?

— Нет, — ответила женщина с грустной улыбкой. — Во мне нет никаких особых талантов, как у тебя. Но у меня есть муж, которого я люблю, есть дети, которых я люблю. Наверно, я бы чувствовала то же, если бы потеряла кого-то из них.

Наверно, если бы Володя… если бы Владимир Григорьевич потерял *свои* руки — он бы тоже чувствовал что-то такое. Или Светлана Андреевна, которая занимается микрохирургией глаза. Не думай, что твоё горе для нас ничего не значит.

— Тогда зачем меня вообще было спасать? — спросила Мария. — Может, лучше было дать мне умереть, чем подарить… такую жизнь?

— Нет, — ответила женщина. — Потому что смерть бы означала конец всего. Ты думаешь, что твоя жизнь рухнула, ведь ты больше не можешь играть. Но ты не знаешь ещё очень многого, ты не знаешь, что кроется в настоящем и что может принести тебе будущее.

— Что мне может принести будущее, в котором

я не смогу играть? — Мария попыталась пожать плечами, но у неё не вышло, плечи только как-то несуразно вздрогнули.

— Я тоже этого не знаю, девочка, — ответила женщина. — Я знаю одно — было время, когда ты не умела играть на пианино. Потом стала пробовать какие-то простенькие мелодии. Потом — что-то более сложное. И, наконец, стала виртуозом. А почему ты решила попробовать?

— Потому что играла моя мама, — ответила Мария. — Мне казалось это очень красивым. Сейчас я понимаю, что играла она довольно средне, без огрех, но и не виртуозно, но тогда это казалось мне волшебством…

— А потом ты сама научилась делать это волшебство, — кивнула ее гостья. — Теперь ты потеряла с ним связь — но только на время. Постарайся найти своё волшебство снова. Это будет сложно, и в какие-то моменты у тебя… тебе будет это казаться невозможным. Но, поверь мне, у тебя получится.

— Почему вы так думаете? — спросила Мария. Слова жены главврача заворожили её.

— Потому что я сама волшебница, — улыбнулась женщина, вставая со стула. — Кстати, меня зовут Надежда, и это имя я ни на какое другое не

променяла бы.

Глава 13. Домашний уют

Вовку Надежда Витальевна пожурила и, конечно, простила. Его мотивы были ей понятны. Быть матерью двух взрослых сыновей вообще сложно, а здесь, на Донбассе, и подавно: Надежда, с одной стороны, гордилась своим старшим Виталькой, с другой — у нее постоянно сердце сжималось от страха — как он там, на передовой? Потому ее так тронуло письмо сына к матери (кстати, по случаю, пять опознанных писем Надежда передала коллегам из Забойска; остальные шесть еще ждали «опознания»).

Вовку она тоже понимала, но… ей было страшно, что оба ее сына могут погибнуть. Иногда ей бывало стыдно за эти свои чувства, но Надежда ничего с собой не могла поделать — материнское сердце невозможно успокоить, наверно, никакими, даже самыми правильными, словами.

Одно утешало — военком-чудотворец как-то сумел убедить Вовку, что ему надо непременно поступать в военное училище. Уж как ему это удалось — бог весть, но Вовка идеей, что называется, загорелся. Он потащил мать в книжный — в Забойске недавно открылся книжный ма-

газин, точнее, большой ларёк; продавали там, в основном, учебную литературу, которую везли из России, и как раз за учебниками Вовка туда и направился. Художественные книги в магазине тоже были. Надежда подумала, что давно уже не читала ничего, а ведь до войны читать было ее страстью. Она пробежала взглядом по незнакомым именам на корешках книг в мягких обложках. Никого из этих авторов Надежда не знала, но…

Взгляд сам остановился на книжке в белой обложке. «Старьёвщица». Надежда осторожно взяла книгу, полистала — а затем решительно добавила к отобранным Вовкой учебникам. Молодая продавщица тем временем записывала в блокнотик под диктовку серьёзного Вовки, какие книги следует дозаказать. Надежда рассеянно смотрела на эту девушку, почти девочку — худенькую, загорелую, но не морским, а степным, огородным загаром. У продавщицы были красивые, густые волосы чёрного цвета — жгучие брюнеты в этих краях, где греки, румыны, цыгане и множество других народов были не в гостях, а дома, встречались довольно часто. И, конечно, Надежда не могла не отметить тонкие седые прядки на висках девушки. Слишком ранняя седина…

Новенькое обручальное кольцо на безымянном пальце, рядом с серебряным церковным, тоже нельзя было не заметить. В конце концов, Надежда разговорилась с продавщицей. Девушка оказалась беженкой, из Святогорска, который как раз недавно освободили, но возвращаться туда Аня (как звали продавщицу) не собиралась. Дом бандеровцы сожгли, родителей, к счастью, удалось в Ростов переправить, а Аня осталась в ДНР. Причину этого звали Сергеем, он служил в разведке Народной милиции и помог Ане с семьёй выбраться из Святогорска. Между молодыми людьми появились чувства, и не так давно они сыграли свадьбу. Аня поделилась с Надеждой Витальевной своей тревогой:

— Серёжа ведь судимый. Он в девяностых попал на малолетку, по хулиганству. Потом попытался начать честную жизнь, работал в депо, а потом… а потом нацики напали, и Серёжа в ополчение ушёл. Воевал, стал командиром. Его уважают, но ведь это сейчас. А закончится война — не припомнят ли ему старое?

— А что старое? — удивилась Надежда. — Что он когда-то был в колонии для подростков? Ну и что с того? Важно не то, что у человека было в прошлом, важно то, кто он сейчас. Не беспокойся

об этом. Он ведь тебя любит?

— Очень любит, — подтвердила Аня.

— И ты его люби, — посоветовала Надежда. — И жди, обязательно жди. В храм ходи, молись за него, за его друзей…

— Я так и делаю, — подтвердила Аня.

— Вот и продолжай, — ободряюще улыбнулась Надежда.

— Он мне не хотел об этом рассказывать, — продолжила Аня. — Он даже фамилию-имя-отчество сменил, когда разрешили, чтобы, как он сказал, совсем с прошлым порвать. Но когда я всё узнала, он не рассердился, просто сказал, что боится, что я его такого брошу… вот глупый!

— А как ты узнала? — спросила Надежда.

— У меня в общежитии девочка живёт, — ответила Аня. — У неё родители при бомбёжке погибли, документов нет никаких, восстанавливает. Но она очень талантливая, она программист. Ну, то есть не программист, она работает с сетями. Когда восстановит документы, будет поступать в Москве на факультет интернет-коммуникаций, её туда уже зовут. Она уже работает в этой сфере, участвует в команде разработчиков нейросети. Представляете, эти ребята даже не видели друг друга вживую — их лидер команды живёт в Ду-

динке, другие ребята — в Питере, Краснодаре, Бобруйске, Улан-Уде, а моя подружка — здесь, в Забойске — и они вместе разработали нейросеть.

— А что это такое? — спросила Надежда. Она слышала это слово и раньше, но не вдавалась в подробности.

— Грубо говоря, это искусственный интеллект, — ответила Аня. — Ребята сделали его для поиска пропавших людей. В программу загружаешь любую фотографию, а компьютер ищет в сети совпадения. Не такую точно фотку, это было бы просто, а другие фото того же человека. Он может его состарить, омолодить, мужчине может убрать или отрастить бороду, может причёску и цвет волос поменять. Программа довольно точная, я так нашла информацию про своего Серёжку.

— Вот что, — сказала Надежда, — давай обменяемся телефонами? Здесь часто пропадают люди и находятся тоже. У меня муж заведует госпиталем, у него как раз пациент лежит с ретроградной амнезией. Документов, понятное дело, нет, надо же узнать, кто он. Вдруг его родственники ищут?

Надежда боялась, что Аня отнесётся к её предложению с подозрением, но та, наоборот, воодушевилась:

— Конечно-конечно! Ребята рады будут проте-

стировать систему ещё раз, да еще и человеку помочь! Вы как будете забирать книги, заказанные Володей, привезите мне фото или отправьте на мобильник, хотя тут такая связь, что привезти, наверно, надёжнее будет.

— А когда Вовкины книги будут готовы? — спросила Надежда.

— Я сегодня отправлю запрос в Донецк, — ответила Аня, — а дальше от них зависит. Обычно два-три дня это занимает. Если что, я вас наберу.

Надежда записала для Ани номера телефонов — и свой мобильный, и служебный на почте; подумав, добавила телефоны мужа. Аня дала ей свои номера — мобильный и коменданта общежития. Надежда заплатила за книги, и они тепло попрощались.

По дороге домой Надежда не читала — в трясущейся на ухабах дороги, которая осталась в наследство от Украины, буханке читать было неудобно. Надежда думала о людях, которые её окружают.

Война, которая здесь шла уже восьмой год, многое изменила в людях, но вовсе не так, как можно было себе представить. Она не ожесточила дончан, не сделала их циниками и мизантропами. Наоборот, война словно сдёрнула с душ людей

матовую плёнку, из-под которой пробились лучи света от их душ.

Война с её обстрелами, бомбёжками, с постоянно нависающей с запада неонацистской угрозой очистила людей от всего чуждого, наносного, искусственного. Люди стали ближе друг к другу. По-другому, наверно, и быть не могло — в этой атмосфере ты быстро ощущаешь хрупкость человеческой жизни, своей и чужой. Быстро учишься дорожить ею — и чужой, и своей.

Здесь всегда надо быть готовым прийти на помощь ближнему — даже просто потому, что в следующую минуту помощь может понадобиться тебе самому. Да и само слово «ближний», абстрактное в мирное время, приобретало здесь совершенно иной смысл. Ближний — это тот, кто перевяжет раны, кто вытащит из-под обстрела, — и которому перевяжешь раны ты, которого ты будешь тащить из-под огня. Ближний — это тот, с кем ты разделишь кусок хлеба — его или свой. Вообще, понятия «своё» и «чужое» очень сильно размылись. Незнакомых людей здесь пускают под свой кров, кормят, помогают — опять-таки хотя бы потому, что завтра нуждаться в крове и помощи можешь ты сам и твоя семья…

Люди стали откровеннее друг с другом, стали

честнее — но и доброжелательнее. Общая беда, общая опасность сближают. Они показывают, что в нашем повседневном общении слишком много лишнего. Как жаль, что для такого очищения души людям нужна война! Как будто в мирное время нельзя быть такими же — простыми, честными, добрыми, сочувствующими…

— О чём задумались? — спросил Гришка. Вовка на заднем сиденье увлечённо листал одну из купленных книг. «Надо будет ему планшет купить», — невпопад подумала Надежда. Компьютер у них дома был, но на планшете книги читать, говорят, удобнее. Да и вообще удобно — целая библиотека в кармане.

— О людях, — ответила Надежда. — О наших, донецких.

— А что люди? — с тех пор, как Гришка остался без руки, он очень странно пожимал плечами. — Люди у нас хорошие. Может, за то нас и не любят. Сегодня опять ночью обстреливали…

— Знаю, — кивнула Надежда.

— По Донецку начали было, — проигнорировал ее слова Гришка, — да наши быстро им ответку бросили, они и заткнулись. А вот по Горловке, Макеевке, Енакиево — прилетало не слабо. Двое погибло, шестеро ранены.

— Каждый день такое, — кивнула Надежда. — Ужасно. Позавчера троих детей в Донецке убило…

— Двоих, — уточнил Гришка, — одну девочку спасли всё-таки, хотя остановка сердца была. Её вчера в Москву отправили. — Он тяжело вздохнул. — А у меня у шурина соседский парнишка с сестренкой на речке купались, так еле ноги унесли — бандеры по пляжу отоварили, поздравили детишек с каникулами… только чудом никто не пострадал, смех и грех — только одному пацану осколком велик новый раскурочило.

— На Крынке, что ли? — спросила Надежда. Гришка кивнул. — Это чем же они туда достали? У тебя же жена из Липового вроде?

— Из Липового, ага, — кивнул Гришка. — Там и шурин живет, в доме тестя покойного, царство ему небесное. Чем-чем, натовским чем-то, ясен пень. Я тут по радио их волну иногда ловлю, не специально, она нашу станцию перебивает, так там один генерал из их бандитской армии говорил, что они-де благодарны натовцам, мол, теперь бьют из пушек по нашим складам и штабам…

Гриша вильнул, объезжая колдобину на дороге, заполненную стоячей водой:

— Типун бы ему на язык размером с эту ямину! Каким штабам, каким складам! В Крынке, где золовка учительствует, в школу метили, шесть снарядов уложили, да не попали, косоглазые. У школьной котельной только крышу снесли, да вместо спортплощадки теперь воронка — как раз там, где песок был для прыжков в длину. Я сам в эту школу ходил, каждый миллиметр знаю. В Донецке две школы за одну ночь с землёй сравняли, а уж по детской больнице сколько били — не счесть. Григорьевич как услышит — с лица спадает и кроет матом, хотя, сами знаете, матерщина — это совсем не про него.

— Да уж, — кивнула Надежда. — Гриш, а ты, как нас завезёшь, обратно в госпиталь?

— Да уж не к тёще на блины, — хохотнул Гришка. — Куда ж ещё?

— Ты, пожалуйста, передай Григорьевичу, — начала, было, Надежда, но Григорьевич и сам объявился:

— Гриш, ты моих отвёз? — ожила рация.

— Завожу, — ответил Гришка. — Въезжаем в Русский Дол как раз.

— Как высадишь, бегом в сто первый батальон, — продолжил муж Надежды. — Надо паренька забрать.

— А что там? — удивился Гришка. — Сегодня вроде как затишье после вчерашнего…

— Да он, похоже, ещё вчера словил осколок, — ответил Владимир Григорьевич, — и то ли под адреналином не заметил, то ли просто проигнорировал из удали молодецкой. А сегодня парня скрутило так, что срочно его к нам надо. Не заезжай на базу, дуй сразу к ним, идёт?

— Так точно, — ответил Гришка, притормаживая у дома Ясенецких. Надежда тут же отобрала у него микрофон:

— Володя, я понимаю, что тебе не до того, — сказала она, — но пусть кто-то сфоткает твоего… — она сверилась с книгой, — Шелаева, а фотку сбросьте мне.

— Уже сфоткали, сейчас пришлю, если связь будет, — ответил ее муж. — А зачем, если не секрет?

— Долго говорить, — Надежда не хотела задерживать Гришку — он ведь не отдыхать потом ехал, а на передовую за раненым, — есть возможность найти его, ну, то есть узнать, кто он и откуда.

— Хорошо, — ответил Владимир Григорьевич, — вечером расскажешь, если меня, хм, дела не задержат. Хотя наши, говорят, неплохо их

вчера проутюжили, не скоро теперь головы высунут…

* * *

Мобильной связи не было, так что фотографии неизвестного Владимир Григорьевич принёс домой на флешке. К счастью, в госпитале в тот вечер тоже было спокойно — как и предсказывал муж Надежды, нацисты после мощной ответки от артиллерии Освободительной армии, утихли и даже не постреливали по своему обычаю. Хотя последнее время, они вообще как-то старались экономить боеприпасы и не палили почём зря, как раньше.

— Да уж, это вам не с ополченцами воевать, — говорил Владимир Григорьевич, с удовольствием уплетая наваристый борщ, по случаю сваренный Надеждой Витальевной. — Русская армия быстро поставила на место этих бандитов. Эх… ну, может, там, — Владимир Григорьевич указал ложкой в направлении окна, за которым как раз расцветал закат, сегодня, к счастью, не подсвеченный заревом канонады, — поймут наконец-то, что Россию лучше не дразнить…

— Ты имеешь в виду Банковую? — спросила Надежда. Она думала, что всё это насквозь непра-

вильно; что муж и жена за семейным ужином должны говорить на совсем другие темы. О том, как они провели день, об успехах детей, о каких-то планах на будущее… треклятая война, развязанная Украиной, исковеркала, искорёжила жизни миллионов простых людей. Надежда понимала, что по ту сторону линии кровавого соприкосновения в семьях происходят, по сути, такие же разговоры…

Ведь там живут, по сути, такие же люди — но только их мозги начисто промыты украинской пропагандой. Что с них взять — нашу реальность, увы, формирует телевизор. И если из каждого утюга потоком льётся ложь, как на Украине, да и дальше на Запад — что ожидать от простых людей? Не у каждого хватит смелости, как у умницы Джулии, поехать и своими глазами всё увидеть. Ну, ничего…

Уже возвращаются домой раненые и попросту дезертировавшие бойцы из частей, разбитых нашей армией у Мариуполя, Попасной, Святогорска, Северодонецка, Лисичанска — вот, сейчас уже из Авдеевки и Северска побежали. Вернутся — и расскажут дома, как тут **на самом деле**. Нет, многие до упора будут верить, что они — воины света, а донецкие и Россия — силы тьмы. Челове-

ку очень сложно признавать свои ошибки, тем более, когда он выбрал неправильную сторону. Или выбрали за него — не важно.

Но правда всё равно просочится, уже просачивается. Как там в стихе? «И нет здесь, мама, террористов, здесь только боль, здесь только плач, а мы для них страшней фашистов»[69]. Надежда в душе верила, что они поймут. Вспомнят, откуда они родом. Вспомнят своих дедов, разбивших нацистов в сорок пятом.

Им будет стыдно…

— Да какая Банковая? — отмахнулся Владимир Григорьевич. — Марионетки ничего не решают. Я не знаю, на какой крюк Запад насадил Зеленского, но сидит он на нём плотно… борщ просто шикарный! Такое мясо, м-м, прямо как я люблю.

— Спасибо, я старалась, — улыбнулась Надежда. — Вовке тоже понравилось.

— Ты сама-то поела? — спросил её муж. — А то сидишь, смотришь, как я борщ наворачиваю, а сама не ешь?

— Я, как готовила, напробовалась, — продолжала улыбаться Надежда. — Ты кушай, сидишь там в госпитале, питаешься всухомятку. Так и до

---

[69] Примечания: 69
Владимир Аборнев «Меня лечил донецкий врач».

гастрита недалеко.

— У парня, что сегодня привезли, кстати, как раз гастрит и обнаружился, — фыркнул Владимир Григорьевич. — А осколок неглубоко вошёл, быстро вытащили. Бывает же такое…

Он замолчал, обгладывая кость. Надежда Витальевна любовалась мужем — в такие моменты он казался таким милым, домашним… даже не верилось, что этот человек ежедневно вступает в опасное противостояние с владыкой всего живого на Земле — самой смертью, вырывая из её загребущих лап молодые жизни…

— Ты, кстати, хотела мне рассказать, зачем тебе понадобилась фотография нашего Человека без имени, — напомнил Владимир Григорьевич, отложив обглоданную кость. Надежда принялась рассказывать ему о своём знакомстве с Аней. Рассказ получился сбивчивым — попутно Надежда Витальевна рассказала о том, как Вовка-младший (который на семейном ужине не присутствовал, поскольку куда-то ушёл с друзьями) очередной раз пытался попасть на фронт и о мудром военкоме, уговорившем его поступать в военное училище, и лишь потом — о своём знакомстве с Аней, ее подруге и таинственной нейросети.

— Здорово, — оценил Владимир Григорье-

вич. — Нейросети — это будущее. Они уже доказали свою эффективность. Я читал, что в России разработаны нейросети, способные на ранних стадиях диагностировать онкологические, наследственные, психические заболевания. А это очень важно — поймать демона за хвост на ранней стадии, пока он не успел запустить свои когти в организм жертвы — залог успеха дальнейшего лечения.

Владимир Григорьевич не удержался и прочитал на эту тему небольшую лекцию, что случалось с ним постоянно, — но Надежде Витальевне всегда нравились эти лекции. Владимир Григорьевич умел увлекательно рассказывать о вещах, на первый взгляд, абсолютно скучных.

Надежда приготовила чай, достала печенье из пакета с гуманитарной помощью, попутно заметив, что одна из двух банок сгущенки куда-то пропала (впрочем, впоследствии она нашлась в холодильнике с двумя дырочками в крышке — несостоявшийся ополченец и будущий курсант до сладкого был очень охоч). Они пили чай и разговаривали о разном — радость такого общения мало ценится в спокойные времена, но очень остро ощущается во время бедствий и испытаний.

— Честно говоря, не нравится мне это зати-

шье, — признался Владимир Григорьевич. — Умом я, конечно, понимаю, что наши им хорошо вломили, а на сердце беспокойно.

— Почему? — не поняла Надежда Витальевна. — Спокойствие — это хорошо. Нет раненых…

— Так-то оно так, — согласился Владимир Григорьевич, — но меня не покидает ощущение, что всё это неспроста. У бандеровцев не так много боеприпасов, чтобы так палить, как вчера.

— И что ты думаешь? — поинтересовалась Надежда. Владимир Григорьевич отхлебнул чай, откусил кусочек печенья…

— Я слышал, что такие вещи бывают, когда нацисты пытаются отвлечь наше внимание от чего-то важного, — сказал он. — Например, если на нашу территорию проходит ДРГ[70] СБУ[71], то есть не простые бандиты, волчары, вроде тех, что

---

[70] Примечания: 70

ДРГ — диверсионно-разведывательная группа.

[71] Примечания: 71

СБУ — служба безопасности Украины.

убили Мотороллу[72] и Гиви[73]. В поле, лицом к лицу, воевать они не умеют, а вот бить в спину… надеюсь, наши безопасники тоже не дремлют, мы с Гришей, когда сюда ехали, с БТР их разминулись…

Владимир Григорьевич опять довольно фыркнул:

— Кстати, сегодня еще один интересный случай был. В общем, как ехать от нас к штабу сто первого, у дороги край Мглистого распадка выходит, знаешь, наверно.

Надежда слегка вздрогнула и медленно кивнула.

— Там, в распадке, стоит «буханка» ВСУ, — продолжил свой рассказ Владимир Григорьевич. — Как она туда попала — бог весть, может, в пятнадцатом-шестнадцатом бросили, может, позже — заехали за линию фронта, а как поняли, что не туда попали, оставили. Ну, брошенной бронетехникой на дорогах Донбасса уже никого не

---

[72] Примечания: 72

Арсен Сергеевич «Моторолла» Павлов — прославленный донецкий ополченец, Герой ДНР, полковник. Погиб во время теракта, устроенного украинскими нацистами 16.10.2016.

[73] Примечания: 73

Михаил Сергеевич «Гиви» Толстых — прославленный донецкий ополченец, Герой ДНР, полковник. Погиб при покушении, устроенном украинскими нацистами 08.02.2017.

удивишь… Так вот, Гриша на неё раньше поглядывал, да недосуг было, а тут выпала оказия — у него что-то опять с цилиндрами, он мне говорил, но ты же знаешь, как я в машинах разбираюсь — примерно как Гриша в эндокринологии.

В общем, остановился он у этой «буханки», залез ей в мотоотсек и скрутил, что надо было. Потом решил в салон заглянуть — а там ящик с АКМС[74], два ящика со снаряженными магазинами, цинк патронов для СВД[75] и ящик с гранатами, не лимонками, наступательными. Он всё это в госпиталь притаранил, говорит, завтра ещё туда наведается — там ещё под брезентом что-то было, да он не посмотрел, темнеть начало. И знаешь, мне кажется, что всё это барахло туда недавно сгрузили. Я Новикову позвонил, конечно…

(Саша Новиков был подполковником Народной милиции и школьным товарищем Владимира Григорьевича.)

— …но он говори, что оружие — не доказательство. Оно в смазке годами лежать может, доказано ополчением. Но автоматы сказал оста-

---

[74] Примечания: 74

АКМС-74 — укороченный «милицейский» вариант автомата Калашникова.

[75] Примечания: 75

СВД — снайперская винтовка Драгунова.

вить в госпитале, мало ли что…

— Ты меня пугаешь, — сказала Надежда, думая, рассказать ли мужу о своем сне. Отнесётся ли он серьезно к этому?

— Кстати, Сашка новости о Витальке передал, — продолжил Владимир Григорьевич. — Он сейчас под Соледаром, дали ему старлея за штурм какой-то высоты. Жив-здоров, слава богу.

— И ты молчал! — возмутилась Надежда.

— Да как-то к слову не пришлось, — пожал плечами Владимир Григорьевич. — Ах, да, ещё интересный факт: парень, что сегодня с гастритом в госпиталь попал, оказался тем мальчиком, что письмо маме писал, представляешь? Кстати, мы его, наверно, комиссуем — желудок у него ни к чёрту, неровен час — язву схватит с прободением, это и в мирное время жуть жуткая, а уж на фронте — верная смерть. Так что дождётся мать единственного сына.

…И вновь — будто холодная, скользкая змея проползла по позвоночнику Надежды, когда она вспомнила цыганку с пробитым горлом и её слова:

— Ты не память, ты чужие жизни сохраняешь! Письма эти тебе не просто так попали, скоро сама поймёшь. Прочитай их все, сколько бы их ни

было. Прочитай, и пусть другие тоже прочтут…

Глава 14. Письмо побратиму

Вовка домой вернулся поздно, после двенадцати. Получив от матери нагоняй (отец к тому моменту уже задремал, и Надежда уложила его в постель, а сама решила дождаться сына), отказался от ужина и тоже отправился спать.

Надежде спать не хотелось, хотя она и вымоталась — ей удалось подремать днем минут сорок пять, и этого, как ни странно, хватило, чтобы восстановить силы. К тому же у неё появилось еще одно дело — Надежда твёрдо решила перечитать все, волею случая оказавшиеся в ее руках солдатские письма. Не то чтобы она так уж верила снам, но…

…Когда речь идёт о жизни и смерти, человек хватается буквально за каждую соломинку, использует любую, даже самую фантастическую, возможность для того, чтобы как-то помочь тому, кого не может защитить. Войны многих приводят к вере — из страха за ближних человек невольно обращается к тому, кто позволил прибить себя к кресту для того, чтобы выкупить нас всех у неумолимой смерти своей собственной смертью. Вера может многое — это утверждение является

аксиомой для тех, кто живёт под обстрелами, кто с тревогой ждёт почтальона с похоронкой или эсэмэски с ужасным текстом: «С глубокой скорбью сообщаем Вам, что ваш муж, сын, отец, брат погиб при исполнении воинского долга». Спаси и сохрани — так пишут на нательных крестиках, и эти слова повторяют, склонившись перед иконами, тысячи солдатских жён, матерей, сестёр, подруг…

Война приносит в жизнь свои ритуалы, чья единственная цель — сохранить далёкого, но такого близкого солдата. Песня «Синий платочек» — как раз об этом. Разные талисманы, обереги — это, в данном случае, не суеверие, а выражение трепетной надежды на милость Божью. А еще — вещие сны, предзнаменования — то, на что мы не обращаем внимания под мирным небом, но что сразу же становится важным перед лицом безликой, грозной, неумолимой угрозы…

Надежда решила для себя — пусть её сон ничего не значит, но от того, что она прочитает эти письма, хуже никому не будет. А если ее сон не просто так, если он действительно послан свыше — то грех не воспользоваться таким шансом, чтобы спасти одиннадцать жизней. Удивительно, но ее муж, рациональный (хотя тоже уверовавший —

врачи, вопреки расхожему выражению атеистов, очень часто находят веру, оперируя чужие тела, но эту веру они находят не в них, а в своей душе), одобрил ее начинание после того, как Надежда, не удержавшись, всё-таки рассказала ему о своём сне. А ещё он попросил жену переписать адреса с оказавшихся у неё конвертов — вероятно, его тоже впечатлил тот факт, что один из корреспондентов оказался у него в госпитале.

Надежда погасила весь свет, кроме ночника на столе в большой комнате (в доме Ясенецких были три комнаты — гостиная, спальня и детская, большая кухня-столовая и даже ванна с постирочной; ещё одну спальню Владимир Григорьевич планировал пристроить до войны, но так и не собрался). Затем, подумав, достала из старого, дедовского буфета свечу, вставила ее в медный подсвечник, ещё более старый, поставила на стол и зажгла, а потом погасила и ночник. Теперь комнату освещала только свеча и лампадка перед иконами. Перед этими иконами Надежда быстро помолилась — в своих молитвах она просила Бога не только о своих близких, но и обо всех солдатах Союзных сил, о всех детях и взрослых многострадального Донбасса. Покончив с молитвой, Надежда села за стол, на старый

стул с высокой гнутой спинкой, и взяла из стопки одно из писем.

Письмо оказалось довольно большим — двойной лист из общей тетрадки. Почерк был не то что неразборчивым, но неаккуратным и, если бы буквы были мельче, разобрать его было бы, пожалуй, сложно. «Почерковедческая экспертиза» показала, что писал мужчина, вероятно, крупный, сильный, уверенный в себе. Не старый — между двадцатью пятью и тридцатью годами.

> *«Привет, братуха, от меня и всего нашего взвода! Скажу тебе честно – заставил ты нас поменжеваться[76]. Война, конечно, дело такое, тут от встречи с Косой[77] никто не застрахован, но одно дело, когда в бою, а так, на привале – это западло, если честно.*
>
> *Тебе, наверно, доложили уже, что ту тварь, что в тебя шмаляла, мы с братками бикитцер[78] отловили, солнце сесть*

---

[76] Примечания: 76

Меньжеваться (*жарг.*) — волноваться, беспокоиться.

[77] Примечания: 77

Косая, Безглазая — смерть. Суеверные люди стараются не называть ее прямо, выражаются иносказательно.

[78] Примечания: 78

Бикитцер (*жарг.*) — быстро, срочно.

не успело, ей-богу. Скворец… тьфу, не отвыкну никак, товарищ лейтенант Скворцов, как договорились, сам дал добро, пока Валет и Иванов тащили тебя в санчасть. „Найдите мне, – говорит, – эту падлюку, я с неё лично шкуру спущу“. Ты ж знаешь Скворца, он уверен, что все снайперы – бабы. Ему самому как-то прилетело от такой малахольной, то самое простреленное плечо, ага. Да что я рассказываю, он эту историю, кажется, при тебе выложил. Мне сдаётся, он с того случая себе комплекс поимел по этому поводу, ну, дело житейское. С чем я согласен, так это с тем, что эти снайперши – те ещё твари. Наши стреляют так, чтобы раз – и наповал; эти метят, чтобы больше помучился. С другой стороны – может, и хорошо. Тебя вот вытащили, Косой не отдали – уже радость, а рана до свадьбы заживет. Ты ж говорил, что есть у тебя девочка на примете, та, что тебе письмишко накатала – вот, как дадут тебе увал по ранению, не тормози! И не очкуй

почём зря – если девочка шлёт малявы[79] с приветом, наверняка неровно дышит. Как там у Высоцкого? „Они, внезапно, попадают в такт такого же неровного дыханья“? Тебе лепилы[80] сконструировали, чтобы ты дышал без перебоев – так и дыши не просто так! Мне вот ни одна и не подмигнёт, я ж рябой, это ты у нас красавчик, хоть плакат для военкомата с тебя пиши… Ну да ладно – закончится эта срань, разобьем бандеру, надену я парадку[81], на неё – иконостас свой авось по-другому посмотрят. У меня ж медалей поболе, чем у Скворца… тьфу, не отвыкну никак, товарища лейтенанта. Ну, тут, как в том анекдоте про Чапаева – я ж старше, и воюю дольше.

Ты прости, что меня заносит – я просто так рад, что ты жив, братуха, что можно тебе написать и ты прочтёшь. Пока не ясно было, вытянут тебя или

---

[79] Примечания: 79
Малява (*жарг.*) — известие, письмо, записка.

[80] Примечания: 80
Лепила (*жарг.*) — врач.

[81] Примечания: 81
Парадка — парадная военная форма.

нет, у меня вся жизнь перед глазами прошла, словно не тебя, а меня снайпер приложил. И как мы с тобой на призывном чуть не подрались, как нас хотели на губу засунуть, а потом сразу под Славянск бросили. Как мы бандеровцев на блокпосту стопанули, как нас миномётами накрыло, когда из чёса языка пёрли, волонтёра эсбэушного…

Как мёрзли под Горловкой в землянке первую зиму. Как с голодухи уперли у нациков натовские просроченные пайки, когда свои отдали… ну, помнишь, как это было. И как тракторист нас прикрывал, когда на МТС[82] в Зайцево окружили. Да не только это – мелочи там всякие – как ты из дому компот вишнёвый привез и сказал, что вишню, с которой ягоды для компота собирали, осколком порубило. Как через два года ты рассказал, что располосованная осколком вишня опять цветёт. Как мы к сестре твоей ездили на первое сентября…

---

[82] Примечания: 82

МТС — машинно-тракторная станция, гараж для сельскохозяйственной техники коллективного или крупного фермерского хозяйства, или выдаваемая фермерам в аренду.

Как Витальку Загорецкого хоронили. И лейтенанта нашего, Чурсина. Как к нам Скворцова прислали, и мы его уму-разуму учили. А ведь мы с тобой лет на пять его старше, братуха… на войне год за три считается, наверно.

Мелочи всякие вспоминал… чай со слоном, что в брошенной хате нашли, ему уже лет тридцать, поди, было, а какой чай! И сигареты молдавские вонючие, что барыги сбросили, когда наши их спугнули. И флягу твою, как ее осколком пробило, а ты ее запаять пытался. Эх…

Так о чем я? О снайпере, значит. Поймали мы его, ясен хрен. Как обычно – прикинули, откуда пуля пришла, смекнули, как он лёжку менять будет. Мишка и Босой остались на замануху[83], Скворцов тоже – мы прикинули, что его-то гад и хотел завалить, да пуля тебе пришла. Максимыч и Зять слева заходили, по оврагу… там того оврага – название одно и грязь на дне, извозюкались пацаны, что черти болотные. Справа я пошёл, один. Скворец

---

[83] Примечания: 83

Замануха (*жарг.*) — приманка. Здесь — человек, которого снайпер может выбрать в качестве приоритетной цели.

хотел со мной отправить Мишку или Босого, но я не взял – Босой еще ногами мается, с зимы, а Мишка дылда такой, что его за километр видно, как ни гнись. Скворец сам со мной пошёл бы, но ему не по чину, один я рванул.

Знаешь, брат, одному идти, с одной стороны, вроде, и сподручнее; а все ж без тебя – не то оно. Словно голый идёшь, правда, словно ослеп на два глаза из четырёх. Я даже и припозднился, но не беда – Зять с Максимычем его спугнули, он ко мне и рванул – от его лёжки вниз по склону ивняк рос, вот он по нему и ломился. Я его перехватил, по уху прикладом приласкал, потом за шкирятник – и, как водится, в расположение части. По пути Зять с Максимычем подмогнули, да я и сам бы справился.

Короче, не буду вола водить – не баба это была, хотя тут и не скажешь, что лучше. Пацанчик, лет шестнадцать, конкретнее в штабе разберутся. Такой клоун – худой, носатый, волосы зелёные, типа под цифру, глаза подведены, ей-богу, не вру! – и даже на губах помада. Плюс

тоннели в ушах, фенечки на запястьях, с пацификами, бл… ин, прикинь! Пацифист, мать его… Держу пари – педераст, к гадалке не ходи…

Может, я его поэтому и не убил, а хотел. Прямо аж гадко как-то стало. К тому же лопотало это чудо не по-нашенски, я как ни вслушивался – так и не понял, что ему надо. То ли поляк, то ли литвин. А что это значит? А это значит – наёмник. Плюс взяли мы его со стволом – финская какая-то ружбайка, под 6,5-мм патрон, хотя ты, наверно, уже знаешь, тебе же из неё в шейку и прилетел свинцовый гостинец. Так что вышка ему светит, как ни крути. Могу тебе сказать – его уже отправили в Донецк, и даже до СИЗО довезли, перед Скворцом в тот же вечер отчитались, а он до нас донёс, молодчинка. Знал, что нам всем важно это. И как тебя прооперировали – ему тоже доложили, а он нам.

Сам знаешь, что я не набожный, но те три дня, что ты в горячке провалялся, я молился – чтобы пронесло мимо Безглазой. До этого не молился, не до того

было, а тут ещё и затишье выдалось, как мы нациков с полустанка выбили. Сидим сейчас, кстати, на этом полустанке, условия тепличные, пустующий летник с погребом под опорный пункт переделали; в погребе хавка[84] нашлась, даже тушняк[85], правда, как водится, просрочка, видать, года три, как дом забросили. Ну, в суп пойдет, опять-таки крупа, мука, соль… огурчики солёные в банках, а вот помидоры повыбрасывали – банки вздулись. Лечо[86] было какое, мы есть не стали, а Скворец баночку приговорил, на следующий день оно ему и отомстило. В общем, дорогу до скворешника огородного наш товарищ лейтенант теперь хорошо знает, в темноте не заблудится.

Бандеровцы тихо сидят, нашим тоже дали приказ пока не высовываться. Переругиваемся, конечно, из калашей и пулемётов, но вялко – лишних патронов

---

[84] Примечания: 84
Хавка (*жарг.*) — еда.

[85] Примечания: 85
Тушняк (*жарг.*) — тушонка.

[86] Примечания: 86
Лечо — овощные консервы из болгарского перца.

нет ни у кого, а уж у бандеры и подавно. Они по ночам зачем-то сигналки пускают, может, думают, поведёмся, типа наступление. Нашли, кого дурачить! Помнишь, как мы с тобой Макаревича построили? Пугало с горшком вместо головы, а за неделю, что мы у Тихого Омута стояли, шесть пуль бандеровских словил, одну даже из Баррета[87], герой стоеросовый. Так что дурачить нас дело пустое, мы сами кого хошь одурачим.

Так что сидим мы здесь в чистом поле – справа деревеньку бандеровцы сожгли, отступая, осталась только старая ферма, да и та – одни руины. У деревни кладбище с новыми могилами, чьё – не ясно, но, думаю, нацики своих прикопали. Стали бы они нашим кресты на могилу ставить – в лучшем случае, в яму покидали бы и кое-как землицей притрусили. Мало мы с тобой за восемь лет такого навидались?

Я вот думаю – мы же, блин, столько лет в одной стране жили с этими зве-

[87] Примечания: 87

Баррет M82/M107 — американская крупнокалиберная самозарядная снайперская винтовка.

рями! Они же себя чисто, как фашисты ведут! Из какого ада они повыползли? Или у них матерей и отцов нет? Как будто не люди, а зомби какие-то, типа как в ужастике. Но тут хотя бы чисто – я затемно не выдержал, сползал до деревеньки – все говорят, что у меня шило в одном месте, и, кажется, даже Скворец с этим уже смирился. Прошвырнулся по пожарищу – останков человеческих нет, значит, дома пожгли пустыми, а то с них станется. Опять же, такого мы с тобой тоже навидались. Ох, надеюсь, придёт время – с них за это спросят, и не только с тех, кто сам жёг, но и с их начальства бандеровского, вплоть до этих главных упырей: Зеленского, Порошенки, Турчинова.

Вот, вроде, и видали мы много всякого – а душа к этому не привыкает, хоть убей. Каждый раз содрогаешься, каждый раз ждёшь чего-то плохого. Но тут другая приключилась оказия, почему я и пишу тебе. Порадовать хочу, знаю, что ты такое любишь. На одном из пожарищ нашёл я икону. Даже не деревянную, на

картоне. Затыльник весь в копоти, а лицевая сторона чистая, будто кто спецом тряпочкой оттирал. На иконе Святая Троица – сверху Дух Святой в виде голубя парит; слева – Бог-Отец, справа – Христос, а между ними – Богородица, и они вдвоем над ней корону держат. Я такой иконы не видел никогда. Взял ее с собой, конечно – я так-то чужого не беру, сам знаешь, но если бесхозное, чего не взять?

Ты, как вернёшься – а я верю, что ты вернёшься… да все мы верим, и Скворец даже – ему пополнение дают, а он их отбояривает, хотя у нас во взводе лишних людей нет. Тебя ждёт. Ну, так выходит, что ты ему жизнь спас. Ладно. Так вот, ты как вернёшься – я эту икону тебе подарю. Пока я её в тельник завернул и в вещмешке ношу. Тельник чистый, нам новые выдали, очень вовремя, нечего сказать. Я всю весну в драном проходил, а как жара встала – прислали. На тебя тоже комплект пришел, лежит у Скворца. Ещё нам „Риттер спорт“ передали с последним пайком. Мне так грустно стало – помню, как ты их нахваливал. Но я у

каптёрщика спрашивал, вроде, теперь на постоянку выдавать будут.

Так что ты возвращайся поскорее. Я тебе уже третью упаковку откладываю. И икона тебя ждёт. Красивая такая – на Богородицу без слёз и не посмотришь. Я помню, брат, как ты заплакал, когда мы в Покровском были. Я думал, ты плачешь, что нацики храм порушили. Говорю ещё тебе: да ладно, брат, восстановим, что нам стоит Божий дом построить? А ты говоришь: да знаю, что восстановим, я не потому, я от умиления. А потом ты еще мне два вечера пытался объяснить, что это за зверь такой, умиление. Я-то думал, что это когда смотришь на котика или ребенка малого, а оно как-то не так получается. Так-то я и не понял тогда, а вот на эту икону взглянул – и понял.

Это знаешь, как получается? Это дом весь сгорел, целая деревня сгорела, а икона – нет; и вид у нее такой – не будь копоти на затыльнике – будто и в огне не побывала. Я сначала подумал – что ж это, Богу, значит, картонка со своим портретом дороже, чем вся деревня, пусть и пустая?

Пустая-то она пустая, а все же чьё-то жильё было...

А потом я понял – не в картонке дело. Не икону Бог сохранил от огня – он надежду нашу сохранил. Когда всё вокруг в огне, надеяться трудно, брат. Когда другу в шею пуля попадает – трудно, правда.

А икона – это надежда. Что главное в этом огне не сгорает – душа наша. Душу сбережем – остальное приложится. Очистим, отстроим, заново обставим. Главное душа, а ее никакая копоть не берет. Душу другое пачкает – алчность, жестокость, предательство. И то – к святому это не липнет, как копоть не липнет к иконе.

Я вот что думаю: надо ее сестрам отдать, в Покровский. У них там одна старушка оклады делает для икон – заглядение! Вот пусть нарядят ее и в храме повесят. Можно еще и историю ее написать. Глядишь, ещё мироточить начнёт или чудеса станут случаться.

Когда-то мне хотелось увидеть чудо. Например, чтобы Завгар убитый встал. Или лейтенант Чурсин. Или та девочка,

что её бандеровцы застрелили – помнишь, с трёхколёсным велосипедом. Катался себе ребёнок, а эти твари ее пулеметом. Хорошо, мы их потом сами прижучили…

А потом я понял: чудеса – они рядом, мы просто видеть их не умеем. То, что пуля в Скворца не попала, то, что она тебе срикошетила о цепочку для крестика и в сторону ушла – это что, как не чудо? Так что радуйся, похоже, восемь лет твоих проповедей наконец на меня, чурбана, подействовали. Даже в храм потянуло, да где ж найдёшь его в чистом поле, этот храм? И материться я, кстати, почти перестал, ну, это больше ваша со Скворцом заслуга, в смысле с товарищем лейтенантом.

Ладно, братишка, буду закругляться, потому что лист кончается, и ручка, сам видишь, как пишет. Лучше я тебе потом еще письмо напишу, хотя новостей тут никаких, сидим себе в чистом поле, как те три тополя на Плющихе. Привет тебе передают все наши – конечно, Максимыч, Зять, Мишка и Босой, Данила, Крокус и Заправщик, Толстый, Матроскин, и, ко-

нечно, товарищ лейтенант Скворцов. А также остальные ребята из взвода, хотя я всех и не спрашивал, но многие за тебя спрашивали, так что пишу – все.

Лечись, не шлангуй, лепил слушайся. Много не пей, хорошо закусывай… шучу, конечно, знаю, какой из тебя пьяница, трезвенникам есть чему поучиться. Главное, брат, знай – мы ждём твоего возвращения… но только полностью вылечившегося и хорошенько набравшегося сил. Сегодня, пожалуй, съем одну из отложенных тебе шоколадок с чаем – как будто с тобой посижу и почаёвничаю.

Подумай над тем, что я тебе сказал, я имею в виду, за ту девочку. Как дадут увал – заедь к ней в гости. Лишним оно всяко не будет. И если ты возьмёшь кого-то, кроме меня, свидетелем на свадьбу – я обижусь, и весь твой шоколад сожру, рискуя заработать диатез.

Крепко обнимаю тебя, брат. Храни тебя Господь. Твой побратим, Лёха „Оселок“ Ослонцев».

Последние строки письма уже расплывались,

когда Надежда всё-таки его дочитала. Решив оставить поиск конверта для письма на утро, она отложила двойной лист на стопку конвертов, переоделась и отправилась спать.

Глава 15. Неизвестный из ниоткуда

Утром Надежду разбудил муж. Он был уже одет и собран:

— Ты так сладко спала, — извиняющимся тоном сообщил он. — Я разогрел завтрак, поел и вызвал Гришку. У тебя телефон звонил, судя по всему, твоя новая знакомая, продавщица. Аня, правильно?

— Ага, — потягиваясь в постели, сказала Надежда. Ей редко приходилось вставать так поздно (было начало десятого), обычно она просыпалась в семь по будильнику, но и ложилась она раньше, чем легла вчера. — Я ей перезвоню. Мне стыдно, что я такая соня…

— Тоже мне, соню нашла, — усмехнулся Владимир Григорьевич. — Знаю же, что ты крутишься как пчёлка. И потом, ты очень устала, тебе надо было отдохнуть.

— Ну, есть такое, — согласилась Надежда. — Но порядочная жена должна провожать мужа на работу и с работы встречать.

— Если известно, когда у него начинается рабочий день и когда заканчивается, то может быть, — возразил Владимир Григорьевич, — а

если как у меня, то это практически нереально. Надеюсь, сегодня будет затишье, у меня три человека на отправку и один на выписку. Плюс я хочу еще раз осмотреть нашего человека-загадку.

Телефон зазвонил снова. Надежда сняла трубку, попутно целуя мужа, которому со двора просигналил подъехавший Гришка:

— Доброе утро, Аня!

— И вам доброе утро, Надежда Витальевна, — ответила Аня. — Я звоню потому, что ваш заказ на книги готов. То, что надо, у нас на складе нашлось, с утра привезли уже.

— А вы и по воскресениям работаете? — удивилась Надежда.

— Я, вообще-то, сегодня выходная, — ответила Аня. — Но в магазине будет моя сменщица, Катя, так что, если вы подъедете…

— Боюсь, рейсовый сегодня я уже упустила, — ответила Надежда. — А завтра у меня работа, придётся ждать до субботы.

— Очень жаль, — ответила Аня, — если окажетесь в Забойске раньше, а меня не будет на месте, просто спросите у Кати заказ, он у нас один отложен. Я работаю на следующей неделе по нечётным, но, вообще-то, я часто бываю у Кати. А в другое время меня можно найти в общежитии

или в компьютерном клубе у Жени, той девочки, что нейросеть разрабатывает. Клуб, кстати, в нашем же общежитии, на первом этаже.

Надежда хлопнула себя рукой по лбу:

— Тьфу ты, мне же муж привёз фото нашего «незнакомца»! Сейчас сын проснётся, я попробую сбросить тебе — я сама в компьютерах не сильно разбираюсь.

— Хорошо, — сказала Аня, — если что, наберите меня, я помогу.

Закончив звонок, Надежда ушла на кухню готовить завтрак для Вовки, но, прежде чем сын проснулся, к ней пожаловали неожиданные гости.

Точнее, сначала с улицы посигналили. Надежда решила, что это Гриша вернулся за чем-то, что могло понадобиться ее мужу, но, выглянув в окно, увидела у окна вместо Гришкиной «буханки» очертания украинского броневика. Сначала она даже испугалась, но потом, заметив эмблемы на бортах, вздохнула с облегчением и пошла встречать гостей.

К тому моменту, как проснувшийся Вовка выполз на кухню, Надежда успела предложить Николаю и Джулии завтрак, услышать их отказ и приготовить для гостей кофе (у нее был неболь-

шой запас растворимого, не очень хорошего, но, кажется, никто из гостей не обратил на это внимания).

Николай вез Джулию в Забойск — ей надо было сбросить в редакцию отснятый материал, а стабильного интернета ближе Забойска найти было невозможно. Надежда даже удивилась, что в Забойске он есть, но оказалось, что из Донецка туда провели оптоволоконную линию. Кроме того, в Забойске планировали поставить приемопередатчик, который будет раздавать интернет и мобильную связь вплоть до стандарта 4G окрестным посёлкам. Последнее сообщение очень порадовало Вовку.

— А откуда вы посылаете материалы, с почты? — расспрашивала Надежда.

— Нет, — ответила Джулия (которую всё так же переводил Николай), — там есть компьютерный клуб, правильно, Ники?

— Да, «Царица Тамара», — подтвердил Николай. — В бывшем общежитии мастерских горного оборудования.

— Там командует Тома, — воодушевлённо продолжила Джулия. — Молоденькая девочка, круглая сирота, ее родителей убили наци. Я сделала с ней интервью. Надеюсь, его пропустят

— пятнадцатилетнюю девочку-подростка ростом метр шестьдесят трудно заподозрить в том, что она террорист. У нас редакции часто заворачивают материалы потому, что, как они говорят, «эти люди террористы», cazzarolla! Che cazza, бабушка — божий одуванчик, старичок с клюкой, девочка с косичками и куклой — террористы! Pezzo di merde!

— Вы говорите правду, — сказала Надежда, — а правда не всем удобна. Если ваши политики признают правду, они узнают о себе крайне неприятные вещи…

— Che cazza, ну и пусть! — с жаром сказала Джулия. — Я буду говорить правду до тех пор, пока до этих culo d'assino[88] не дойдёт! Под их обстрелами, под обстрелами из поставленного ими оружия гибнут дети! Их убивает оружие, произведённое в Италии! Я не хочу участвовать в этом позоре!

— Вы делаете огромное дело, — согласилась Надежда. — У нас говорят — капля камень точит. Ваши капельки очень важны для мира, Джулия.

— Томочка очень талантливая, — продолжила

---

[88] Примечания: 88

Цитируемые выше итальянские экспрессивные выражения не имеют точного перевода и отражают глубокие эмоции крайнего возмущения и неприятия.

Джулия. — Она нормально нигде не училась, всё сама. В стране, где нет нормального Интернета, нет даже нормальных библиотек — библиотечный фонд Украины пополнялся последний раз ещё при Кучме! — она научилась так многому. Сейчас она участвует в разработке нейросети, представляете?!

— Я слышала о ней, — сказала Надежда. У неё созрело решение, и она обратилась к сыну. — Вовка, как ты относишься к тому, чтобы проехаться до Забойска? В качестве приза — посещение компьютерного клуба.

От такого предложения Вовка, конечно же, был в восторге.

— Вы нас подбросите? — спросила Надежда у Николая.

— Конечно, — ответил он. — Могли бы и не спрашивать, да и вместе веселее.

Быстро собравшись, Надежда и Вовка в компании Николая и Джулии отправились к машине. Возможность покататься в броневике, пусть и трофейном, вызвала у Вовки ещё больший восторг. Непрочитанные письма Надежда захватила с собой, равно как и письмо Алексея Ослонцева, которое Надежда читала вчера вечером, и для которого уже успела подобрать соответствующий

конверт.

Дорога до Забойска была недолгой, но Надежда успела рассказать Николаю и Джулии, а заодно и Вовке, историю «человека ниоткуда».

— Che fascino[89]! — искренне восхитилась итальянка. — Надо об этом написать книгу! Или даже снять фильм! Вообще, я не понимаю, почему не снимают фильмы про Донбасс? Американцы, когда куда-то влезут, сразу снимают о том, какие они герои, pezzo di merde. А у вас настоящие герои, и никто о них не знает!

— Трудно сказать, — пожала плечами Надежда. — Иногда кажется, что у нас в сфере культуры засели недобитые нацисты.

— Так нельзя, — продолжала Джулия, — надо что-то делать! Я сама попробую заинтересовать кого-то, может, и сценарий сама напишу. Я, правда, никогда сценариев не писала, только для сюжетов, но ведь gli dei non fanno pentole[90]!

— У тебя все получится, — ободрил ее Николай. — У нас все обязательно получится!

— Конечно, получится, — улыбнулась Надежда. — Да и вообще… крысы бегут с корабля, когда

---

[89] Примечания: 89
Как это удивительно (*ит.*).

[90] Примечания: 90
Не боги лепят горшки (*ит.*).

им кажется, что он тонет. Сегодня многие «деятели культурки» побежали из России, а свято место пусто не бывает. Надеюсь, что на то место, которое они занимали, придут настоящие патриоты — они и книги про нас напишут, и фильмы снимут…

* * *

Абсолютное большинство жителей Украины не только знают русский язык, но и свободно на нём разговаривают. Вообще говоря, то, что называют «украинским языком», по мнению филологов, — не более чем диалект, или, точнее, патуа русского языка. Что такое патуа? Это язык обособленной группы большого народа, например, неграмотных сельских жителей или населения территории, которая долгое время была оккупирована представителями чуждой культуры. Грубо говоря, «украинский язык» — это русский, в который насильно насовали польских и немецких слов. Так что для любого украинца, включая даже одиозных уроженцев Карпат, русский язык даже ближе, чем якобы родной украинский диалект-патуа, чья история насчитывает не более четырёхсот лет.

Враги России активно используют эту осо-

бенность. Если жителя, скажем, Польши и Прибалтики можно вычислить по акценту, то с украинцами это намного труднее. Идейные украинские националисты — желанная добыча для людей определённого склада — профессиональных лжецов в погонах или без.

Как известно, в вооруженных силах США и стран НАТО давно существуют силы психологических операций. После Майдана четырнадцатого года (а, по некоторым сведениям задолго до) на Украине были созданы так называемые ЦИПсО — центры информационно-психологических операций, попросту говоря — центры распространения лжи. Сотрудники этих ЦИПсО, русскоязычные люди с басурманскими душами или без душ вовсе, работали в русскоязычном Интернете, распространяя ложь, клевету, сея панику или даже занимаясь банальным мошенничеством и «разводом» на деньги доверчивых пенсионеров.

Начало спецоперации хорошо прижало эту лавочку. Часть центров была уничтожена ракетами и авиацией, часть — захвачена наступающими Освободительными войсками. Оборудование одного из таких центров было отправлено в Забойск, где его исследовала следственная группа российской Генеральной прокуратуры и спе-

циалисты из ФСБ. По окончании исследования машины очистили от информации — и оставили в Забойске. Большую часть передали в сформированные в двух забойских школах компьютерные классы, в различные структуры поселковой администрации… А еще восемь компьютеров оказались в бывшем общежитии ремонтных мастерских, ставшем приютом для беженцев. В конце концов, решено было открыть в этом общежитии компьютерный клуб, заведовать которым взялась Тамара Иваненко, та самая Тома, подруга Ани и знакомая Джулии. Долгое время клуб не имел официального названия, сначала поселковая молодёжь говорила просто: соберёмся у Тамары, потом кто-то добавил «у царицы Тамары» — и с тех пор клуб так и стали называть. Соответственно, Тому в посёлке стали именовать «царицей Тамарой». «Царица», не так давно отпраздновавшая шестнадцатилетие, управлялась с неожиданно свалившимся на нее хозяйством на удивление хорошо, и теперь ее клуб вырос более чем вдвое — в нем было восемнадцать машин, объединенных в локальную сеть с выходом в Интернет, плюс машина самой «царицы», которую ей специально передали из далёкой Дудинки — мощная и современная.

Надежда застала Аню в клубе, и та очень ей обрадовалась. Она сразу же познакомила Надежду со своей подругой. Джулия, кстати, с Аней оказалась тоже знакома — похоже, итальянка легко сходилась с людьми и знала уже пол-Донбасса.

Надежда коротко изложила Тамаре суть проблемы. Тамара, немного застенчивая девочка, внимательно выслушала ее и сказала, что попробует ей помочь. А потом заняла место за своим рабочим компьютером — и изменилась буквально на глазах.

На мониторе перед ней возник сложный с виду интерфейс, наводивший ассоциации не то с фильмом «Матрица», не то с еще какой-то голливудской фантастикой. Касаясь тонкими пальчиками монитора, Тамара священнодействовала в глубине этого интерфейса. Надежда обратила внимание, что два пальца левой руки у девочки неподвижны, но не решилась спросить почему.

— Чтобы убедиться, что наша нейросеть — не шарлатанство, предлагаю вам, Надежда Витальевна, протестировать его, — сказала Тамара. — Мы сделаем вашу фотографию, а потом попросим Бедокурчика найти нам информацию о вас.

— Бедокурчика? — удивилась Надежда. Тамара

слегка смутилась:

— Так я назвала персонализацию нашей нейросети, — пояснила она. — Вы ведь наверняка слышали про Марусю, Сири, Алису, Алексу?

— Я слышал, — опередил Надежду Вовка. — Это разные версии искусственного интеллекта.

— Ну, можно и так сказать, — улыбнулась Тамара. Надежда посмотрела на сына, потом на новую знакомую… Вовка не сводил с Тамары взгляд, та тоже украдкой на него посматривала. Неужели между ними возникла какая-то химия, или Надежде это только кажется и у неё начинается «синдром свекрови» — желание в каждой милой девочке видеть потенциальную невестку?

— Нашего виртуального помощника мы назвали Бедокуром, — продолжила Тамара. — В честь одного милого и озорного мультперсонажа. Но наш Бедокурчик вышел серьезнее своего прототипа… В общем, я попрошу нейросеть нарыть о вас всю имеющуюся в наличии информацию. Вы убедитесь, что нейросеть работает, потом всю информацию я скопирую вам на флешку. После этого я удалю ее со своего компьютера, — Тамара подмигнула, — а если понадобится, то и с каких-нибудь удалённых компьютеров. Мало ли, кто мог собирать о вас информацию?

— Да кому я нужна? — пожала плечами Надежда.

— …а после этого мы приступим к выполнению основной задачи, — закончила свою речь Тамара. — Ну что, согласны?

Надежда, конечно, согласилась.

* * *

Экран потемнел; исчезли многочисленные окошки и линии, их соединяющие. Осталась только фотография Надежды, сделанная тут же камерой, встроенной в монитор — моноблок. Затем исчезла и она. Некоторое время экран был тёмен, как Вселенная перед созданием звёзд, дарящих свет. Затем, словно звёздочки, на темном экране стали загораться яркие точки, и каждая из них разворачивалась в фотографию.

Надежда даже не представляла, сколько фото и видео с ее участием хранит Интернет. Фото из детского сада, из школы, из техникума и института — кем-то и зачем-то оцифрованные. Фото с документов, с анкет, фото с камер наблюдения, видео с этих же камер — Донецк, Луганск, Крым, где они с мужем отдыхали, Владимир, Калуга, Полтава, Ростов, Киев, Петербург, Москва — города, куда они ездили по делам…

А ещё — документы, файлы анкет, какие-то свидетельства, дипломы, чеки — оказывается, Сеть знала о Надежде очень и очень многое…

Последним всплыл зловещий черный файл с красноречивой эмблемой. Этот мальтийский крест был для жителей Юга Украины в чём-то страшнее и отвратительнее даже свастики — эмблема СБУ. Надпись под эмблемой гласила: «Досье пособника террористов».

— А говорите, что вы никому не интересны, — прокомментировала Тамара. — Уж этим-то мы интересны все поголовно. В СБУ есть досье даже на младенцев! К сожалению, у них очень хорошая защита, пролезть через которую крайне сложно. Но Бедокурчик и на это способен, правда, только если есть фото, с которым можно работать. Ваше досье с их сайта я удалю — я бы их все удалила, но, повторю, это непросто. Кое-что из найденного я тоже удалю с серверов, по крайней мере, то, что лежит на украинских. Я могу сбросить его вам с остальными документами — но, если вы впечатлительный человек, пожалуйста, не заглядывайте в него, в особенности — на последнюю страницу.

— А что там? — спросила Надежда. Тамара не ответила, и Надежда переспросила: — Что там,

ответьте, пожалуйста.

— Там приговор, — ответила Тамара. — Они всем нам вынесли приговор. Всем — включая младенцев.

— Покажи, — сказала Надежда. Тамара вздохнула и одним движением руки, два пальца которой не двигались, развернула папку.

На последнем листе была фотография Надежды (восьмилетней давности, с ресурса «Укрпочты», ее фамилия, имя, отчество, девичья фамилия, дата рождения и действительно приговор:

«При поимке подлежит инфильтрации в концентрационный лагерь. Ликвидация на месте не запрещена. Основание: пособница террористов, жена активного пособника террористов (первая категория опасности), мать террориста (вторая категория опасности)».

Надежда буквально онемела.

— Могло быть и хуже, — заметила Тамара. — Мне написали просто: подлежит ликвидации, даже без объяснения причин. Наверно, потому, что я сбежала от одного нацика, которому приглянулась. Шесть лет назад дело было, мне было десять от силы. Он мне пальцы сломал на руке, но я вырвалась и смылась. Он в спину стрелял, но не попал, чёрт толстопузый.

— А меня тоже в концлагерь определили, — добавила Аня. — Я жена «полевого командира террористов».

— А я просто террорист, — добавил Николай, — и, по мнению СБУ, меня надо ликвидировать. Но хуже всего с Джулией. Она у них числится как особо опасная, её предлагается брать живьем и передавать мясникам из Особого отдела. Я бы этих составителей досье…

У Николая непроизвольно сжались кулаки; Джулия, заметив это, осторожно обняла его за плечи и что-то тихо сказала на певучем итальянском. Николай ответил ей на том же языке, намного более мягким тоном.

— Все их досье я уже удалила, — добавила Тамара, и Надежда поняла, за что её называют царицей. Ее рабочее место было для Тамары действительно троном, местом, где у нее была полнейшая власть. — Удалю и ваше, и ваших близких — Бедокурчик уже работает над записями с участием вашего мужа и сыновей. А пока он занят этим, давайте попробуем найти вашего «человека без имени».

* * *

Монитор компьютера оставался тёмным слишком долго, чтобы это было нормально, это даже Надежде было ясно, хотя в компьютерах она не разбиралась совсем. А Тамара сидела на своём троне, напряженно всматриваясь в темноту монитора, и на ее лице читалось недоумение и тревога.

Затем появилась надпись:

«Бедокур запрашивает интерфейс прямой коммуникации. Предоставить?»

— Да, — вслух сказала Тамара. Экран осветился, на нем появилась симпатичная мордашка голубого цвета. Одновременно ожили колонки. Голос нейросети полностью соответствовал изображению на экране — и совершенно не подходил для озвучивания столь серьезной информации:

— Ни одного изображения, которое можно было бы ассоциировать с предоставленным образом не найдено. Глубина поиска — миллиард шестьсот миллионов сайтов и более четырёх миллиардов внесетевых носителей.

— Это же весь Интернет! — с удивлением сказал Вовка. Тамара посмотрела на него, как показалось Надежде, с долей уважения.

— Обращаю внимание, — продолжил Бедокур, — что в ходе поиска я вновь обнаружил следы коррекции («затирания») информации. Могу с определённой степенью достоверности сказать, что в нескольких случаях была затёрта информация именно об искомом человеке. Мне удалось найти и восстановить одну фотографию двадцатилетней давности, на которой, возможно, изображен искомый объект — степень достоверности составляет тридцать пять процентов. Вывести результат?

— Конечно, — сказала Тамара.

Мордочка озорного Бедокура исчезла, и на её месте возникла газетная статья. Газета была итальянская, в центре листа двое полицейских уводили мужчину, лицо которого было очень трудно разобрать.

Все посмотрели на Джулию. Та, прищурившись, стала читать. Николай переводил:

— Русский задержан в Милане по обвинению в связях с албанской мафией. Молодой учёный Павел Сидорчук, уроженец города Сан-Джари Полтавской области, долгое время работавший в Венеции, задержан в Милане во время облавы. Полиция предполагает, что Сидорчук работал на албанскую мафию, разрабатывая для нее

наркотики и, возможно, осуществляя связь европейских медицинских агентств с «чёрными трансплантологами», предположительно действующими в Косово под эгидой Хашима Тачи и его «Демократической партии Косова»…

Часть 5. Тени сгущаются

Глава 16. Неслучайные встречи

Жизнь идёт своим чередом, и ей нет дела до человеческих страданий. Закат сменяет рассвет, за весной приходит лето, солнечные деньки чередуются с пасмурными независимо от того, что мы переживаем. На сердце может быть радостно в самую лютую непогоду, а в самый погожий денек, порой, наваливается смертная тоска, что хоть и не живи…

Мария сидит в небольшой новенькой беседке — ее построили за один день солдаты батальона Народной милиции, охраняющего госпиталь. Раньше охраны было меньше, но после недавних событий её усилили. Теперь рядом с госпиталем расквартирован целый батальон из резервистов — здесь, в основном, служат ветераны, после ранений не пожелавшие демобилизоваться, но для передка уже непригодные. Среди бойцов есть даже мужчина без обеих ног, на протезах. Его хотели отправить на заслуженный отдых ещё после первого ранения, но этот наследник Василия Кочеткова, служившего без ноги четырём императорам, вернулся в строй. Правда, после второго ранения на передний край его больше

не пускали, но и в военкомат перекладывать бумажки не отправили — оставили старшиной в батальоне, охранявшем теперь госпиталь.

А чуть поодаль, в распадке среди акаций притаился «Панцырь» — новенький, но уже хорошо себя зарекомендовавший. В бой он вступил буквально «с колёс» — только успел прибыть, как нацисты, озлобленные провалом попытки захвата госпиталя, нанесли по нему удар РСЗО. И «Панцырь» сначала сбил шестнадцать неуправляемых снарядов «Ольхи», а потом — вместе с побратимом с передовой — ещё шесть хвалёных «Хаймарсов». Гена Нечаев, сын санитарки Инны, даже притащил в госпиталь кусок этого самого «Хаймарса». Мать Генку изругала и пыталась отобрать закопченную железяку, но Владимир Григорьевич её осадил:

— Этот зверь больше не опасен. Пусть будет у парня свой трофей.

— У меня уже есть гранатомёт! — хвастался Генка. — Папка привёз, гуманитарный.

— Гуманизированный, — вздохнула Инна. — Отец его балует, таскает всякое — вот он и пристрастился.

— Всем мальчикам нравится оружие, — возразил Владимир Григорьевич. — Это не страшно,

страшно, когда детей учат убивать.

У Марии, которая была свидетельницей разговора, возникло при этом неприятное чувство. Она слишком хорошо помнила мальчика, тянущего руку к мине, лежащей в траве, и то, что случилось потом. Поэтому она была на стороне Инны — незачем детям играть с оружием. Говорят, в оккупированном бандеровцами Чернигове ребёнок с промытыми нацистами мозгами выстрелил в своего брата из гранатомёта на так называемой выставке оружия. Это разве хорошо?

Оружие, конечно, нужно — чтобы защищать Родину. Но пусть с оружием управляются взрослые, а у детей будет мирное детство. Детство, в котором нет мин-ловушек на детских площадках…

Сейчас Мария сидела в беседке, благо там никого не было, и читала книгу, принесённую ей дядей Гришей. Книга называлась «Неслучайные встречи» — новенькая, ещё пахнущая типографской краской. Дядя Гриша сказал, что её автор приезжал на Донбасс и даже посетил их госпиталь, ещё до того, как Мария туда попала. Но читала Мария, по правде сказать, невнимательно, хотя книга была интересная. Она размышляла о том, что в ней изменилось.

Маргарита Львовна рассказывала ей о стадиях

принятия неизбежного — отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие.

— Как и все психологические теории, это — не больше чем удобное описание, практически никогда не соответствующее действительности, — говорила она. — Стадии могут меняться местами, могут отсутствовать или существовать одновременно. Ты, например, сразу же миновала стадию отрицания…

— Ну да, — горько усмехнулась Мария. — Трудно отрицать то, что у тебя нет рук.

— Ты не пытаешься торговаться, — продолжила Маргарита Львовна, — а депрессия у тебя чередуется с гневом. Я бы посоветовала тебе больше гневаться. Как правило, гнев не конструктивен, и ничего в нём нет хорошего, но для тебя гнев лучше, чем депрессия. Он заставляет тебя мобилизоваться.

— Зачем мне мобилизоваться? — спросила Мария, находившаяся тогда как раз в стадии депрессии. — Ради чего? У меня больше нет цели в жизни, нет смысла жить…

— Смысл твоей жизни — в музыке, — не то спросила, не то сказала Маргарита Львовна. Мария кивнула. — Заметь, я не употребила слово «был». Он у тебя по-прежнему в музыке. Ты говоришь,

что больше не слышишь музыку в себе?

Мария кивнула вновь.

— Тогда тебе нужна музыка извне, — решила Маргарита Львовна. — Это как с витамином D — если организм его вырабатывает недостаточно, его принимают до тех пор, пока он не начнет выработку этого витамина в достаточном количестве…

— Вы не понимаете, что говорите! — разозлилась Мария. — Я *не могу* слушать *чужую* музыку! Это… лучше отрезать себе то, что осталось от второй руки, не так больно, по крайней мере…

— А ты что, пробовала уже? — спросила Маргарита Львовна. — Я вижу, что ты разозлилась, и это хорошо. Конечно, я не говорю о фортепиано или классической музыке вообще — для тебя это, действительно, непосильное испытание сейчас. Но ведь музыка бывает разной! И на одной классике свет клином не сошёлся.

— Я вас не понимаю, — призналась Мария.

— Скоро поймёшь, — загадочно пообещала Маргарита Львовна и умчалась к другим пациентам.

Так для Марии начался период «неслучайных встреч».

* * *

Хотя, наверно, начался он раньше, еще с визита Надежды Витальевны в компании Максима и его мамы. Персики и виноград Маша всё-таки съела — ей в этом помогли медсестра Слава и волонтёр Екатерина, когда они пришли к Маше просто посидеть, поболтать. После этого разговора Мария поняла, почему Слава постоянно плачет, глядя на неё. Жених Славы, Вик, едва не потерял ногу, и потерял бы, если бы не Владимир Григорьевич. Тот сумел из того, что осталось, сделать для парня почти что функционирующую ступню — хотя это казалось практически невозможным, когда Вика доставили в госпиталь, ниже колена у него буквально висели лоскуты кожи и мяса. Было это за несколько дней до появления Марии в Забойске, и это удивило девушку:

— То есть Владимир Григорьевич за несколько дней сделал две сложнейшие операции? А он вообще отдыхает?

— Две? — удивилась Слава. — Больше. Их никто не считает, эти операции. И это у нас ещё «тихий» участок фронта. На других участках раненых больше, но их сразу отправляют в тыл, а наша бригада врачей пытается спасти всех на месте

— и в основном получается, хотя некоторых всё-таки приходится эвакуировать.

Знаешь, Ма… рия, — продолжила она, отрывая ягодки от горсти винограда; у Славы это получалось так аппетитно, что Мария невольно и сама отщипнула несколько ягодок, — я ничего плохого про других врачей не скажу. Врач вообще профессия для благородных людей. Но я очень не уверена, что в другом госпитале тебе бы спасли даже правую руку. Я ведь ассистировала при операции и видела, какой ты поступила. Не хочу и вспоминать об этом.

Мария вздохнула:

— Для меня, увы, что есть эта рука, что нет — разница очень небольшая. Я всё равно не чувствую себя полноценной. Этими тремя пальцами я даже собачий вальс не сыграю.

— Понимаю, — кивнула Слава. — Мой Вик то же самое говорит, мол, с такой ногой я всё равно, что без ноги. Но я ему сказала, что он мне нужен, что с ногой, что без ноги, и я его ни за что не брошу. Вот он и взял себя в руки, уже планирует наше совместное будущее, а я верю, что у него всё получится.

Она покосилась на лежащий на блюдечке персик. Мария невольно улыбнулась:

— Бери уже, не гляди на него так, как цыган на коня. И можешь называть меня Машей, но так, чтобы другие не слышали.

— Почему? — удивилась Слава, осторожно забирая персик.

— Потому что тебе так проще, — ответила Мария. — А мне проще пережить Машу, чем каждый раз слышать, как ты говоришь «Ма… рия».

После того как Екатерина и Слава ушли, Мария почувствовала себя странно. Её удивило то, что в присутствии этих женщин она не чувствовала себя ни угнетённой, ни подавленной. Задумавшись, Мария поняла, что такое же ощущение у неё остаётся от визитов Надежды Витальевны (несмотря на возраст и положение, её все звали просто Надеждой; впрочем, пожилого водителя, с которым Мария ещё не была знакома, все звали просто Гришкой, хотя и говорили о нём с уважением), а Маргарита Львовна хоть и заставляет её злиться, но её общество Мария тоже не могла назвать неприятным. Впрочем, за всё время пребывания в госпитале Мария еще не встречала неприятных людей — например, строгая Лилия Николаевна просидела с ней всю вторую ночь, когда у Марии воспалились швы и была горячка. Она тихо и нежно говорила с находящейся в

полубреду Марией, осторожно вытирала пот со лба и легонько проводила холодной губкой по воспалённым швам, отчего боль отступала.

Лёжа на кровати и жуя виноградину, уцелевшую после налёта Славы и Екатерины, Мария подумала, что в компании этих женщин ей впервые удалось забыть, что у неё больше нет рук. Но как же музыка? Сейчас она ушла, но, по крайней мере, оставалась тоска по ней. Как у некоторых людей после ампутации возникают фантомные боли, так у Марии появлялись «фантомные касания». Когда она проваливалась в полузабытьё, что с ней иногда случалось, так как организм был ещё ослаблен после операции и потери крови, ей казалось, что пальцы её отсутствующей левой руки касаются холодных клавиш фортепиано. Как ни странно, это приносило некоторое облегчение, смешанное, однако, с горечью и тоской.

«А что, если музыка уйдёт совсем? — думала Мария со страхом. — Что если я не буду чувствовать её, если она станет для меня просто набором звуков, да, гармоничным, красивым, даже прекрасным, но не таким *особенным,* как сейчас? Если я утеряю связь с ней? Что заполнит пустоту в моей душе?»

Эта пустота пугала Марию. Иногда ей вспоми-

налась клубящаяся багровая тьма, из которой она вынырнула, когда очнулась в палате. Внезапно Марии захотелось, чтобы её навестила Зоя и прочитала ей ещё одно письмо. Но она не знала, кого попросить об этом, и заснула ещё до того, как дежурная медсестра её навестила.

* * *

На следующее утро её навестил священник. Священник был молодым — лет тридцать, не старше, но во взгляде у него было что-то такое… Что то, что располагало, внушало доверие. Как и его голос, негромкий, словно священник боялся кого-то разбудить, хотя Мария не спала, а больше никого в палате не было.

— Меня зовут отец Анатолий, — представился он. — Я служу здесь по воскресеньям, могу приехать и в другой день, я живу в Забойске. Вы верующая?

— Что? — не расслышала последних слов Мария.

— Простите, не могу говорить громче, — сказал отец Анатолий, наклоняясь ниже. — У меня ранение в гортань, здесь же, в госпитале, оперировали, Сергей Нисонович с Мадиной Баяновной. Теперь говорю почти что шёпотом, а до того какой голос

был! Признаться, я этим голосом гордился; думал, что Бог мне его специально таким сделал, для службы. «И во веки… веко-о-ов», — затянул он, и Мария поняла, что имел в виду батюшка — на короткий миг к нему вернулся прежний голос, красивый, глубокий баритон. Но затем священник закашлялся, его лицо покраснело, на глазах выступили слёзы… — простите, не могу. Наверно, не надо было мне так… гордиться. Людям нужно смирение, как птицам полёт. Потому что гордому кажется, что ему принадлежит весь мир… а те, кто с этим не согласен — гады и враги. Я так не думал, конечно… но всё равно, был очень близок к этой черте. А когда человек слаб, он лучше чувствует других людей, их беды, их слабости…

— Вы потеряли голос, — сказала Мария. — Но всё равно служите в церкви. А если бы вы потеряли голос *совсем*?

— Я молился бы про себя, — ответил отец Анатолий. — Конечно, я не мог бы больше оставаться священником, но Бог всё равно слышал бы мои молитвы.

— Жаль, что я не могу так играть, — сказала Мария. — Про себя. Музыка существует для того, чтобы её слышали…

— Есть много способов быть услышанной, —

сказал батюшка. — Но лишь тогда, когда тебе есть, что сказать. Я был на вашем концерте. Кантату «Саур-Могила» вы сами написали?

— Конечно, — не то удивилась, не то возмутилась Мария. — А что, есть сомнения?

— Что вы, конечно, нет, — улыбнулся отец Анатолий. — А как вы это сделали?

Мария пожал плечами:

— Смотрела документальный фильм про бои за Саур-Могилу. Без звука, что-то на канале было, кроме белого шума. — В какой-то момент в голове зазвучала музыка…

Она смолкла. За окном щебетала какая-то птаха, госпиталь жил своей жизнью — шорохи, скрипы, тихие стоны… Внезапно Мария подумала о том, как много звуков вокруг. Мир буквально наполнен ими, и мы их часто просто не замечаем. А в этих звуках… в них тоже есть своя гармония…

— Вы хотите сказать, что я могла бы писать музыку, — медленно произнесла она. — Но музыка больше не звучит во мне. Раньше она сопровождала мою жизнь — каждую минуту. Мне не нужен был плеер и наушники — в шуме города я слышала в себе Листа и Бетховена, Гайдна и Шуберта, Моцарта и Баха…

А сейчас музыка смолкла, и я боюсь, что она

никогда больше не вернётся ко мне…

— Почему? — спросил отец Анатолий.

— Но ведь сейчас её нет! — ответила Мария.

— Вы никогда не слышали, как взрывается в лесу одинокий снаряд? — спросил батюшка. Мария отрицательно покачала головой. — Представьте себе: погожий летний день, наполненный птичьими трелями, жужжанием пчёл, стрёкотом кузнечиков. И вдруг все эти тихие, мирные звуки перекрывает грозное «ба-бах», совершенно чуждое этому умиротворению.

И весь лес замирает. Смолкают птичьи трели, даже насекомые перестают жужжать, напуганные этим вторжением чего-то чужого, необъяснимого и страшного. Но проходит время — и сначала начинают жужжать и стрекотать насекомые, потом подаёт голос какая-то самая отважная пичужка, а затем — оживает весь лес.

Война — страшная вещь, но война, как и болезнь, как и любое горе, — это временно. Она проходит. Любая боль заканчивается, и начинается новая жизнь. Для вас трагедия — не столько сама ампутация, как то, что вам кажется, что вы больше не сможете быть причастны к музыке…

— А разве это не так? — спросила Мария.

— Конечно, нет, — ответил батюшка. Но сейчас

вы пережили страшный шок, и… пока не можете поверить в то, что у вас есть, к чему стремиться. Моя потеря была меньше, чем у вас, но не думайте, что я переживал её как-то по-другому.

— У вас было на что опереться, — сказала Мария. — У вас есть Бог, и вы сами сказали, что служить Ему вы можете по-разному…

— Во-первых, Бог есть не только у меня, но и у вас, Мария, — ответил отец Анатолий. — А во-вторых… у вас дар, талант к музыке. Настоящий дар нельзя отнять. Его нельзя потерять.

— И вы можете это доказать мне? — спросила Мария. — Отец Анатолий, мне *хочется* вам верить, но чувства говорят обратное. Они говорят, что я больше не смогу коснуться клавиш фортепиано, не смогу пробудить дремлющую в них красоту…

— Тогда вам надо найти новое применение своему дару, — ответил батюшка. — А насчёт доказать… Любое доказательство зависит от того, хотим или не хотим мы его принять. Я принесу вам доказательство, а уж принимать его или нет — зависит только от вас самой.

* * *

После ухода священника Мария позвала дежурную сестру, ею оказалась Зоя, и попросила помочь ей встать. Зоя обрадовалась этому, как ребенок, а зря — депрессия не отступила от Марии, она по-прежнему была угнетена и даже думала о смерти. Но Мария решила для себя, что нет разницы, лежит она или ходит. Своё горе она всё равно носит в себе, и от лежания на боку оно не становится меньше.

Зоя помогла ей одеться. В процессе одевания Мария призналась Зое, что слышала, как она читала ей письмо, и хотела бы, чтобы она как-нибудь еще почитала ей.

— Я дежурю завтра в ночь, — сказала Зоя. — У нас есть несколько новых писем, я приду и почитаю вам, хорошо?

— Конечно, — слабо улыбнулась Мария.

Зоя проводила её к выходу из «палатного корпуса», поскольку Мария хотела подышать свежим воздухом. Воздух был, действительно, свежим, ночью прошел дождь, и каждый вдох приносил ароматы влажной земли, листьев, кажется, даже грибов. Зоя почти сразу же её оставила — на территорию госпиталя въехал новенький

санитарный джип, остановился у входа в операционный корпус и просигналил. Привезли раненых. Пока медсестры и санитары вынимали из машин носилки (раненых было двое), из кабины автомобиля выбрался водитель. Мария с изумлением увидела, что у мужчины только одна рука — другая была ампутирована по плечо. Захлопнув за собой дверь, мужчина, ловко управляясь одной рукой, достал пачку папирос, выщелкнул одну, лихо заломал между пальцами картонную гильзу; затем достал бензиновую зажигалку, пожег ее, чиркнув кремнем о голенище сапога, и подкурил. А потом заметил уставившуюся на него Марию.

— Ну, привет, дочка, — сказал он. — Вижу, у тебя тоже с руками неважно?

— А как вы машину водите, с одной-то рукой? — спросила Мария.

— Да дело-то нехитрое, — ответил мужчина, попыхивая папироской, — вот передачи переключать на повороте трудно было. Спасибо братьям — казакам, справили мне заместо сгоревшей буханки вот это чудо техники. Коробка у неё — автомат, хоть без рук води…

Он попыхтел сигаретой и добавил:

— Тебя ведь Марией звать-величать? А я Гриша.

Как по батюшке, говорить не буду, если хочешь, зови дядей Гришей, на деда я пока не тяну, а для дяди в самый раз. «Скажи-ка, дядя, ведь не даром, Москва, спалённая пожаром, французу отдана…»

— Вы в бою руку потеряли? — спросила Мария.

— Нет, в госпитале, — ответил дядя Гриша. — В бою меня только ранили, а там, сама понимаешь, ураганная гангрена и всё такое. Ну его, не хочу вспоминать. Зато, знаешь, мы заложников спасли, вывели из подвала. А рука — это так, мелочи.

— Ничего себе, мелочи! — воскликнула Мария. — Я вот не знаю, как жить дальше, я ведь музыкант, играю на фортепиано… играла…

— А я до войны на аккордеоне играл, — ответил дядя Гриша. — И петь любил песни нашенские, казацкие. «По Дону гуляет ка-а-зак моло-одой!» — вытянул он. — Но, я понимаю, что ты говоришь. Для меня аккордеон — забава, а для тебя твой рояль, может, и всем миром был…

— Вы понимаете? — удивилась Мария.

— Ну, у меня песни хоть и простецкие, а какой-никакой я всё-таки к музыке боком прислонён, — ответил дядя Гриша. — Музыка — она особая, она как будто дверь, за которой что-то дивное, неведомое. Слыхал я, был когда-то один немец. Нестарый еще, но времена были тяжёлые. Писал

он прекрасную музыку, а потом взял и оглох.

— Вы про Бетховена, что ли? — спросила Мария.

— Да я его с Бахом путаю, — признался дядя Гриша. — Наверно, Бетховен. Он ведь не сразу оглох, в двадцать семь начал терять слух, а к сорока пяти совсем не слышал, хочь из «Пиона» рядом пали. А какую музыку писал! «Лунная соната»…

— Он ещё слышал, когда её писал, — сказала Мария.

— А девятая симфония? Он тогда был глух, как тетерев по весне, а по музыке-то не скажешь! — Дядя Гриша щелчком отбросил в траву окурок и добавил: — Да ты сама понимаешь, что это такое — терять слух. Музыка такая, как у него, она ж как Днепр на низовьях — широкая, глубокая, тут каждый нюанс важен! Как ему было писать это не слыша?

Дядя Гриша замолчал, молчала и Маша. Потом водитель сказал смущённо:

— Ты уж прости меня, дочка. Разошелся я. Просто я, когда лежал после ампутации, всё себя хоронил, даже думал, где взять ствол, чтобы себя порешить. Кому нужен мужик без руки? А потом понял — дак ведь в том-то и дело! Есть у меня рука, нет её — сам-то я остаюсь собой! И если я себя

сам приговорю, значит, не казак я, а размазня на тарелочке. А про глухого Баха…

— Бетховена, — машинально поправила его Мария.

— Ага, Бетховена, — кивнул дядя Гриша, — так про него мне один солдатик рассказал, танкист. У него после контузии барабанные перепонки порвало, а он до войны механиком работал. По звуку машине диагностику делал, виртуоз! «Ничего, — говорит, — буду глухим, по-другому пристроюсь, а все равно машинки латать буду. Призвание у меня такое»…

Глава 17. Письмо врача

Домой Надежда с Вовкой уехали не с Николаем и Джулией, а с Гришкой, который как раз приехал в Забойск за медицинскими препаратами — перевязочные материалы, кислород, дезинфицирующие средства требовались госпиталю постоянно, потому Гришка в Забойске бывал раз в неделю, как правило, по воскресеньям. Надежда об этом знала, но как-то выпустила из виду. Зато Владимир Григорьевич помнил и напомнил жене — Надежда Витальевна, конечно, сообщила мужу о своей поездке. Так что Николай и Джулия отправились по своим делам, а Надежда и Вовка поехали домой на тряской, но удобной «буханке». Вовка был насуплен — он, кажется, хотел бы остаться подольше во владениях «царицы Тамары», но прекословить не стал. Надежда заметила в сыне неожиданную перемену — раньше он, как и любой подросток его возраста, мог возражать родителям, а сейчас его словно подменили. Надежда видела, что Вовке очень хотелось бы остаться — непонятно, правда, что его больше привлекало — возможность погонять в Сети или общество Тамары, но перечить Надежде он не

стал.

Сама Надежда также пребывала в угнетённом расположении духа — всё-таки на неё подействовало прочитанное в досье СБУ. Конечно, умом и сердцем она понимала, что это просто слова, что им не дано сбыться. Она даже не боялась, скорее, ей было просто гадко. Будто в коровью лепёшку босой ногой вступила.

Гришка воспринял её подавленность по-своему:

— Что-то вы какая-то грустная, — сказал он. — Книжку дочитали небось?

— Книжку? — удивилась Надежда. — Какую книжку?

— Как это какую, «Старьёвщицу», конечно, — ответил Гришка. — Я видел, вы купили. Ну да, я понимаю… с другой стороны, продавать свои воспоминания — это неправильно. С ними жизнь уходит.

Он объехал очередную не то колдобину, не то воронку, и добавил:

— Тут целая страна этим занимается. Я вот думал — были люди, как люди, мы вместе с ними работали, отдыхали вместе, и никого не интересовало, кто русский, кто украинец, кто еврей или татарин… А теперь они на нас с оружием попёрли

— зачем? Ради чего? И я понял одну вещь, как раз когда «Старьёвщицу» прочёл. Я ж её в госпитале читал, когда мне руку отняли. Чувствовал я себя тогда, сами понимаете, как, и книга прямо на душу легла. Так вот, я понял — суть в том, что они тоже продали свою память. Их деды били нацистов, как и наши деды. Их отцы, как и наши, воевали в Афгане. Только они эту память продали, а мы — сохранили. И веру они свою продали, за константинопольские плюшки. Но это так, к слову…

Надежда не отвечала; она смотрела в окно, на проплывающие мимо зелёные поля — раньше тут была пшеница, когда еще были колхозы, но теперь земля ушла под пар — вынуждено, потому что не было, кому её обрабатывать. Вот и поросло бывшее поле сочно-зелёной травой…

— Тоскливо, — сообщил Гришка. — Давайте, я хоть музыку включу, что ли?

— Я сама, — остановила его Надежда, чтобы включить магнитолу, Гришке пришлось бы бросить руль, ведь рука у него была только одна. Надежда включила магнитолу — из динамика под «бардачком» донеслось шипение, и она стала крутить ручку в надежде найти хоть какую-то радиостанцию.

Радио принимало плохо — линия фронта совсем рядом, там вовсю работают станции радиоэлектронного подавления, в том числе те, что дают широкополосную помеху, поэтому гражданские радиостанции слышны не всегда, не везде и не очень хорошо.

— …скапливаются в районе Новосёлок. Замечены передвижения частей… надцатой мотопехотной и… той горнострелковой бригад, а также два дивизиона САУ «Гвоздика» и дивизион чешских САУ «Дана». Сообщают, что к Новосёлкам перебрасывают РСЗО «Град», тоже чешского производства. В штабе операции считают, что нацисты планируют на этом направлении отвлекающий удар, чтобы оттянуть силы от Соледара и Артёмовска…

— Это в нашем направлении, — заметил Гришка. — Новосёлки, они ж от Русского Дола километрах в пятнадцати, кажись… эх, опять раненые будут…

— Надо будет наших организовать, на помощь, — решила Надежда. — Как думаешь, когда они попрут?

— Ну, если наши об этом по радио говорят, то скоро, — ответил Гришка. — Либо сегодня ночью, либо завтра. Им тянуть ни к чему — будут возить-

ся, их ВКС раскатают.

— …снова нанесли удары по Донецку, — сообщило радио. — Больше всего пострадал Будённовский район. Один человек погиб, шестеро ранено…

— А вчера они автостанцию накрыли, — добавил Гришка. — Пять человек погибло. Когда уже наши Авдеевку зачистят?

— Еще около сорока человек пытались прорваться из Авдеевки… — ответило ему радио, — однако были рассеяны и частично уничтожены миномётным огнём. Тем не менее продвижение наших войск остановилось на восточных окраинах…

Надежда решительно повернула ручку — новостная станция пропала из эфира, ее сменили статические помехи, а потом, сквозь эти помехи, как подснежник сквозь талый наст, пробился девичий голосок:

Кто пойдёт по следу одинокому?

Сильные да смелые головы сложили в поле, в бою.

Мало кто остался в светлой памяти,

В трезвом уме да с твёрдой рукой в строю, в строю…

«Кукушка» Цоя как-то незаметно стала одним из символов Донбасса. Может быть, с того момента, как ее спела любимица дончан, Юля Чичерина, может, раньше. Девочку, которая сейчас исполняла эту песню а капелла, Надежда не слышала раньше, но пела она хорошо, пронзительно.

Гриша всхлипнул. Надежда с удивлением посмотрела на него.

— Да вот, вспомнилось чего-то, — сказал водитель извиняющимся тоном. — Июнь четырнадцатого, четвертый штурм Славянска. Мы с ребятами в доме засели, двухэтажка такая, на четыре квартиры, или типа того. У меня тогда еще две руки было. Так вот, сидим мы значит, атаку отбили, самокрутки скрутили, курим. Вечер, но еще светло, поскольку июнь. И мы понимаем, что эти фраера вот-вот опять ударят, они тогда словно озверели, сволочи. Все мы понурые, ходят слухи — город придётся оставить. И тут Витька Бульбаш, его потом под Изварино снайпер упокоил, делает знак — тихо, мол. Мы все замерли — у Бульбаша слух был, как у летучей мыши, муху за километр слышал, наверно. А тут… песня! Без музыки, вот как эта девочка поет:

Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой,

С фашистской силой темною, с проклятою ордой,

Пусть ярость благородная вскипает, как волна,

Идёт война народная, священная война!

И в песне как будто слёзы слышатся. Знаете, Надежда, будто песня плачет! А главное — голос словно из-под земли идёт. Короче, нашли мы люк, открыли — внизу подвал, а в нем шестеро детишек, мал-мала меньше, только одна девочка постарше, лет шестнадцати. У них света — одна керосинка тусклая — и они поют. А тут как раз стрельба началась — опять штурм. Мы люк закрыли и к окнам. На нас эти гады попёрли, нас восемь человек было, а их сколько — не считал никто, но трупов потом осталось больше двух десятков точно. У нас-то и патронов в обрез, и гранат — тут бы отступить — да дети в подвале… отбили штурм, они откатились назад, но недалеко. Думают, гады, затемно ударить. Мишка Малежик, он теперь в капитанах ходит, а тогда рядовой был, точнее, как все мы, без звания ополченец — как чуть стемнело, но еще не так чтобы, к трупам нацистским прополз, рожки от

автоматов да гранаты подсобрал, а второй ходкой ручник приволок, мне его и отдали, у меня мой АК клин поймал, он старый был, из штольни. Это фигня, другие и с ППШ воевали.

Короче, в одиннадцать они опять на штурм. До двух часов перли, прорвались пару раз, двоих наших уложили, Панченко и Серегу Полосатого, я потом только его фамилию узнал. Широбоков. Мы отбились, но чувствовалось — последний раз. А в подвале дети. И патронов осталось — кот наплакал. Мы тогда спички потянули, мне короткая выпала и Малежику. Вытащили детишек и осторожно повели их в тыл, а ребята…

А ребята в атаку пошли. Все там и полегли, кроме Бульбаша. Его ранило, нацики сочли его мертвым. Как стрельба сзади затихла, мы с Малежиком ход ускорили, как могли, а как его ускоришь, у нас дети маленькие. Я девочку нес, лет трёх, Мишка — такого же пацана… а они по нам палить — срисовали, значит, как мы вышли. Я пулемет в доме оставил, с собой только револьвер системы Нагана и граната-лимонка. Отдал девчонку старшей девочке, говорю: бегите, я их задержу, сколько смогу. Они побежали, потом те вылетают на меня — четверо — я по ним из нагана. Попал — не попал, не знаю, они назад, за

кусты, и по мне из автоматов. Сразу в руку две попало и в бедро одна, навылет. Я упал, лежу и думаю, как бы мне «лимонку» достать. Мол, подойдёте, ублюдки, я себя подорву и вас. Как-то изловчился, вижу, они идут уже, но с опаской. А что бояться, в нагане шесть патронов, я их шесть и выпустил. Рука болит адски, пришлось на нее опереться, чтобы приподняться… чтоб гранату достать. А мысль у меня одна — ближе, суки, ближе, чтоб наверняка.

Но тут сзади стрелять начали — сразу этих всех положили, пулемет бил, «максимка». Я уже почти сознание теряю, упал, лежу на спине, а надо мной прямо млечный путь, чумацкий шлях по-ихнему. И думаю, ну, всё, Боженька, раз там наши, значит, довел Мишка детишек до своих. Сейчас глаза закрою и по этому млечному пути к Тебе. А там уж суди меня, как жил, как помер. Закрыл глаза… открыл в «Урале». Эвакуация. «Урал» бортовой, даже без тента. Раненых в нем — как сельдей в бочке. Дорога простреливается. Некоторых уже в машине по второму разу отоварило, одного насмерть. Но я этого не видел, в бреду был. Пока меня до Донецка довезли, у меня по руке гангрена пошла, вот ее и оттяпали.

Помню, лежу я в палате, народу много, ране-

ных тогда было больше, чем койко-мест, и на полу лежали, и на подоконнике, меня на каталке пристроили, как фон-барона. Потом потихоньку рассосалось. А однажды я проснулся, а у меня на каталке букет полевых цветов и книга, «Старьевщица» эта. А в книге записка от той девочки из подвала…

Что было в записке, Гриша рассказывать не стал. Утер глаза рукавом и отвернулся. «Буханка» давно уже стояла у двора Ясенецких.

— Вот такая история, — закончил Гриша. — Слава богу, детки выжили. Их потом в Ростов отвезли. Теперь какая-то бандеровка воет, что их похитили. Ага, похитили — у детоубийц. Так что руки не жалко. Лучше руку потерять, зато детки-то живы. Ладно, хозяйка, приехали. Выгружайтесь, а я в госпиталь. Если Григорьевич скажет за вами подъехать, я вернусь…

* * *

Дома, разогревая еду для Вовки, Надежда вспомнила о своем ночном решении. Рука сама потянулась к стопке с письмами, но сначала Надежда всё-таки налила сыну тарелку ароматного борща, отрезала хлеба, проследила за тем, чтобы он начал есть и лишь потом принялась

за чтение.

Это письмо было написано ровным, разборчивым почерком уверенного в себе человека, что было несколько странно — писавший был коллегой Владимира Григорьевича, и Надежда, зная, какой почерк у ее мужа и его собратьев по профессии, была приятно удивлена.

«Здравствуйте, уважаемая Марина Сергеевна!

Получил Ваше письмо, и оно меня несказанно порадовало. Хотя для меня не стало неожиданностью то, что Вы хорошо справляетесь с дополнительной нагрузкой в виде моих пациентов. Я верю в Вас, еще когда Вы проходили у нас ординатуру, я заметил в Вас талант, и именно поэтому пригласил Вас в наше отделение. Не сомневаюсь, что под вашим надзором мои пациенты так же хорошо идут на поправку, как и под моим.

Вы пишете, что без меня наша клиника „осиротела“ – как будто меня уже убили. Не стоит хоронить меня заранее, я отработаю командировку – и вернусь к нашим пациентам. А пока Вы с Натаном

Альфредовичем и без меня хорошо справляетесь. Я в этом ничуть не сомневался, Марина Сергеевна.

Один из Ваших риторических вопросов я всё-таки не могу не оставить без ответа. Вы пишете: „зачем известный специалист в области офтальмологии и челюстно-лицевой хирургии, доктор наук, профессор, занимается тем, с чем справился бы обычный фельдшер? Зачем Вы, человек в возрасте, рискуете собой и своим талантом?“

Во-первых, война – это самый страшный вызов для людей нашей профессии. Здесь люди ежедневно получают ужасные ранения, в том числе – и нашего профиля. Молодые мальчики (впрочем, здесь немного совсем молодых, поскольку в спецоперации не участвуют срочники) получают ранения, способные изуродовать их на всю оставшуюся жизнь. Вы сами понимаете, что во многих случаях промедление смерти подобно, а если не смерти, то, во всяком случае, инвалидности. А мой „талант“ позволяет спасти их от этой участи. Мне кажется, это

прекрасно.

Есть, однако, ещё одна причина, по которой я не мог оставаться в стороне от спецоперации. Причина эта личная, но я вам ее расскажу.

Мои родители были детдомовцами – я не знал своих бабушек и дедушек, всех их забрала Великая Отечественная война. Отец мой работал в той же области, что и я – челюстно-лицевая хирургия. Он неоднократно выезжал на места катастроф, а с восемьдесят шестого у него были постоянные командировки в Афганистан.

Отец как-то рассказал мне, что наш дед был ранен под Сталинградом. Тяжело раненный, он двое суток удерживал свою позицию от врага. Когда его доставили в госпиталь, было уже поздно – дед умер на операционном столе. Это повлияло на решение моего отца стать врачом. Я, в свою очередь, вдохновлялся его примером и тоже поступил в мединститут. В то время в вузах не было военных кафедр, поэтому после второго курса меня призвали в армию. Несмотря на то что

продолжалась война в Афганистане, меня ничуть не пугала воинская служба. Меня направили служить в пограничные войска и после учебки перевели в пограничную часть на юге нашей страны.

„Афганцы“ называют это место „за рекой“, хотя никакой реки там не было. Мы служили на границе Северного Афганистана, наша застава располагалась вдали от дорог, по которым туда шли наши войска. От этого менее напряженной она не становилась – по глухим тропам в горах в нашу страну стремились попасть контрабандисты, зачастую – неплохо вооруженные и огрызающиеся при попытке их остановить. Прежде чем произошла та история, о которой я хотел бы рассказать, я успел поучаствовать в нескольких боевых столкновениях – без вреда для себя. В целом, контрабандисты – так себе вояки, но все равно опасны. Нескольких наших ребят ранили во время встреч с ними, хотя тяжелых ранений и не было.

Это случилось в тот год, когда наши вывели войска из Афганистана, но до того, как генерал Громов перешел зна-

менитый мост. Случилось это ночью. Я проснулся от стрельбы и звона оконного стекла. Сам не помню, как оказался на ногах, оделся, взял из стойки оружие. Помню, как занял место в одном из оконных проемов. Нападающие погасили прожекторы внешнего освещения, но на фоне звездного неба были хорошо видны, и мы начали стрелять.

Нас было тридцать пять человек, разбросанных по трём зданиям. Сколько было душманов – я не знаю. Мы надеялись, что после рассвета бандиты отступят или придёт подмога. Однако не случилось ни того, ни другого. Атака следовала за атакой, при этом у душманов была поддержка тяжёлого оружия – минометов и китайских крупнокалиберных пулеметов.

Ближе к обеду противник дал нам короткую передышку, а потом открыл шквальный огонь. По нам ударили 107-мм РСЗО пакистанского производства – не такие мощные и дальнобойные, как те, которыми нацисты сегодня орудуют на Донбассе, но в тех условиях и это было че-

рез край. Одна из ракет попала в штабное здание, превратив его в руины. Осколки других легко прошивали глинобитные стены казармы. Нас было пятнадцать человек, и к трём часам дня мы все были ранены, а двое – убиты.

Душманы рассчитывали на то, что после обстрела мы не окажем сопротивления, но они просто плохо нас знали. Мы снова встретили их огнем. На этот раз атака была более мощная – противник знал, что у нас заканчиваются боеприпасы, и наступал, ведя по нам шквальный огонь. Нас осталось семеро, все были ранены, когда враги ворвались в казарму. Мы собрали последние силы – и ударили в штыки.

Я совсем не помню звуков того боя – я был контужен и, наверно, ничего не слышал. Я видел душманов с перекошенными лицами – они что-то кричали, но я не слышал, что именно, а по губам я читать не умею. Я видел, как один за одним погибают мои товарищи, и понимал, что скоро та же участь ждёт меня. Мысленно я попрощался с родителями, с друзьями, и

очень жалел о том, что так редко писал им, пока была возможность. Вскоре нас в живых осталось двое. Возможно, нас хотели взять живыми, поскольку нас били прикладами, стараясь сбить с ног. Я получил сильнейший удар по голове, упал на глинобитный пол – и увидел, как нападающие стали падать на землю, а их грязные светло-коричневые лохмотья – пропитываться кровью. А потом в дверном проёме появился крепкий парень в голубом берете, и за его плечами садилось солнце. Он показался мне ангелом.

В госпитале, где за мной ухаживали, я узнал, что представлен к награде – как и все мои боевые товарищи. Выжило нас только трое, остальных наградили посмертно. Мы с ребятами, когда смогли собраться вместе, написали письмо в Совет министров – мы писали, что те, кто погиб, достойны большей награды, чем мы, выжившие.

Письменного ответа нам не дали, но письмо, очевидно, дошло до адресата – когда генерал-майор погранслужбы вручал нам наши ордена, он сказал:

– Если вы не понимаете, в чем суть вашего подвига, то я объясню. Каждый из вас встал на пути бандитов и головорезов. Вы стали для них непреодолимым препятствием. Вы не пустили войну через границу. И вы все стояли насмерть. Выжили не все, но каждый из вас был готов умереть – чтобы не пустить войну через нашу границу.

Сегодня я на Донбассе. Я сердцем так и не принял распад СССР, и люди, живущие здесь, никогда не были для меня иностранцами. После демобилизации я окончил институт, прошел ординатуру, работал почти тридцать лет врачом, сделал тысячи операций; я защитил кандидатскую, докторскую, стал академиком. Написал несколько научных трудов, которыми горжусь. Я честно выполняю свой долг врача.

Но где-то в глубине души во мне всё равно живет тот молодой пограничник, который старался не упасть под ударами прикладов автоматов басмачей. Кто знал, что вот-вот умрет, но старался стоять до самой смерти, выгрызая

драгоценные минуты, чтобы подоспела подмога.

Тогда я не пустил войну через границу. Не я лично – мы все. Таких застав, как наша, в начале девяностых было много. В стране творилось черт-те что, но ребята вроде меня продолжали стоять насмерть и не пускать войну через границу. Сегодня в стране установился порядок – люди мирно трудятся, счастливо живут… а через границу, на этот раз украинскую, к ним снова лезет война.

И я, профессор, академик и прочая, и прочая – не могу стоять в стороне. Я, конечно, не бегаю с автоматом и не бросаюсь в штыковую. Я занимаюсь тем, чем занимаются на войне военврачи, попутно оперируя в случаях тяжелых челюстно-лицевых или офтальмологических повреждений.

Так что сегодня я не просто врач – я одновременно и врач, и пограничник. Это моё место и мой долг. Я не имею права отступать и прятаться за спины других, если мой труд может быть востребован.

Надеюсь, теперь Вам понятны причины моего решения. Не переживайте – я вернусь в родную больницу, и Вы ещё будете ассистировать мне при операциях или проводить свои с моей инспекцией. Война закончится нашей победой, и все мы вернемся к мирной жизни. Ждать осталось недолго.

Обратите внимание на внутриглазное давление у Коркиной. Его рост, даже незначительный, может быть плохим признаком. Стоит повторить ей томограмму. У Шипцова следите за состоянием швов донорской ткани – проблем быть не должно, но береженного Бог бережет. У Кобоевой с перегородкой всё нормально, ей просто хотелось бы еще уменьшить нос, а это нецелесообразно, да и мы всё-таки не клиника пластической хирургии. Маврина можно будет выписывать, посоветуйтесь с Натаном Альфредовичем.

Скучаю по всем вам, лечащим и болеющим. Пишите мне, пожалуйста, а я буду писать вам. Жив, здоров, бодр и весел и, кстати, начал работу над новым исследованием. Но пока подробно говорить не

буду, ещё не время.

С уважением, Корешков Виктор Васильевич,

Д.Б.Н., профессор».

* * *

Вовка доел борщ, причем полностью, разве что тарелку не облизал. Надежда спросила, не хочет ли он добавки, но сын отказался, равно как и от чая, и ушел в свою комнату. Надежда тем временем нашла конверт для письма врача, вложила его и заклеила. Непрочитанными оставалось еще пять писем, но Надежда не могла сразу же приняться за следующее — она чувствовала, что так нельзя. Как будто чтение этих писем стало для нее каким-то ритуалом, и этот ритуал обязательно надо было сделать правильно.

Глава 18. Как приходят добрые вести

Весь вечер Надежда с тревогой смотрела на запад, ожидая усиления канонады. Она занималась домашними делами, приготовила ужин — макароны по-флотски, не простые, а больше похожие на итальянскую пасту «Карбонара», но только из отечественных ингредиентов. И все это время наблюдала за тем, не начнётся ли там, где разгорался закат, стрельба, предвещающая ещё одну бессонную ночь.

Как стемнело, приехал Гришка, а с ним — Владимир Григорьевич. Муж Надежды был смертельно уставшим, что для него, однако, было нормально. У одного из пациентов открылось полостное кровотечение — в условиях эвакогоспиталя такое случалось часто и, увы, часто приводило к гибели пациента — но не тогда, когда лечащим врачом был муж Надежды. Владимир Григорьевич всегда боролся до последнего, вырывая из цепких рук Костлявой людей, попавших на операционный стол. Вырвал и в этот раз.

— Часть кишечника пришлось удалить, — рассказал он, поедая макароны по-флотски. Такие разговоры за столом в семье Ясенецких никого не

смущали — во всех семьях мужья рассказывают за ужином женам о своей работе, и Ясенецкие были не исключение. А если твой муж — врач, то и рассказывать он будет о своих операциях. — По стенкам пошло заражение, в стационаре, может, и справились бы, но мы не стационар. Участок, слава богу, небольшой, как в старину говорили — на полперста, да и залатали мы аккуратно, но следить все равно придётся. Я попутно всё пересмотрел — в остальном, вроде бы, все нормально, но ведь в прошлый раз тоже казалось, что все нормально… — и Владимир Григорьевич тяжело вздохнул.

Надежда знала, как ее мужу в такие моменты нужна ее поддержка, поэтому, после того как они попили чаю и Вовка ушёл к себе, она пошла с Владимиром Григорьевичем в спальню, ненадолго задержавшись у икон в гостиной, и прилегла рядом, когда он лег в кровать. Так засыпать, подарив друг другу перед сном минуты нежности, им удавалось не часто с тех пор, как началась агрессия Украины на Донбассе. Засыпая, Надежда думала, что эта проклятая война поломала столько судеб. А еще — внезапно она подумала, что те люди, которые не знают, что такое война, и конфликтуют между собой, ссорятся друг с другом

— просто безумцы. Мир — великий Божий дар, мирная жизнь — уже половина счастья. Люди не ценят то, что имеют, пока не потеряют это…

Надежда не запомнила, что ей снилось. Проснулась она по будильнику. Муж лежал на боку, открыв широкую спину с двумя белыми осколочными шрамами — Владимиру Григорьевичу не раз приходилось оперировать под обстрелом, поскольку он считал, что обстрел — это не повод для того, чтобы дать раненому умереть. При этом он три раза был ранен, один раз — еще и серьёзно контужен, потом полгода не слышал одним ухом и потерял несколько до того здоровых зубов. Но самым трагическим случаем Владимир Григорьевич считал тот, когда только что удачно прооперированного бойца прямо на операционном столе убил один-единственный осколок ракеты системы «Град», влетевший через выбитое окно.

Вовка, вопреки своей привычке на каникулах спать чуть ли не до обеда, проснулся рано и перед завтраком успел позаниматься зарядкой — вернулся весь мокрый, принял душ и успел позавтракать с отцом, прежде чем тот уехал с Гришкой.

— Чем будешь заниматься? — спросил его Вла-

димир Григорьевич.

— Самообразованием, — усмехнулся Вовка. — Кроме шуток, я решил поступать в военное училище, мне дали список литературы для подготовки, мы с мамой его купили, теперь надо готовиться.

— А темы какие? — уточнил Владимир Григорьевич. Вовка вздохнул:

— Разные. Математика, физика, химия, а ещё — история, география и английский надо подтянуть. Мы так подумали, что мне лучше на артиллериста учиться. Во-первых, с точными науками у меня всегда всё было пучком, а во-вторых — артиллерия — главная сила на поле боя. Нацики наших пушек боятся, как… не важно, боятся — и всё.

— Так что ж вздыхаешь так тяжко? — спросил Владимир Григорьевич.

— История, — сказал Вовка. — Все эти даты учить… от них голова пухнет. Да и с инязом у меня всегда был напряг.

— Ничего, — ободрил его Владимир Григорьевич. — У тебя получится. Я в тебя верю.

— И я, — добавила Надежда Витальевна. Вовка прямо засветился изнутри и ушёл в комнату довольный — потом, правда, вернулся с книга-

ми и ушёл во двор, где Владимир Григорьевич еще до войны построил беседку и капитальный мангал. Мангал с тех пор простаивал, поскольку во время войны не до шашлычных посиделок, а в беседке Вовка часто делал уроки или просто сидел с книжкой.

Убрав со стола, Надежда привела себя в порядок и отправилась на почту. В одиннадцать прибыла почтовая развозка из Забойска — половина почты оказалась для самой Надежды. Во-первых, прибыли книги, которые они с Вовкой в воскресенье так и не забрали. Кроме того, к упаковке с книгами прилагалось два выпуска комиксов про майора Грома, в одном из которых лежала открытка «С 9 Мая», на обороте которой имелась надпись: «Для Володи». Надежда тут же набрала Вовку:

— Привет, чем занимаешься?

— Читаю про Столетнюю войну, — ответил тот. — Интересная штука, между прочим. Война, типа, шла сто лет, но не непрерывно, а так, время от времени. И воевали, в основном, только сеньоры. Как сейчас сказали бы, частные военные корпорации. Были, конечно, и крупные сражения, но, в основном, кажется, просто соседи сводили счеты друг с другом.

— Ну, разбирайся, — улыбнулась Надежда, и

добавила: — Тебе тут комиксы передали.

На несколько секунд воцарилось молчание, потом Вовка спросил изменившимся голосом:

— Про майора Грома?

— Ага, — подтвердила Надежда. Вовка вздохнул, как ей показалось, с облегчением:

— Уф… а я думал… ладно. Я за ними забегу попозже.

— Хорошо, — продолжала улыбаться Надежда. Она подумала, что комиксы могли передать Аня или «царица Тамара», но, скорее, последняя. Похоже, Вовка с Тамарой подружились, и это почему-то очень порадовало Надежду.

Но еще больше порадовали её другие новости, пришедшие вместе с почтой. Это был скромный конверт, вроде тех, что достались ей вскрытыми, — солдатское письмо. Но это письмо было для Надежды особо дорого, ведь оно было от ее сына.

Здравствуй, мамочка!

Прости, что давно не писал. Не до того было – у нас события летят со скоростью ракеты. Так получилось, что я постоянно оказываюсь на самых горячих участках фронта. Но какая-то невидимая, неведомая сила бережет меня и моё отделение

– с февраля месяца у нас ни одного ранения, ни одной контузии, при том, что мы находимся не в тылу, а в самом пекле.

Меня бережет какая-то сила, но я знаю, что это за сила – это твоя любовь, твоя молитва. Знаю, что ты очень обо мне беспокоишься. Не волнуйся, мамочка, я хороший солдат, со мной ничего плохого не случится.

К тому же теперь и сама война изменилась. Прежде чем идти на штурм, мы обрабатываем врага артой и авиацией, потому трусливые нацики бросают позиции и бегут как зайцы. Хуже всего, если приходится освобождать захваченные ими наши города. Бандеровцы постоянно используют мирняк в качестве живого щита, а ведь мы не воюем с простыми людьми и не хотим среди них жертв! Но за это время мы хорошо научились действовать в городской застройке, теперь она наш друг. Мы знаем, где можно укрыться, откуда может грозить опасность, каких мест надо избегать. У меня развилось какое-то чутье на растяжки – со стороны кажется, что проход

безопасен, но в голове словно звоночек тренькает, и ты обходишь стороной «безопасное место» – а потом обнаруживаешь там хорошо замаскированную мину.

Мины нацики любят. Минируют все – оставляют еду на столах, выпивку (как будто кого-то может привлекать их сивуха!), даже сигареты и деньги – чтобы ты подошёл и взорвался. Но мы на такое не ведёмся. Хуже, когда они бросают игрушки с минами внутри – дети есть везде, и мне даже однажды пришлось ловить за шкирку юркого пацана, который, едва утихла стрельба, бросился к «забытому» на лавочке плюшевому медведю. Дети не умеют подозревать, они не задумываются, что игрушка не могла появиться на лавочке просто так. Пацан очень расстроился, когда наш сапёр взорвал медведя, ткнув его щупом. Но мы с ребятами нашли ему точно такого же, и наша взводная медсестричка торжественно вручила мишку мальчику, вызвав у того настоящий восторг. Он решил, что мы «воскресили» его медвежонка, точнее,

не его, а того, с лавочки.

Люди встречают нас, как родных. Видно, что они очень устали от нацистов. Те ведут себя на их земле так, будто считают эту землю вражеской. А мы освобождаем свои города. У нас в роте есть добровольцы со всей Большой России, как мы это называем – то есть и из России, даже из Приморья на Дальнем Востоке, и из других бывших республик – больше всего белорусов и казахов. Есть, конечно, много украинцев, даже с Запада, из Винницы, Житомира, Переяславля и Владимира-Волынского. А два брата-близнеца Жовковские – бойки из Карпат, есть там такой народ. Они как на своем говорить начинают – их даже западенцы наши понять не могут…

Это неправда, что против нас воюет украинский народ. Это ложь, придуманная засевшими в Киеве пропагандистами. Против нас воюет НАТО, мы постоянно трофеим их оружие и экипировку. Против нас воюют упоротые радикалы и совсем оболваненные пропагандой украинцы. Сейчас на фронт стали чёсом гнать по-

полнение, которых хватают чуть ли не в бане и везут в военкомат. Эти вообще не воюют – очень многие сразу же сдаются в плен. Нам регулярно засылают «малявы», как они их называют, – письма с просьбой помочь попасть в плен. Однажды даже стрелой из лука забросили, представляешь? Оказалось, кандидата в мастера спорта по стрельбе из лука в ВСУ загребли, а он с собой лук взял, ну и использовал по назначению. Его товарищи говорят, что, когда они ночью к нам уходили, он двух бандеровских комиссаров из лука уложил. Комиссары – это радикалы, которых нацики приставляют к необстрелянным бойцам. Они имеют право казнить, если кто-то из солдат проявляет «трусость» или «сепаратистские настроения».

Ладно, всё это тебе, может, не особо интересно, поэтому перейду сразу к сути. Только ты очень не сердись на меня, ладно? А то подумаешь еще, что я пишу тебе только потому, что мне что-то надо. Это случилось две недели назад. По дороге к Северодонецку мы наткнулись на машину нациков – бортовой «Урал» нарвался

на противопехотную мину, ему снесло передний мост. Мы вышли на звук взрыва, и бандеровцы, бросив машину, рванули через поле убегать, причем последний зачем-то пальнул по тенту. Нацики далеко не ушли, отправились к своему Бандере в ад, а мы, со всеми предосторожностями, подошли к «Уралу».

В кузове оказались девушки. Шесть связанных по рукам и ногам девчонок, от двенадцати до восемнадцати. Их родителей расстреляли, а их самих отобрал какой-то мужик в натовском камуфляже и велел вывезти в Краматорск, где передать на руки «уоррент-офицеру Стеббинсу». Мутная история, но дело не в этом. Мы освободили девочек, и меня отправили отконвоировать их в безопасное место. С тех пор у меня новое прозвище – «товарищ Сухов», но это детали. В общем, не буду говорить долго, именно тогда я и познакомился с Виктусей.

Ее отец погиб в Славянске; старший брат – при штурме Донецкого аэропорта. После гибели отца у матери отнялись ноги, и Вика ухаживала за ней, но банде-

ровцы расстреляли ее мать, вместе с другими односельчанами. Они были одеты в старую советскую форму и снимали все это на камеру. Камеру наши нашли в той же машине, так что, если это была провокация, она не удалась.

Мы с Викой очень сблизились. Она попросилась к нам санитаром, и ее взяли, поскольку санитаров никогда много не бывает. Она сказала, что сделала это, чтобы быть ко мне ближе. Я…

Знаешь, на войне, когда рядом смерть, легко влюбиться. И для меня, и для неё смерть была очень близким соседом. Мне очень не хотелось бы, чтобы наши чувства возникли под воздействием страха перед смертью… а потом я понял – да какая разница, почему я полюбил Вику или почему она меня полюбила. Важно, что это произошло. Мы с ней объяснились, признались друг другу в любви.

К сожалению, Вика не может остаться с нами как санитар. Написал – к сожалению, а потом подумал – не к сожалению, а к счастью. Я все время беспокоился, когда у нас происходил огневой контакт – слу-

чись что с Викой – не знаю, как я дальше жить буду.

Но у нее обнаружилась хроническая анемия, а с таким диагнозом не потаскаешь здоровых мужиков вроде нас. Кстати, я в прекрасной форме, вымахал уже метр девяносто два, вешу восемьдесят четыре и чувствую себя прекрасно. В общем, Вика демобилизуется и возвращаться ей некуда – в довершение всего, по пустому поселку нацики ударили «градами», может быть, чтобы замести следы, и все дома сгорели.

Я договорился с папой, что Вику отвезут в Забойск, а там ее встретит папин водитель, Гришка, и привезёт к нам. Я просил папу не говорить тебе… не знаю почему. Наверно, хотел всё сам рассказать, но до тебя не дозвонишься, а с папой я хоть по «вертушке» могу поговорить. Потому решил написать письмо – ну, не только поэтому. Мы сейчас на окраине Соледара, разместились в брошенном доме и у нас возникла передышка. Так долго я давно уже не отдыхал!

Прошу тебя, прими Вику, как родную.

Она хорошая девочка, сама увидишь. Она вас с папой уже любит, хоть и не видела ни разу. Я очень рассчитываю на тебя, мама. Знаю, как ты любишь меня, – полюби её так же, пожалуйста.

Буду заканчивать письмо, потому что скоро опять в бой. Но ты не волнуйся, а лучше – еще раз помолись Богу за меня… за нас с Виктусей. Поверь, молитва твоя действует. Мы, когда Святогорск освобождали, мне там старушка сказала, ну не мне, а всем нашим: «Над вами, ребята, Божьей матери покров. Видно, хорошо ваши мамы за вас молятся».

Ниже было дописано — той же ручкой, но, вероятно, после паузы, почерк сына едва заметно поменялся:

Прости, прервали – нацики в контратаку пошли, пришлось отбивать. Справились быстро, они те еще вояки, я уже писал. Но устал, конечно, сильно, так что буду заканчивать.

Кормят здесь хорошо, сухпай бывает редко, и он хороший, российский. В основном, харчуемся с ротной полевой кухни.

Всегда есть мясо или рыба, свежие овощи и фрукты (зимой и весной были консервированные, но и свежие бывали, а сейчас – видно, что только с грядки). С остальным тоже нет проблем, разве что связь плохо работает. Здоровье у меня – дай бог каждому, зимой хоть и были холода, ни разу не простудился. Так что не волнуйся за меня. Крепко-крепко тебя обнимаю. Вовчику огромный привет. Батя сказал – он в артиллеристы метит, поступать будет. Передай, пожалуйста, что я одобряю. Пушки – наше все, арта нам как ангелы-хранители ближнего радиуса действия.

Люблю вас всех. Скучаю. Надеюсь, скоро увидимся. Ребята говорят – как территорию ДНР полностью освободим, отпуска будут давать. Береги мне Виктусю. Будет отказываться от еды – корми хоть насильно, у нее анемия третьей степени, как только на ногах держится…

С любовью, твой сын Виталик, он же «товарищ Сухов». Храни вас Бог!

Надежда смахнула непрошенную слезу. Только

сейчас она поняла — каждый раз, читая чужие письма, она представляла себе на месте писавшего своего сына. Виталик был и молодым пограничником на афганской заставе, и бойцом, пишущим своему товарищу, и сыном, рассказывающим матери о «спокойной» службе в СОБРе ДНР, и художником, воюющим в ополчении, и парнем, признающимся в любви незнакомой медсестричке…

Может, в том-то и дело? Может, все они **действительно** были в какой-то мере ее детьми, ее братьями, отцами? Её родными, близкими людьми? Да и могут ли быть чужими те, кто сражается на фронте народной войны с нацистами?

Донбасс превратился в одну большую семью — нет, не так! Одной большой семьёй словно стала вся Россия. Именно так на Донбассе воспринимали Большую землю. Ту, что присылала гумпомощь и медикаменты, а иногда — и «восточный ветер», помогавший отражать яростные атаки бандеровцев. Та, куда уезжали в безопасность семьи, дети, престарелые родители. Та, которая, после семи с половиной долгих лет ужаса, которому, казалось, не будет ни конца, ни краю, пришла всполохами взрывов в тылах украинских бандформирований, ракетами, уни-

чтожающими секретные бункеры новоявленного вермахта с вольготно чувствующими себя под многометровым слоем бетона украинскими и натовскими генералами, авиацией, которая вымела с неба нацистских крылатых выродков, а главное — тысячами, десятками тысяч братьев — русских, чеченцев, бурятов, белорусов, казахов, евреев и украинцев, чтобы наступить крепким берцем на горло фашистской гадине.

И пусть в глубоком тылу отдельные отщепенцы могли бы посмеяться над пафосом подобных мыслей — но война быстро отсеивает ложное и наносное — и из-под завалов бытовых мыслей появляется нечто великое — вера, любовь к Родине, человечность, наконец. Поэтому война, идущая на Украине справедливая для Донбасса. Потому все слова, произносимые с мировых трибун об «агрессии России» — ложь, наглый обман.

Только агрессор расстреливает мирное население ради пропагандистского ролика и сжигает деревню, чтобы скрыть следы преступления. Только агрессор сажает людей в концлагеря за принадлежность к определенной культуре или нации и прикрывается мирными жителями, как щитом. И дело тут вовсе не в Донбассе — Надежда была просто уверена, что когда Освободительная

армия дойдет до Киева, Винницы или Львова, то таким живым щитом для бандитов из ВСУ будут киевляне, винничане и львовяне. Потому что у тварей нет «своих». Тварь всегда думает только о собственной шкуре и если любит кого-то, то только саму себя.

Тоже мне, защитники.

А ещё Надежда подумала, что, несмотря на то, что она узнала, что ее сын находится на самых жарких участках фронта, она почему-то стала меньше за него волноваться. Не от безразличия — материнское сердце, полное любовью, конечно, болело, потому что любовь — это всегда тревога за дорогого человека.

Исчез страх неизвестности, а на его месте воцарилось странное спокойствие. Вновь бросив быстрый взгляд на икону «Всех скорбящих радости», Надежда машинально прошептала «Богородице, Дево…», отложила письмо сына — и вернулась к работе.

Но, разложив немногочисленную оставшуюся корреспонденцию — три письма, два уведомления о почтовом переводе, который можно было пока получить только в Забойске, и какая-то квитанция о приеме платежа и отгрузке товара — Екатерина что-то заказала в России, но что

— в квитанции не было указано, Надежда вновь задумалась.

Письмо сына… это ведь тоже письмо солдата. И ему, получается, тоже место в экспозиции их будущего музея. Конечно, это письмо **её** сына, но ведь и другие письма тоже от **чьих-то** сыновей, мужей, братьев, друзей, сослуживцев…

Если их можно выставлять в музее, то справедливо будет выставить там и письмо её сына. «Значит, надо снять копию и с него», — решила Надежда.

Тем временем прибежал Вовка, по виду весьма довольный:

— Дочитал я про Столетнюю войну. Где там ко… книги?

— Вот же, на столе лежат, — ответила Надежда, дивясь Вовкиной невнимательности.

— Давай я и письма разнесу за тебя? — предложил Вовка. — А ты отдохни пока.

— Спасибо, — кивнула Надежда. — Кстати, Виталька письмо написал. Тебе привет передает, папа ему про твое решение пойти в артиллеристы рассказал, он очень одобряет. Можешь сам почитать, возьми письмо, только не потеряй.

— С чего бы я его терял? — пожал плечами Вовка, и Надежда, неожиданно для себя, про-

должила:

— Я хочу снять с него копию для нашего музея.

— Здорово, — сказал Вовка, — Витальке понравится.

— Почему ты так решил? — удивилась Надежда.

— Мы, когда в Донецке с ним в музей Победы ходили, он у витрины с солдатскими письмами остановился, — ответил Вовка. — И говорит: «Круто, люди писали письма, думая, что они — простые люди, а оказалось, что они — герои, и письма их — музейная реликвия». А теперь и письмо моего брата будет музейной реликвией. Выходит, наш Виталька тоже герой!

— Герой, герой, — улыбнулась Надежда. — А ты до этого сомневался, что ли?

Глава 19. Письмо жене

После обеда привычный гул канонады на западе стал нарастать.

Война живет своей жизнью, и в этой жизни не бывает спокойных минут. Даже если на каком-то участке фронта позиционное затишье, все равно арта обеих сторон изредка постреливает, что вызывает ответный огонь. Такой он голос войны — то с одного, то с другого направления доносится гулкий кашель выстрелов, а затем — более мощное бухание разрывов, ответная стрельба, ответные далёкие разрывы.

А когда затишье заканчивается, опять-таки первой говорит арта. И ее деловитый бас звучит без перерыва, хотя и ослабевает несколько, когда войска сталкиваются в атаке. Стрельба стрелкового оружия не слышна на таком большом расстоянии, она кажется далеким шорохом сминаемого металла, морским прибоем, перекатывающим гальку, хотя самого моря и не видно.

До стрельбы ещё не дошло, а вот арта определённо заговорила другим языком — языком удара или контрудара. И то и другое означало, что будут раненые. Надежда перезвонила Вовке и узнала,

что тот разнес почту. Точнее, почти разнес — сейчас он был у Екатерины, вручил ей квитанцию и разговаривал как раз об усиливающейся стрельбе на горизонте.

Катя взяла трубку у Вовки:

— Слышишь, что творится? — спросила она, не поздоровавшись. — Бандеры, похоже, решили до моря через нас идти.

— Как решили, так и отрешатся, — ответила Надежда. — Наши им сейчас всыплют, это тебе не четырнадцатый.

— Так я за наших и не боюсь, — ответила Катя. — Я про то говорю, что раненые пойдут. Думаю, съезжу я в госпиталь.

— Я тоже об этом думала, — согласилась Надежда. — Но Гришку муж в Забойск отправил, за перевязочными. Не думаю…

Неожиданно зазвонил стационарный телефон, удивив этим Надежду — редко, когда бывало, чтобы стационарный и мобильный звонили одновременно.

— Подтягивайся к почте, — сказала Надежда. — Я сейчас закроюсь и вместе пойдем, лады?

— Хорошо, — ответила Катя и повестила трубку.

Звонил Владимир Григорьевич:

— Наденька, у нас проблемы, — сказал он с порога.

— Слышу, — ответила Надежда. — С запада такой гул идет — ясно же, что не гроза.

— Я не об этом, — сказал Владимир Григорьевич. — В общем, Виталька просил меня не говорить…

— Его ранили? — встревожилась Надежда, но потом вспомнила о письме. — Или ты про Вику?

— Про нее, — подтвердил муж. — Её надо сегодня встречать в Забойске, но у меня Гришка будет на эвакуации занят, сама понимаешь…

— Да уж… — согласилась Надежда. — Ну, придумаем что-нибудь.

— Ее фамилия Волошкина, — сообщил Владимир Григорьевич. — Волошкина Виктория Андреевна. Прибудет на рейсе из Донецка в восемнадцать часов.

— Через час, значит, — кивнула Надежда. — Хорошо, решим что-нибудь. Мы с Катей к тебе собираемся, поволонтерствовать. Может, еще кого наберем.

— Да мы справимся, — начал, было, Владимир Григорьевич, но Надежда Витальевна его перебила:

— Справитесь, но лишние руки вам все равно

не повредят.

С этим Владимир Григорьевич не мог не согласиться.

К тому моменту, как подошли Катя с Вовкой, у Надежды Витальевны уже возник определённый план:

— Вовка, ты на велике до Забойска за час доберешься? — спросила она.

— Да, — ответил сын. — А зачем? Я думал, мы в госпиталь помогать идём.

— Тебе надо встретить на автовокзале одну девушку, — сказала Надежда. — Ее зовут Виктория Волошкина, и она — невеста твоего брата…

— Ни фига себе, — присвистнул Вовка, — вот это новость, а я узнаю последним…

— Не свисти, денег не будет, — пожурила его мать. — Я сейчас попробую дозвониться до Ани, может, в Забойске ее можно пристроить где-нибудь…

— К Томочке в общежитие, — подсказал Вовка, почему-то краснея. Точнее, почему Вовка покраснел, Надежда догадалась и, мысленно улыбнувшись, добавила:

— Ты, если что, сам договориться сможешь?

— Конечно, — ответил Вовка. — Враз плюнуть.

— Оставайтесь там до завтра, — сказала Надеж-

да. — Завтра на утреннем рейсовом приедешь. Я все равно у папы в госпитале заночую.

Такое предложение не могло Вовку не обрадовать.

* * *

Отправляя сына в Забойск, Надежда преследовала две цели. Во-первых, она хотела, как и сказала, организовать встречу будущей невестке и где-то ее пристроить; во-вторых, Вовка оказывался дальше от треклятой «линии соприкосновения» и в случае прорыва нацистов угроза для него была меньше.

Их с Катей до госпиталя подбросила попутка — пазик из Русского Дола. Водитель только что привез из Забойска пассажиров и, заметив Надежду с Катей, решил их подвезти. Вместе с ними в госпиталь отправились еще три женщины, вернувшиеся с работы в Забойске, — фактически все пассажиры вечернего рейса.

В госпитале пока было тихо, но Гришкиной «буханки» и мотолыги во дворе не наблюдалось — значит, за ранеными уже поехали. Надежда, Катя и их спутницы расположились во дворе, чтобы сразу встречать раненых. Катя разговорилась с остальными — обсуждали Забойск, обстрелы

Донецка и Горловки, говорили о девочке Насте, которой в Никитовке оторвало ножки разрывом бандеровского снаряда — одна из женщин, работавших в Забойске, сдала кровь, потому что та была такой же группы, что и у пострадавшей.

Надежда тем временем достала из сумки одно из писем. Она решила воспользоваться затишьем, чтобы прочитать еще одно письмо. Кто знает — может быть, на Небесах есть какой-то свой порядок и от этих ее действий что-то зависит? Почерк был крупный, но неаккуратный, тем не менее, разборчивый:

«Дорогая моя Наташенька! Как же мне безумно хочется обнять тебя и закружить, пока это ещё можно! Но, даст Бог, получится – мне командир обещал увольнительную, когда я рассказал ему ту прекрасную новость, которую ты мне сообщила!

Боже, как я счастлив! Мы давно хотели ребенка, и вот, Бог услышал наши молитвы. Когда мы с тобой прощались, и ты сказала мне, что у тебя задержка, я почувствовал робкую надежду, но такое бывало и раньше и кончалось ничем. Те-

перь, когда УЗИ подтвердило то, что чудо произошло, я, наверно, самый счастливый из людей.

Кровиночка моя, я понимаю твои тревоги, но тебе не о чем беспокоиться. Мне здесь ничего не угрожает. Я не буду врать тебе о том, что служу писарем в штабе – ты бы мне всё равно не поверила, зная мою натуру. Я снайпер, я тебе об этом уже рассказывал. В качестве снайпера я был в Сирии по контракту. Там было тяжелее, чем здесь – непривычный климат, непривычный (хотя и удивительно красивый) ландшафт. Здесь моя работа очень важна – моё подразделение участвует в очистке городской застройки. Нацисты часто берут заложников, и я нужен для того, чтобы они как можно меньше пострадали.

Тебе не о чем беспокоиться – я действую издалека, из укрытий, и меня прикрывает всё мое отделение. Я успеваю уйти с позиции до того, как ее накроют, если вообще засекут. Снайперы у них никудышние, у меня, правда, было только две настоящие дуэли, но оба раза я сделал их стрелков,

что называется, в лёгкую.

Что касается всего остального – ты знаешь, что мой контракт закончится в декабре, как раз тогда, когда тебе надо будет рожать. Скорее всего, я переведусь в МВД, там тоже нужны люди моего профиля. Но я буду ближе к дому, ближе к тебе.

Я очень скучаю по тебе, скучаю по нашей крохотной квартирке на Нахимовском бульваре. Помнишь, когда мы туда въехали, у нас не было даже мебели, и мы спали на матраце, постеленном прямо на полу? Я скучаю по нашим прогулкам, по поездкам за город. Зато теперь мы все будем делать втроем – гулять, ездить везде или сидеть дома и смотреть на заснеженный двор…

Я понимаю твою тревогу за меня. Но и ты меня пойми. Мы будем жить, мы будем растить нашего сына или нашу дочь, и я хочу, чтобы они росли в безопасном мире. Если не остановить зло сегодня – завтра оно, как рак, пустит свои метастазы дальше. Сейчас все идет к нашей победе, но кто знает, что было бы, не

начни мы спецоперацию?

В одном из освобождённых нами городов, недалеко от места, где я сейчас нахожусь, мы нашли брошенную биолабораторию. Материалы из неё успели вывезти, но осталась вся документация, частично на английском, частично на украинском языке. Из неё мы узнали о некоем проекте „Фараон“. Это попытка скрестить ветряную оспу и оспу обезьян. Знаешь, зачем они это делали? Это ужасно, но они хотели получить смертельную болезнь, поражающую русских детей. Ну и украинских с белорусскими тоже, потому что генетически мы – один народ, это в тех же документах было написано.

Они целились в наших детей, в нашего сына, в нашу дочь. Кто знает, сколько таких лабораторий разбросано по Украине? Кто знает, чего они добились уже – а, главное, чего добьются в будущем?

Прости, не хотел пугать тебя этим. Не стоит бояться – во-первых, мы успешно вычищаем эту нечисть, и вычистим до основания. Во-вторых, наши врачи не хуже нас знают свое дело, что показала

предыдущая пандемия. Но если этих паразитов не остановить – последствия могут быть очень плохими.

Я здесь потому, что хотел бы защитить вас, ведь защита своей семьи, своей жены и детей – святая обязанность мужчины. И я обязательно вернусь к вам – живым и здоровым, потому что люблю вас, потому что хочу быть с вами.

У нас впереди долгие и счастливые годы, которые мы проведем вместе, теперь втроем, а дальше – кто знает? Вот об этом и надо думать, когда становится страшно. Ты пишешь, что раньше всегда могла дозвониться мне, а теперь не можешь, и это тебя пугает. Но суть в том, что здесь мобильный телефон – источник опасности, а снайпера внезапный звонок, даже в беззвучном режиме, может демаскировать. Попробую звонить тебе чаще. Думаю, командир пойдёт мне навстречу, зная наши с тобой обстоятельства.

Наташенька, я очень тебя люблю, и у нас обязательно всё будет хорошо. Прошу тебя, не волнуйся за меня. Тебе нельзя

волноваться, это может повредить нашему ребенку. Я тоже очень-очень за вас переживаю, но знаю, что о вас позаботятся. Алёна заходит к тебе как раньше? Я просил делать это раз в два-три дня, надеюсь, она не забила на мою просьбу.

Я так хочу обнять тебя, так хочу целовать тебя, твои нежные губы, щёки, твой носик, шейку, плечи, руки. Прости меня, если ты плачешь. Я тоже плачу, любимая. Мне грустно без тебя, но я обязательно вернусь, и мы будем вместе. Твой Геша».

Имя Геша вначале озадачило Надежду — непонятно было, от какого имени это сокращение. Нужный конверт она нашла по почерку, но вложить в конверт письмо не успела. Начали прибывать раненые.

* * *

— На передовой сейчас сущий ад, — заметил Гришка, пальцами своей единственной руки заламывая «козью ногу». — Укропы садят из чего попало, будто наши им в борщ наплевали.

Наша арта вся на контрбате[91] работает, и то не хватает, хотя обычно у наших всегда огневое преимущество. По ходу, укроп сюда стащил всё, что можно. Интересно, чем мы им не угодили? До границы далеко, до Мариуполя тоже…

Надежда стояла у «буханки» и ждала, пока девочки вытащат одного из «лежачих». Ей достался сидячий раненый — сильно контуженый, струйки крови текли из ушей, носа, уголков глаз. Парень, совсем молодой, был полностью дезориентирован, вероятно, у него была контузионная слепота.

— Митрохин, ты меня слышишь? — еле слышно повторял он. — Митрохин, я тебя не слышу! Вижу Д-30, две штуки, разворачиваются в боевое, азимут тридцать…

Позади раздалось урчание — подъезжала мотолыга. Мимо Надежды с раненым пронеслась Слава в компании одной из односельчанок Ясенецких, Маруси.

— Митрохин, мать твою, ты слышишь меня или нет? — повторял контуженный. — У вас перелет, прицел двенадцать, повторяю, двенадцать! Снизьте прицел, придурки!

---

[91] Примечания: 91
Контрбат (*воен. жарг.*) — контрбатарейная борьба.

— Посади его здесь пока, — велела Лиля Николаевна. — Света освободится, глянет его, по-моему — сильная контузия.

— Митрохин, прямо на меня вышли два танка! — закричал контуженный. — Похожи на семьдесят вторые, на башнях укропская символика, номера ноль шестьдесят два и ноль шестьдесят восемь. Стоят со включенными двигателями, чего-то ждут. Ты мои координаты видишь? Хорошо, вот и бей по ним. Бей по ним, я сказал! Они от меня в двухстах метрах всего, не промахнешься…

Надежда усадила воюющего раненого на стул, Лиля Николаевна сноровисто закатала ему рукав для укола, но Надежда уже выбегала во двор к мотолыге. Правда, в дверях ей пришлось пропустить Славу с Марусей, тащивших носилки с рыжим парнем. Слава почему-то была вся в слезах.

Надежде было не до выяснения обстоятельств, хотя на ее памяти Слава не отличалась такой сентиментальностью. Пропустив носилки, Надежда помчалась к мотолыге, откуда вынимали вторые носилки — лежачих раненых было двое, зато сидячих хватало. Собственно, сидячими Надежда и занималась обычно, поскольку для носилочных считалась слабовата.

Она хотела, было, помочь пожилому мужчине, по виду — офицеру, но тот строго гаркнул на неё:

— Куда! Не видите, вот этот парень еле сидит уже. У него сильнейшая контузия и пара осколочных в придачу. Его первого выводите.

Надежда почему-то тут же послушалась и помогла вылезти из машины невысокому парню в форме Народной милиции. В мотолыге среди раненых были и ополченцы, и контрактники. Парень сильно наваливался на Надежду, испачкав кровью белый халат, накинутый ей поверх своей одежды, и пару раз едва не упал — Надежда еле сумела его удержать. В сортировочной Лилия Николаевна тут же передала парня носилочным и отправила «к Нисонычу», Надежда поспешила к мотолыге. По дороге разминулась с Катей, Марусей и шмыгающей носом Славой — все они вели раненых. В мотолыге оставался только один — как раз тот офицер — обладатель командного голоса. Почему-то он показался Надежде знакомым.

— А у вас все неплохо налажено, как для полевого госпиталя, — сказал он, кое-как выбираясь из МТ-ЛБ[92]. — У меня раздроблены кости плюс-

---

[92] Примечания: 92

МТ-ЛБ — многоцелевой транспортер-тягач легкий бронированный.

ны на левой ноге, так что придётся прыгать на правой. Вам тяжело не будет?

— Не будет, — ответила Надежда. — А откуда вы про кость знаете. Вы что, врач?

Мужчина рассмеялся, скривившись при этом от боли:

— Знали бы вы, какой я врач! Некоторые даже «светилом» зовут в личной переписке.

Надежда едва не споткнулась:

— Виктор Васильевич? — Память на фамилии, имена и отчества у неё всегда была отменная. — Корешков?

— Не думал, что моя слава доползла до этих краёв, — ответил врач. — Но вы правы, я — Корешков Виктор Васильевич, доктор наук, профессор и прочая, и прочая. Занимаюсь челюстно-лицевой хирургией, офтальмологией… а, если не секрет, откуда вы меня знаете?

— Мне случайно попало ваше письмо, — сказала Надежда, чувствуя, как краснеет. — Распечатанное. Почтовую машину обстреляли, часть корреспонденции выпала из конвертов. Ваше письмо я запечатала и отправила по адресу, но, чтобы найти нужный конверт, мне пришлось его прочитать.

— Да ради бога, — махнул свободной рукой

профессор и опять скривился от боли. — Боюсь, кость предплечья я себе тоже сломал. Смешно — я прекрасно разбираюсь в челюстно-лицевой хирургии, в микрохирургии глаза, но ранили меня в руку и ногу.

— Простите, — сказала Надежда, когда Корешков перепрыгнул через порог сортировочной, — а, чисто гипотетически, вы бы не возражали, если бы копию вашего письма передали в музей?

— Не думаю, что какой-то музей заинтересуется моей перепиской, — вновь хохотнул Корешков, хотя было видно, что ему больно. — Но если такой появится — почему бы нет? У меня никогда не было аллергии на лавры, а в самом письме, как вы помните, нет ничего предосудительного… ба, кого я вижу! Лилия Николаевна, сколько лет, сколько зим!

* * *

Вернулась «буханка» Гришки с двумя лежачими. Надежда вышла во двор, ожидая, что за «буханкой» подтянется мотолыга, но курящий у своей машины Гришка ее разуверил:

— Арта шабаш, наши подавили, что могли. По нашим позициям, конечно, прилетело, сами видели, но могло быть и хуже. Сейчас укроп в атаку

пошел, наши с ними сцепились, но у нас пока передышка. На сборном стоит наша мотолыга, бэха[93] мотопехоты, санитарная, и «Козак» Кольки с Джулькой. Вот парочка, не ребята — огонь! Примчались, как только арта заработала, но получили осколок в колесо, пришлось менять. Колька прям под огнём поменял, я думал, шибанёт и его, но пронесло. А вообще — дрянь, а не броневик, на коммерческих скатах ездит, ну разве ж это дело?

Надежда мало что поняла из тирады Гришки. Спросила только:

— Раненые будут?

— Будут, конечно, — ответил тот. — Наши с укропами жестко схлестнулись, местами до рукопашной. Я нациков такими злыми разве что в Славянске видел, на четвертый штурм… чё им неймётся?

У Надежды зазвонил мобильник — удивительный факт, поскольку, обычно, во время боя РЭБ обеих сторон наглухо валила любую связь в округе. Она отошла в сторону и сняла трубку.

— Привет, мам! — сообщил ей Вовка. — Я встретил Вику, всё в порядке. Мы у Томы с Аней сейчас, чай пьем.

---

[93] Примечания: 93
Бэха (*воен. жарг.*) — бронетранспортер.

— Ночевать есть где? — спросила Надежда.

— Да тут и переночуем, — ответил Вовка. — У Томы с Аней в комнате две кровати свободные, раньше девочки жили из беженок, потом их на Большую землю к родственникам увезли.

— А девочки не против, что ты с ними в одной комнате переночуешь? — уточнила Надежда. Вовка замялся:

— Да нет, вроде… ну… Тома сама предложила, и Аня…

— А ты-то сразу согласился, — сказала Надежда с напускной строгостью. — Может, им неудобно тебя за двери выставить?

— Так что мне делать? — не понял Вовка.

— Спросить хотя бы, — ответила Надежда. — Ладно, разберешься, я думаю. Как тебе Вика?

— Она классная, — приглушенно сказал Вовка. — Но какая-то грустная и неразговорчивая очень.

— У нее родителей убили, — сказала Надежда. — Маму — прямо у неё на глазах. Так что ты поаккуратнее с ней. Вы хоть поели?

— Нет ещё, — ответил Вовка. — Аня с Томой в магазин пошли, будем яичницу с картошкой жарить. Картошка у них…

И связь оборвалась — похоже, проснулась РЭБ.

Надежда не особо волновалась, скорее, как раз то, что Вовка ей дозвонился, было чудом. Она спрятала мобильный в карман окровавленного халата — и внезапно увидела Славу.

Слава курила, хотя раньше Надежда ее с сигаретой не видела никогда. К тому же руки девушки дрожали, а глаза были красными, заплаканными. Надежда подошла к ней:

— Что случилось, Славушка? Тебе чем-то помочь?

Слава отрицательно покачала головой и промолчала, затягиваясь. Надежда уж, было, решила тактично отойти от девушки, когда та всё-таки ответила:

— Я вам рассказывала про контуженого парня? — Надежда рассеянно кивнула. — Да конечно же, рассказывала, Вы же мне ещё его письмо отдавали! Так вот, тот рыжий парень с первого рейса мотолыги — тот самый Виктор Орешкин. И он меня узнал. Успел сказать, что его зовут Вик, а потом отрубился. Владимир Григорьевич им занимается, и по всему видать — у Вика всё совсем плохо…

Часть 6. Самая длинная ночь

Глава 20. Неслучайные встречи продолжаются

Вечером к Марии зашла Слава — она как раз была на дежурстве. К вечеру настроение у Марии испортилось. Слишком много было событий за день. После разговора с дядей Гришей она вернулась к себе в палату, где её ждала Зоя с обедом. Поскольку пальцы Марии ещё не функционировали, её приходилось кормить с ложечки; но за время, пока девушка была в искусственной коме, у неё успели зажить другие раны, те, которыми занималась Мадина Баяновна, так что какой-то особой диеты ей не полагалось, есть можно было всё что угодно.

Мадина Баяновна пришла сразу после ухода Зои. Осмотрела швы на подбородке и шее, взглянула на зубы и дёсны и удовлетворённо сказала:

— А ты девочка крепкая. Мина взорвалась у тебя в руках, а тебе только два зуба пришлось удалить и челюсть на место вправить. Иншаллах, тебе попалась модификация без металлической оболочки, иначе ранения были бы более тяжёлыми.

— Жаль, — проворчала Мария. — Может быть, меня бы убило одним из осколков…

— Девочка, ты не знаешь, что говоришь, — сказала Мадина Баяновна. — В смерти нет ничего хорошего. Каждый человек делает мир чуть светлее, а ты очень светлая. Если такой свет погаснет — горе будет.

— Да кому я нужна. — Мария хотела фыркнуть, но вышел всхлип. — Мне Зоя сказала, что весь госпиталь меня любит — а почему? Потому что слышали, как я играю. Но теперь я больше не смогу играть. Бесполезная, неинтересная, да к тому же и безрукая…

— Разве человек хорош только тогда, когда здоров и чем-то полезен? — тихо спросила Мадина. — Ты сама разве так оцениваешь людей?

Она смотрела прямо в глаза Марии, и та почему-то не могла отвести глаз, хоть и хотела. Глаза Мадины Баяновны были чёрными, как безлунная осенняя ночь, даже непонятно, где заканчивался зрачок и начинался хрусталик.

Мария не знала, что ответить. Раньше она выступала в госпиталях. В тех самых госпиталях, где лечили тех, кого фашистский режим Зеленского оставил калеками. Она видела солдат без рук, без ног, без глаз, видела тех, кого пытали в

страшной Мариупольской «библиотеке» — люди оттуда выходили полностью искалеченными. Считала ли она их ущербными, бесполезными, неполноценными? Нет! Она жалела их и, играя, она хотела подарить им хоть немного утешения и радости. Именно то же сейчас делали для неё все окружающие — от Владимира Григорьевича до Инны, Славы и Зои. А у неё их попытки вызывали отторжение — почему?

Может быть, потому, что даже в сострадании мы часто лицемерим? Жалеем, сострадаем — но подо всем этим шевелится мерзкий червячок: слава богу, это не со мной такое произошло… а если со мной? Если это я лежу на койке, безрукий и беспомощный — что тогда? Я хуже? Я больше не нужен миру?

Но как же дядя Гриша без руки? Как же здешний волонтёр Дима — почти слепой, едва слышащий, но способный, кажется, отремонтировать что угодно, от выключателя до томографа? Как же не могущий петь отец Анатолий или сержант Грищенко без обеих ног? Они тоже бесполезны?

Нет, не то. Но внезапно Мария поняла — её боль, реальная, настоящая боль — очень малодушна по отношению к другим. Да, она потеряла многое — а они? У каждого здесь свои оторванные руки.

У кого-то погиб отец, у кого-то брат, кто-то всю семью потерял. Та женщина, сына которой спасла Мария, — они с мужем потеряли первого ребенка, но теперь у них ещё двое. И, конечно, о первой дочери душа будет болеть до самой смерти, и рана никогда не зарубцуется, но…

…но ведь она потеряла не только руки! Она потеряла дело, которому посвятила всю свою жизнь. С этим-то что делать? У отца Анатолия был Бог, которому он мог служить даже немым; дядя Гриша с одной рукой лихо водил армейского «Тигра». А она…

И вновь какая-то мысль пронеслась в голове Марии, но она не успела её уловить — Мадина Баяновна отвлекла её:

— Что задумалась, девочка? Это правильно. Один мудрец сказал, что человек — это бессмертный дух, оседлавший дикого зверя, и зверю нельзя давать над собой власть, иначе сожрёт. А зверь этот — наше животное начало. Страх полезен, он не даёт нам совершать безрассудства. Но нельзя уступать страху, понимаешь? И саможалением заниматься нельзя. От этого человек становится хуже. Я не Маргарита Львовна, объяснить не могу. Ты уж сама пойми, хорошо?

— Я попробую, — пообещала Мария, но сама она

не была уверена, что у неё что-то получится…

* * *

«Им легко рассуждать, — думала Мария, оставшись одна. — У них-то руки на месте…»

Но тут же вспоминала однорукого дядю Гришу и чувствовала, что краснеет. Конечно, дядя Гриша не умел играть на фортепиано так же, как она — ну и что? У каждого свой дар, а водить машину с одной рукой не менее сложно, чем играть на фортепиано… наверное.

И все равно что толку от всех этих мыслей? Хорошо, пусть все они правы, ладно. Но это не решает её проблемы! Мария чувствовала себя слабой и ненужной. Музыка не только была её жизнью, она была её силой. Той силой, в которой она черпала уверенность, когда потеряла маму и осталась одна на белом свете. В свои двадцать четыре года Мария ни разу не встречалась с молодыми людьми, хотя за ней ухаживали многие. Ей это казалось каким-то чересчур обыденным, она не тяготилась одиночеством, ведь у неё была её музыка!

Наверно, она даже не могла бы заснуть без музыки, если бы не таблетки, выписанные Маргаритой Львовной. Мария подозревала, что без этих

препаратов её состояние было бы ещё хуже. Приняв вечерние лекарства, Мария буквально через пять минут проваливалась в сон без сновидений. Раньше в её снах тоже жила музыка, но теперь исчезло и это. Не было ничего — каждое утро она словно выныривала из ставшего привычным тягучего мрака, некоторое время лежала без мыслей, пока не приходила дежурная медсестра с порцией лекарств. Только после этого Мария хотя бы немного собиралась, кое-как, с помощью всё той же сестрички, приводила себя в порядок, равнодушно завтракала… Потом был врачебный обход — Сергей Нисонович или Владимир Григорьевич осматривали её каждый день, каждый день приходила Маргарита Львовна (у неё пациентов было немного, потому она проводила с Марией больше времени), иногда заглядывала Мадина Баяновна или Светлана Андреевна.

А потом Мария была предоставлена самой себе. Первые дни она лежала в глубокой депрессии, но с визита батюшки что-то изменилось. К тому же её не оставляли одну подолгу — медсёстры, санитарки и девочки-волонтёры заходили к ней постоянно и иногда просиживали у неё подолгу, болтая ни о чём. Зоя сдержала обещание и читала ей письма, приходившие в госпиталь. Дядя Гри-

ша как-то забежал на минутку. Мария в то время опять была в депрессии и злилась — в основном на себя, хотя что именно ее злило она сказать не могла. Начали чесаться швы, их обрабатывали какой-то жидкостью, снимавшей чесотку. Пальцы на правой руке потихоньку начинали слушаться, так что Мария при желании могла кому-нибудь показать фигу, если бы хотела, но такого желания у неё не возникало, да и двигались пальцы с трудом.

Мария лежала и думала, сможет ли она сыграть этими пальцами хоть что-нибудь. Музыка внутри так и не зазвучала. Иногда Мария включала принесённый кем-то из девочек приёмник — в него вставлялась флэшка с коллекцией поп-музыки. Некоторые композиции Марии даже понравились; особенно она «запала» (если можно так выразиться в её случае) на творчество одной франкоязычной певицы. Мария достаточно знала французский, чтобы оценить депрессивные тексты певицы, хорошо отвечавшие её собственным печальным мыслям.

— Ну как, дочка, унываешь? — спросил дядя Гриша с неуместным весельем. — Прости, что не забегаю — дел по горло. На фронте пока затишье, наши бьют врага в других краях, под Харьковом

сейчас заруб. А еще этот придурок Зеленский решил распустить хвост перед своими хозяевами, чтоб деньжат подбросили на кокаин, и начал «контрнаступление» под Херсоном. Конечно, получил полную панамку, на Украине все госпиталя переполнены, возят раненых чуть ли не в Ужгород, а он всё гонит и гонит своих солдат на убой…

— Чтоб он сдох, — сказала Маша, удивляясь своей злости. Хотя чего тут удивляться? Именно Зеленский со своей бандой виновны в том, что с ней случилось. Именно эти выродки рода человеческого отдали приказ рассеивать «лепестки» по городам Донбасса. Мины, которые предназначены были, чтобы останавливать вражескую пехоту, взрывались на детских площадках и парках, убивая женщин, детей, стариков…

— Не могу с тобой не согласиться, — признался дядя Гриша. — Я сам человек не злой, но этого укурка самолично бы пропустил через мясорубку. Эх… не будем о грустном. Смотри, я тебе книжечку принёс. Новенькая — сам я её ещё не читал, но автора знаю. Он даже к нам в госпиталь заезжал, свой мужик.

— Спасибо, — равнодушно сказала Мария. Читать ей не хотелось. — А о чём книга?

— Понятия не имею, — пожал плечами дядя Гриша. Точнее, пожал одним плечом, другое так и осталось неподвижным — с той стороны, где рука была ампутирована. — Я в Забойск ездил, там и прикупил. Тебе привет передавали — Тамара и девочки из общежития. Ты Тамару помнишь?

Мария неуверенно кивнула.

— Она встречается с Вовкой — сыном Григорича, прикинь? — сказал дядя Гриша. — Парень не промах, поступает в военное училище, офицером хочет быть. А у девочки судьба трудная — мама погибла, отец без вести пропал, но держится она молодцом. Клуб этот организовала, в Интернете чего-то там разрабатывает…

«Зачем он мне это рассказывает? — думала Мария. — Зачем все мне рассказывают о каких-то незнакомых людях, об их трагедиях? Мне что, должно стать легче от того, что кому-то тоже плохо? Или я должна „брать пример“ с тех, кто справился со своими проблемами? Но у них ведь совсем другие проблемы! У каждого человека — своё горе…»

— Ты о чём задумалась, дочка? — спросил дядя Гриша, кладя книгу на столик рядом с приёмником. — Ладно, можешь не отвечать. Вижу, ты музыку слушаешь? — Мария нехотя кивнула. —

Классику?

— Попсу, — призналась Мария равнодушно.

— Нашу или импортную? — уточнил дядя Гриша.

— Зарубежную, — ответила Мария. — У нас слушать нечего.

— Это точно, — кивнул дядя Гриша. — Я хоть и старый, как чучело мамонта в краеведческом музее, и то меня от этих рож в телевизоре аж трясёт. Хотя когда мне телевизор смотреть? Я как тот Фигаро — то здесь, то там, то на передке, то в глубоком тылу… даже в Новый год катался — упыри фашистские в новогоднюю ночь обстрел устроили от Луганска до берега — мы ж тогда ещё не наступали. А теперь эти гады европейские всё талдычат: «неспровоцированное нападение России на Украину»… аж зло берет! Как будто мы не люди! Как будто жизни наши стоят медный грош… ай, ладно, как всегда — начал за здравие, закончил за упокой… Тамара тебе какой-то сюрприз готовит, не знаю, правда, какой, но она с самим Владимиром Григорьевичем по этому поводу консультировалась.

— Небось протез подыскивает, — догадалась Мария. — Только напрасно всё это. Нет такого протеза, который может заменить мне мои ру-

ки. Придётся смириться и искать новый смысл жизни.

Дядя Гриша задумчиво посмотрел на Марию, но промолчал.

— Вы не думайте, — неожиданно для себя сказала Мария, — что я тут только и делаю, что унываю. Думаю, вы меня понимаете лучше других, вы сами через это прошли. Не могу я просто так взять и принять то, что чёртова мина разнесла мою жизнь в клочья…

Иногда я лежу и думаю — а тот урод, что наводил на цель пушку, из которой выпущен снаряд с минами, одна из которых разорвалась у меня в руках, — он нормально спит? Или он не понимал, что стреляет по мирным кварталам, по женщинам и детям? Или для него мы не люди? Что он чувствует и чувствует ли хоть что-то?

— Смотря кто, — задумчиво сказал дядя Гриша. — Там ведь многие тоже на дуло ложатся, совесть заживо жрёт. А другие в синьку с наркотой прячутся. Или крышей едут. У нас тут в госпитале есть один…

— Укроп? — удивилась Мария.

— Не совсем, — ответил дядя Гриша. — Там история куда интереснее, по свободе как-нибудь расскажу, если сама раньше не узнаешь. Так он

сам себе амнезию нарисовал, чтобы не помнить, что натворил, когда на Украину работал…

Марию это заинтересовало.

— Жаль, что нельзя забыть о том, что у тебя нет рук, — сказала она.

— Да уж, — дядя Гриша прищурился, глядя на Марию. — Знаешь, у того мужика, чью книгу я тебе притаранил, есть ещё один роман… ну, то есть романов этих у него, как блох на барбоске, тридцать лет уже пишет как-никак. Но этот — особенный. Там мужик, оказавшись на мели, стал продавать свои воспоминания и превратился в чудовище. Вот ты бы хотела забыть свою музыку? Не помнить, как ты играла?

— Нет, — моментально ответила Мария. — Не хочу. Да, я больше не смогу играть, так пусть хоть память останется…

— То-то и оно, — кивнул дядя Гриша. — Но ведь боль тоже уйдёт — вместе с воспоминаниями?

Теперь Мария задумалась. Да, память о том, как её пальцы порхали, как птицы, над клавишами фортепиано, причиняла боль. Страшную боль утери, пожалуй, самого важного, но…

Забери у неё эту боль — и что останется? Нет уж, забывать она не хочет. Жить памятью о той свободе, которую ей дарил танец пальцев на

клавишах рояля, может быть, тяжело. Но жить без этого — совсем невыносимо.

— Когда нет дороги назад, надо двигаться вперед, — ответил её мыслям дядя Гриша. — Теперь тебе нужно только выбрать направление. А мы будем тебе помогать, если хочешь. Так как?

Мария молчала. Потом неуверенно кивнула и робко улыбнулась:

— Как будто, если я откажусь, вы не станете мне помогать. Нет, я уже поняла, что в покое вы меня все не оставите. И, если уж на то пошло, мне было бы намного хуже без этой вашей помощи. Спасибо вам.

— Не за что, доченька, — ответил дядя Гриша. — Это нормально. Как в песне поётся: ведь человеку трудно одному, когда враги сожгли его родную хату…

* * *

К концу недели Мария стала больше ходить, без какой-то цели. Теперь она не дожидалась, пока Маргарита Львовна придёт к ней в палату, и сама приходила в её «кабинет». Пользуясь затишьем на фронте, в госпитале затеяли ремонт — вместо временных перегородок появились капитальные стены, заменили окна и двери, поставили кон-

дицонеры, установки для кварцевания и тому подобное. Работы шли параллельно с лечебным процессом, и Мария то и дело натыкалась на работающих строителей и солдат, помогающих им.

Швы чесались, несмотря на обработку, и это раздражало, но и отвлекало от тяжелых мыслей о будущем. Как ни пыталась Мария найти себя в будущем или, точнее, найти какое-то будущее для себя — ничего не получалось. Как ни пыталась возродить музыку в себе — она не звучала. Внутри ее души царила гробовая тишина, и это было самым пугающим. Не помогала даже «музыка извне», которую девушка слушала из своего приемника.

Зоя, как и обещала, стала заходить к ней, когда у неё было вечернее/ночное дежурство, чтобы читать письма, приходящие в госпиталь. Письма Марию немного успокаивали.

— Ты заметила, что солдаты очень мало пишут о войне? — спросила она у Зои.

— Конечно, — ответила та. — Войну никто не любит, кроме, может быть, дельцов, торгующих оружием и, может быть, каких-нибудь заокеанских генералов и политиканов. Больше всего солдату хочется оказаться дома, где спокойно. Заняться привычными делами. Учитель мечта-

ет войти в класс к своим ученикам, строитель — уложить ряд кирпичей, садовник — убрать урожай…

— А музыкант — сыграть новую сонату, — печально улыбнулась Мария.

— Эту сонату кто-то должен написать, — тихо сказала Зоя. — Ты знаешь, что твою «Саур-Могилу» будет играть Донецкий симфонический оркестр?

— Как? — удивилась Мария. — Мне никто об этом не говорил!

— Это должно было быть сюрпризом, — покраснела Зоя. — Надежда Витальевна договорилась, когда приезжали награждать вертолётчиков.

В тот день Марии тоже передали награду — орден за спасение жизни ребёнка. Награждали двух пилотов Ми-24, попавших в госпиталь накануне. Их вертолёт нанёс удар по позициям нацистских РСЗО «Ураган», досаждавших горловскому «Стиролу». На обратном пути вертолёт перехватили украинские пэвэошники — по нему выпустили дюжину ракет из ПЗРК, попали три. В принципе, вероятность того, что экипаж «мишки» выживет, была очень низкой, но Ми-24 не зря называют «летающим танком» — экипаж посадил израненную машину в тылу врага. Бандеровцы тут же

бросили к ней батальон теробороны, но наши сработали на опережение — пара «Аллигаторов» в компании Ми-8 помчалась на выручку. Пока боевые вертолёты утюжили тербатовцев, Ми-8 забрал экипаж — и сразу забросил его в госпиталь Владимира Григорьевича, приземлившись на новенькой бетонной площадке. Это спасло ребятам жизнь — у них были сильные ожоги, но команда Григорича, как водится, справилась.

— Но ведь это всего лишь кантата для фортепиано! — возмутилась Мария. — Я думала сделать из неё симфонию, но…

— Так сделай, — сказала ей Зоя. — Выступление планируют только ко Дню народного единства, время пока есть. За полтора месяца управишься?

— Ты не понимаешь, — сказала Мария грустно. — Когда я писала «Саур-Могилу», я слышала эту музыку внутри себя, но теперь там только пустота, словно вместе с руками у меня оторвали способность творить…

— Я думаю, проблема тут не в руках, — тихо сказала Зоя. — Это что-то в твоей голове. Уверена, это можно исправить.

Она поёрзала на табуретке и сказала:

— Ладно, не будем о грустном. Давай, я тебе лучше почитаю?

— Давай, — согласилась Мария, и Зоя начала читать:

«Милая моя бабушка! Очень рад был услышать, что ты жива-здорова. Ты знаешь, как это для меня важно – ты одна у меня осталась на всём белом свете.

Никогда себе не прощу, что не вывез семью до того, как нацисты захватили город. Родители числятся пропавшими без вести, но, вероятно, они погибли, поскольку брат Витя погиб, и это точно. Расстреляли его нацики, есть даже видео с этим расстрелом. Родителей на видео нет, но вряд ли у них другая судьба.

Я бью врага так крепко, как могу. Бандеровцы зовут наши вертолёты „Чёрной смертью“, как фашисты в годы войны называли наш штурмовик „Ил-2“. Ненавидят они нас, как чёрт ладана, в меня недавно три стингера всадили, но ничего. Вертолёт в хлам, а я цел. Пока в госпитале, но, скорее, для порядка. Не терпится поскорее вернуться в строй, чтобы продолжать косить этот укроп, который хуже борщевика…

Одного не могу понять… мы же с этими уродами выросли в одной стране. Ходили в одну и ту же школу, читали одни и те же книги, смотрели одни и те же фильмы. Мы вместе праздновали День Победы и чтили ветеранов войны, мы одинаково ненавидели фашистов. Как же так вышло, что теперь фашисты – они?

В чём были перед ними виноваты мои родители, мой брат? В том, что, когда те скакали на Майдане, они работали? Работали, чтобы эта пена сытно ела и сладко спала? За что они нас убивают?

Но знаешь, бабушка, мне уже всё равно. Я решил для себя – пусть они заплатят. И сделаю всё, чтобы они расплатились сполна!

Береги себя, родная. Пока приехать не могу, много дел на передке. Рад, что ты ни в чём не нуждаешься, что пенсию платят, что нет проблем с едой и лекарствами. Но, если что, сразу пиши. Помогу.

Ну, с Богом. Продолжаю бить фашистов – как это странно звучит в XXI веке! Твой внук Алёша»…

* * *

На следующее утро Мария, неожиданно даже для себя, пошла в церковь. Правда, церковью это помещение назвать было сложно — просто одна из комнат палатного корпуса, где когда-то, наверно, был актовый зал (о чём свидетельствовало то самое пианино, на котором Мария так и не сыграла, стоявшее у дальней стены). Вместе с тем в помещении был новенький, резной алтарь и множество икон — и старых, и новых, и больших с тяжелыми, жестяными окладами, и напечатанных на простой бумаге. Мария отстояла службу, думала даже исповедаться, но не решилась.

Ей неожиданно понравился хор, хотя он и был любительским. Трое мужчин, среди которых один на костылях, а второй — с чёрной повязкой на глазу и рыжей бородой — он напоминал Марии пирата; пять женщин, в том числе Екатерина, волонтёр госпиталя, — остальные тоже были волонтерами, а один из мужчин — санитаром. Казалось, что хор собран, что называется, с бору по сосенке, но пел он так красиво, будто восемь ангелов спустились в госпиталь, чтобы освятить службу.

После отпуста Мария задержалась — она сама

не могла сказать зачем. Однако отец Анатолий заприметил её и подошёл к ней:

— Очень рад вас видеть! Вижу, вам стало получше?

— Физически — да, — ответила Мария. — Хотя за это надо благодарить тех, кто меня оперировал. Они сделали всё, что могли… отец Анатолий, я, наверно, плохой человек…

— Плохих людей не бывает, — ответил батюшка, — бывают несчастные и озлобленные.

— А Зеленский? — спросила Мария. — Он же настоящее чудовище!

— Он несчастный, а потому злой, — ответил отец Анатолий. — Беда в том, что ему невозможно помочь. Мы-то думаем, что несчастными могут быть только те, у кого чего-то нет, денег или здоровья, например; но куда несчастнее те, кто живёт в достатке…

— Почему? — удивилась Мария.

— Потому что они не чувствуют своего счастья, — пояснил отец Анатолий. — Им всего мало — денег, ощущений… Ради всего этого, ради этой мишуры Зеленский пошёл на страшные вещи, а чтобы совесть не грызла — закидывается наркотой в лошадиных дозах. Приди к нему сам Христос — не откроет, запрётся пуще прежнего.

— Почему? — спросила Мария.

— Потому что такие, как он, боятся, что кто-то увидит тот срам, что они скрывают, — ответил батюшка. — Прячутся от Бога, как Адам в раю. А от Бога не спрячешься. Найдёт и спросит. И тогда точно не помилует.

Они помолчали. Потом священник спросил:

— Почему вы считаете себя плохим человеком, Мария?

— Я должна быть благодарна врачам, — сказала та. — Они спасли мне жизнь. Они сделали настоящее чудо. То, что они не смогли спасти мои руки, — не их вина. Но я не чувствую благодарности. Я ропщу. Я унываю. Я даже хочу смерти. Вы говорили о богатстве. Моим богатством была моя музыка…

— Вам кажется, что вы потеряли свой талант? — спросил отец Анатолий. — Мария, талант можно зарыть в землю, как глупый слуга из притчи, но потерять его нельзя. Могу вам сказать абсолютно точно — ваш талант уже пошёл в рост, и вскоре вы об этом узнаете.

— Вы о том, что мою кантату сыграет Донецкий симфонический? — спросила Мария.

— Что, правда? — удивился священник. — Ну, вот видите! Я об этом не знал и говорил в общем,

а Бог немедленно доказал мои слова. Мария, я скажу, возможно, неприятную вещь, но вы послушайте. Если бы Христос не был распят, он никого бы не спас. Может быть, вы со своими руками прожили бы счастливую жизнь, добились бы успеха — но потом были бы забыты, как множество других. Но вы пострадали, и эти страдания только укрепят вас. Вы обязательно найдёте для себя новый путь. Не знаю как, но найдёте. А ропот, отсутствие благодарности — это вполне объяснимо в вашем случае. Если вы видите это, старайтесь это искоренить, вот и всё.

Мария не понимала, что с ней происходит. На её глаза навернулись слёзы, но это не были горькие слёзы боли и обиды — со слезами пришло облегчение…

— А у меня для вас подарок, кстати, — сказал отец Анатолий, достав откуда-то небольшую иконку. На иконе был рукописный образ Богородицы — «Троеручица». Мария знала легенду об этом образе — написавшему его иконописцу богоборцы отрубили кисть, чтобы тот не писал больше икон. Но святой молился перед последним завершённым им образом и, наутро, отрубленная кисть приросла.

— Боюсь, у меня слишком мало веры, чтобы со

мной случилось такое же чудо, как с тем, кто написал эту икону, — сказала она, забирая образок.

Отец Анатолий улыбнулся:

— Того, кто написал этот образ, зовут так же, как меня. Ему сорок пять лет, он женат и счастлив в браке. Как он сам говорит, жена буквально носит его на руках.

Видите ли, брат Анатолий родился в очень неблагополучной семье, и у него нет ни рук, ни ног. От рождения нет, почти как у знаменитого Вуича.

— Как же он пишет иконы? — изумилась Мария.

— Зажимает кисточку зубами и пишет, — ответил отец Анатолий. — Для настоящего таланта, Мария, нет никаких преград. Хотите, я исповедую и причащу вас? Надеюсь, это вернёт вам силу духа.

Глава 21. Звонок мамы

Эта ночь стала самой длинной ночью в жизни Надежды. Но тогда она еще не знала этого, да и не задумывалась ни о чём таком — не до того было. Во-первых, снова начали прибывать раненые. Правда, вместе с ними прибывали и хорошие известия. Атака нацистов захлебнулась.

— На что они рассчитывали? — рассказывал Надежде словоохотливый парень — контрактник, коренастый и рябой. Парень был контужен и получил несколько осколочных, но, судя по всему, не тяжёлых. Он был в ясном сознании, но контузия всё-таки давала о себе знать — болтал парнишка без умолку. — Мы и так, и так выбили бы их. Нас бросили на подкрепление, но мы прибыли уже под завязку, нацики бежали, прикрывая отход минометами, чёрт бы их побрал…

Картина боя, со слов парня, вырисовывалась такая. После довольно мощной артподготовки, точнее, еще до ее конца, нацисты пошли в атаку, стремясь застать наших бойцов врасплох, в укрытиях. Но действия нашей артиллерии не только сорвали вражескую огневую поддержку, но и уничтожили выделенные бандеровцам

средства усиления, в числе которых было два польских танка «Тварды» и несколько Т-72. Без артиллерии и танков, даже обладая численным превосходством, нацисты ничего не сумели добиться — союзные силы, две российские батальонные тактические группы, отряд чеченских добровольцев и спешно переброшенные силы Народной милиции ДНР, с лёгкостью отбили атаку и перешли в контрнаступление, по итогу (со слов другого раненого) заняв позиции противника. Сейчас бандеровцы бежали, но у наших было недостаточно сил для преследования — вдогонку выдвинулся только чеченский отряд, остальные войска, закрепившись на отвоёванных у бандеровцев позициях, отдыхали, поддерживая преследующих нацистов чеченцев стрелково-пулеметным огнём.

— Как-то хило для серьёзного прорыва, — заметил слышавший все это Корешков. — В итоге, получается, они потеряли кучу техники, пару сотен бойцов — и совсем ничегошеньки не добились. Тогда зачем было начинать?

Корешков с Лилией Николаевной развернули в сортировочной фактически пятое операционное место. Остальные четыре также работали с полной нагрузкой: Владимир Григорьевич опери-

ровал Виктора Орешкина — у него было серьезное ранение в ноги, правая до колена представляла собой кусок мяса с дроблённой костью, нафаршированного осколками. Сергей Нисонович занимался тяжелейшим полостным ранением в живот, Светлана Андреевна одновременно оперировала двоих, в том числе того контуженого, что вызвал огонь на себя, даже Мадина Бояновна была занята, спасая челюсть одного из бойцов. А Виктор Васильевич, наскоро наложив с помощью Лилии Николаевны шины на ногу и руку, помогал легкораненым в сортировке и руководил сестрами, занимающимися перевязкой и санобработкой. Глядя на него, Надежда пыталась представить себе его молодым пограничником, отбивающим атаки душманов — и не могла.

Вообще, было очень странно, что трое из ее корреспондентов оказались в их госпитале; с другой стороны — почтовая машина, письма из которой оказались в руках Надежды, была с их участка фронта, так что, может, и не странно, а логично — ведь все эти люди были на передовой, рядом с ними. И всё-таки Надежду не покидало ощущение, что ей суждено встретиться с каждым из тех, чьи письма она прочитала. Она даже жалела, что у неё осталось ещё три непрочитанных письма,

но сейчас, конечно же, было не до них. Раненых было много, но, к счастью, серьезных ранений почти не было.

Когда весь санитарный транспорт отбыл на передовую, за новыми ранеными, Надежда присела на стул рядом с теми ранеными, которые еще не успели получить помощь, поскольку их раны сочли лёгкими. Медсестры подходили к ним, обрабатывали раны и перевязывали, а после обработки волонтеры — Катя, Маруся и другие, в том числе Джулия, сменившая свою одежду на форму ДНР и тельняшку, которые ей удивительно шли, отводили их в палаты. Эти палаты находились в бывшем гаражном помещении, довольно просторном; в них со всей округи свезли кровати, а Дима Озеров сделал еще несколько деревянных лежанок, так что мест для раненых в эвакогоспитале хватало. Но, конечно, до настоящего стационара условия в ведомстве Владимира Григорьевича не дотягивали, ну так ведь это был всего лишь эвакогоспиталь, откуда раненых предполагалось отправлять в тыл.

Рядом с Надеждой оказался тот самый паренёк-контрактник. Ему сделали укол, и он немного поутих, а возбужденное состояние сменилось депрессивным.

— Ой, боюсь, не вернусь я теперь на фронт, — бормотал он. — Как братуху моего, Илюшку Поповича. Ну, того хоть в шею снайпер приложил, а я? Только ведь поцарапало! Западло мне в тылу отсиживаться, когда корешки мои на фронте. Здесь курить-то можно?

— Нет, — ответила Надежда, — могу отвести на крыльцо, если вы можете ходить.

— Можно на ты, — сказал парень, вставая. — Я же вам в дети гожусь. Меня зовут Алексей, но можно Лёха, хотя по-украински это «свинья». А мне пофиг, если честно.

Надежда помогла ему дойти до крыльца. Там Лёха, присев на колоду, которая заменяла собой скамейку, достал из кармана мятую пачку болгарских сигарет:

— Трофейные, — похвастался он. — Мы нацистскую ДРГ накрыли в брошенном доме, двоих уложили, третий сдался. А в багаже обнаружили курево — затрофеили, не пропадать же добру. Я из штурмовой группы, типа батальонная разведка, мы без дев скучаем редко. Ну и трофеев у нас всегда много — волка ноги кормят…

Надежду осенила догадка:

— ДРГ вы с полустанка выбили? Потом еще на их позиции сидели?

Лёха даже дымом подавился:

— А откуда вы знаете?

«Четвертый», — подумала Надежда, но решила проверить:

— Командира вашего Скворцов зовут, он молодой лейтенант, только из учебки.

— Молодой, да головастый, — подтвердил Лёха. — Другого бы нам не прислали. Ну. И мы с Поповичем сразу над ним шефство взяли. Вот я и боюсь — Илью комиссовали, меня комиссуют, а кто Скворца уму-разуму научит? Зять? Босой?

— На днях нацики обстреляли почтовую машину, — сказала Надежда. — Некоторые письма оказались без конвертов, включая твоё. Они попали ко мне, твоё я уже запечатала и отправила адресату.

— Спасибо вам огромное! — сказал Лёха, вполне искренне. — А то я думаю — чешете мою биографию, ровно, простите, цыганка какая.

— А как бы вы отнеслись, — спросила Надежда, — если бы ваше письмо оказалось в музее? В смысле копия с него, конечно.

— Да разве ж моя писанина подойдёт для музея? — отмахнулся Лёха. — Да и кто я такой, Олег Кошевой, что ли? Обыкновенный русский солдат, каких у нас в России миллионы…

— Знаете, Лёха, — сказала Надежда, — кому в России больше всего памятников? Не Ленину, а вам. Вам и таким, как вы, обыкновенным русским солдатам. Обыкновенный русский солдат не пустил фашистов в Москву и Ленинград, размял их стальным катком под Сталинградом и Курском и гнал до самого Берлина. А сегодня обыкновенный русский солдат освобождает Лисичанск и Мариуполь, Северодонецк и Соледар. Мой старший сын — такой же солдат, как вы, а младший трижды сбегал в ополчение, а теперь хочет стать офицером.

Но дело не в этом, а в том, что во всех войнах побеждает он — обыкновенный русский солдат. И именно он достоин — вы достойны! — памятников, экспозиций музеев, именно в честь вас надо называть улицы и корабли. Нет в мире большего героя, чем обыкновенный русский солдат!

Лёха задумчиво затянулся, хотя от сигареты уже почти ничего не осталось:

— Красиво сказано, но и правильно, не поспоришь. Ну, пусть будет, за спиной не носить. Наоборот, круто — закончится война, поведу девочку в ваш музей и покажу — а вот это письмо видишь? Это я его своему братухе Поповичу написал. Глядишь, девочка на меня другими глазами

посмотрит, и буду я для неё не рябой Лёха-Оселок, а типа герой войны… только, знаете, — продолжил он, краснея, — замажьте чем-то, где я писал про то, как наш летёха на двор бегал после лечо. А то вдруг он свою девочку в тот музей приведёт — неудобно получится. Он же командир хороший, Скворец наш, даром что молодой…

* * *

Поговорив с Лёхой-Оселком, Надежда вернулась к своим обязанностям волонтёра. Тем временем подъехала мотолыга с порцией сидячих — тяжелых, к счастью, не было. Надежде достался рыжий чеченский парень, раненый в руку.

— Не надо меня провожать, матушка, — сказал он. — Сам дойду, рука не нога, да и рана ерунда. Я бы на неё вообще плюнул, но командир сказал — надо в госпиталь, пришлось слушаться.

Надежда тем не менее провела парня до сортировочной, усадила на стул и велела ждать. Потом отвела ещё одного контуженного, худощавого, темноволосого контрактника, похожего на демона с картины Врубеля.

Потом они с Марусей принесли воды для девушек-волонтёров, смывающих кровь; потом

Надежда принесла со склада еще перевязочных материалов; потом помогла накладывать шину одному из раненых…

Когда напряжение спало, и Надежда вышла на свежий воздух, внезапно раздался звонок мобильника. Удивлённая, Надежда сняла трубку, даже не взглянув на номер звонившего.

— Привет, доченька, — донеслось из трубки, и в груди защемило — звонила мать Надежды. Софию Петровну ещё в начале конфликта удалось переправить к старшей сестре Надежды, Вере, в Астрахань. Младшая сестра, Люба, тоже звала её к себе, но жила далеко, во Владивостоке, к тому же замужем была за военным моряком, и там возникали проблемы с регистрацией. Да и сам перелёт до Владивостока неизвестно как София Петровна перенесла бы — к сожалению, старость приходит к нам не одна, она приносит неприятный букет болячек, и мама Надежды не была исключением.

— Привет, мамочка, — с теплотой сказала Надежда, но радость тут же сменилась тревогой; она созванивалась с мамой в начале прошлой недели, а сама София Петровна звонила редко, зная, какие в Русском Доле проблемы со связью. — Что-то случилось? Ты здорова?

— Здорова, милая, насколько может быть

здоров пожилой человек, — ответила София Петровна. — Нет, у нас, слава богу, всё в порядке. Верочка, Максим, дети — все здоровы. Мы с Верочкой вчера в церковь ходили, в магазин… Как у вас-то дела?

— У нас тоже все в порядке, — ответила Надежда, чувствуя, как пощипывают уголки глаз. Они с мамой давно не виделись, и Надежда очень боялась, что может больше не увидеть ее вовсе, хотя теперь и появилась надежда, что война скоро закончится и они, наконец-то, встретятся. — Все живы-здоровы, Вовка школу закончил, поступать в военное училище собирается.

— А сейчас он где? — спросила София Петровна.

— В Забойске, в общежитии, — машинально ответила Надежда.

София Петровна встревожилась:

— Вас что, опять обстреливают?

— Нет-нет, мамочка, — быстро ответила Надежда. — Тут вот какое дело — Виталику недавно дали лейтенанта…

— Дед бы им гордился, — в голосе Софии Петровны тоже послышалась гордость, — если бы дожил.

— А еще — он встретил девушку, круглую

сироту. И отправил ее к нам… — Надежда остановилась, думая, как говорить дальше, чтобы маму еще больше не растревожить. — А рейсовый из Донецка задержался, и наша развозка уже уехала. Вот они и заночевали в Забойске, у Вовки там есть знакомая, у неё в общежитии компьютерный клуб…

— Тоже сирота, наверное? — спросила София Петровна. — Ты не думай, я за вашими делами слежу. В Забойске в общежитии сироты и беженцы… эх… сколько людей эта треклятая Украина оставила вдовами да сиротами. А как там старший Володя?

— На работе, — ответила Надежда без задней мысли.

— Значит, всё-таки стреляют, — резюмировала мать. — Так ты дома одна, выходит?

— Да нет, — ответила Надежда максимально нейтральным тоном. — Я у него в госпитале, помогаю понемногу.

— Значит, сильно стреляют, — вздохнула София Петровна, — ни дна им, ни покрышки.

— Стреляют, — решила не лукавить Надежда. — Сегодня нацисты пытались на прорыв пойти, но наши им вломили. Непонятно, чего они добивались — может, разве что войска, на

Артёмовск и Соледар наступающие, замедлить хотели. В любом случае, не получилось — теперь драпают бандеры, куда глаза глядят. Но раненые есть. А знаешь, мне тут попало в руки несколько вскрытых солдатских писем, и мы с Катей — помнишь Катю-то?

— Ещё б не помнить, я с её теткой, тоже Катей, в школу ходила, — вздохнула София Петровна. — Тётка-то её померла за год до Майдана, чтоб им там всем пусто было… не видела всего этого, слава богу. Она потом пед закончила, учительницей была в Торезе. Учила детей русскому и украинскому языку, литературе… а пела-то как хорошо! И украинские народные, и русские, и казачьи… А Катя-то до сих пор завклубом?

— Да, — ответила Надежда. — И клуб у нас работает, библиотека при нём есть, кино возят из Донецка. Всё Катиными трудами. А теперь мы хотим музей солдатских писем там устроить.

— Дело хорошее, — согласилась София Петровна. — Правильное дело. Как прогоним бандеровцев, народ в наши края вернётся. И детки будут, и школы заработают. Будут в ваш музей экскурсии водить.

— Знаешь, что меня беспокоит? — спросила Надежда. — Я вот письма прочитала, а потом

их авторов к Володе в госпиталь привезли. Уже четверых. Странно это…

— У твоей бабушки в войну так же было, — сказала София Петровна. — Ну, не так, конечно, а по-другому. Она чувствительная очень была, чуть что — в слёзы. А в войну в госпиталях работала — сначала в Сталино, в Ворошиловграде, потом в Сталинграде, в Курске, потом опять у нас. И вот ещё в сорок первом кто-то заметил — ежели она у койки какого-то бойца расплачется — тот выкарабкается, даже если ему полголовы снесло или газовая гангрена по всем конечностям. И руки, и ноги спасала — уже на ампутацию кого-то назначат, а если она поплакала — без ампутации обойдётся. Её так и звали — плачущий ангел.

— Ты не рассказывала, — сказала Надежда, — а я всё удивлялась, почему у неё на могиле ангел из гипса, в советское время не принято же было…

— Так вы с Верочкой меня не спрашивали, — ответила София Петровна. — Только Любушка поинтересовалась. Так что, может, бабушки твоей талант тебе передался. Вот и читай солдатские письма, глядишь — чью-то жизнь спасёшь. Может, конечно, это всё и суеверия, но… знаешь, как говорят — человек предполагает, а Бог располагает.

* * *

Они тепло попрощались, как обычно, и Надежда заверила маму, что, как только всё закончится, они обязательно встретятся. Здесь, на Донбассе, все верили в скорую победу наших над нацистами — в конце концов, после восьми тягуче-долгих лет нескончаемого кошмара, наконец-то, бандеровским бандитам вломили по первое число. Да, нацисты огрызались. Да, участились обстрелы Донецка, Горловки, других населённых пунктов. Да, гибли люди и, что особенно страшно, гибли дети. Настю Гончаренко, у которой снарядом оторвало ножки и о страшной судьбе которой Надежда слышала в машине Гришки, так и не спасли, девочка умерла на операционном столе, хотя врачи сделали всё, что могли…

Но такие случаи, вопреки надеждам укровояк, вызывали у людей не страх, а праведный гнев. Что бы там ни твердила украинская дешёвая пропаганда — на Донбассе никого не надо было гнать силком в призывные пункты. Трусы и малодушные давно уехали, в республиках остались только сильные духом.

Шахтеры добывали уголь, сталевары плавили сталь, комбайнеры собирали пшеницу, несмотря

на обстрелы и бомбёжки. А потом — из забоя, из цеха, из-за руля комбайна, уходили в Народную милицию, а их место занимали коллеги, вернувшиеся с фронта. Этот молчаливый круговорот продолжался уже восемь лет, но теперь рядом с дончанами сражались солдаты со всей большой России. И если раньше вера в победу добра над злом, победу дончан над нацистскими оккупантами была сродни вере в Бога, которого не видели, но в которого верят, то теперь эта вера встала на прочный, надёжный, железобетонный фундамент спецоперации. Россия пришла, а, как сказал император Александр, где один раз был поднят русский флаг, он больше опускаться не должен.

Глядя на неправдоподобно звёздное небо над головой, Надежда думала о том, что значит быть русским. Ведь русский — это не национальность, русским может быть кто угодно — украинец, белорус, чеченец, татарин, еврей, мордвин, бурят, якут, эвенк — человек любой нации, любой расы, религии и культуры. Русский — это исторический феномен, это своя, отдельная цивилизация.

Кто же такой русский? Это человек с душой, открытой миру. Для него нет чужой боли, нет чужой беды. Русский на генетическом уровне знает, что такое беда — слишком часто наш народ

бывал в самых страшных обстоятельствах — и интуитивно понимает, как это — встречать беду одному. Поэтому любой несчастный, угнетаемый, преследуемый человек вызывает у русского сочувствие и желание помочь. И, наоборот, любой негодяй, считающий, что он вправе решать судьбы других, вызывает у русского праведный гнев.

Русские люди очень чувствительны к обману. Они, конечно, могут «повестись» на сладкую ложь, в силу того, что, изначально, относятся к другим с доверием. В восприятии русского всякий человек хорош, пока не докажет обратное. Но ложь русские воспринимают сразу же или, по крайней мере, довольно быстро.

Их можно увлечь какой-то идеей, если делать упор на справедливость, но придёт время и русские поймут, что правда, что ложь. Это, кстати, второе и важное отличие русского человека. Русская душа — не однодневка, она не живет сегодняшним днём. Она устремлена в будущее, и ей, как воздух, необходим смысл жизни. Но смысл этот — в ней самой, в её отношении к миру. Римский кардинал Карло Вигано — человек, далёкий от России, назвал нашу страну катехоном — удерживающим, силой, которая мешает приходу зла в наш мир.

Но разве это не так? Разве не Русь — Россия — СССР всегда вставали на пути злых сил и в пух и прах разбивали их на поле боя? Не мы ли остановили орды Батыя, не мы ли разрушили экспансионистскую польско-литовскую Империю, не мы ли очистили Европу от Наполеона и Гитлера? Мы. Именно потому, что русские не приемлют лжи, зла и насилия. И даже власть большевиков и красный террор были, в некотором роде, самопожертвованием, русской Голгофой. Как учёный вводит себе самому токсин, чтобы испытать на себе новую вакцину, так Россия ввела себе отраву левых идей, чтобы (выделив из неё все полезное) показать миру их опасность. Будь на месте России другая развитая держава — весь мир лежал бы в руинах.

Но русские никогда не занимались завоеванием, угнетением, колониальной эксплуатацией. Когда с нами хотят дружить — мы приходим и помогаенм — строим заводы, поставляем продукты голодающим и лекарства больным, возводим школы и больницы. Когда какой-то народ хочет присоединиться к нам — мы не превращаем их в рабов, не загоняем в резервации, даже не ломаем об колено их национальную самобытность. Поэтому самое узнаваемое лицо спецоперации,

Рамзан Кадыров — чеченец; глава Вооруженных сил Сергей Шойгу — тувинец, представитель народа, добровольно присоединившегося к России только в тысяча девятьсот сорок четвертом году, а патриарх Кирилл — мордвин-эрзя.

Потому Донбасс знал и верил, что Россия их не оставит, но и враги России знали это. Они попытались превратить Донбасс в смертельную ловушку для России, но не вышло. Невозможно посадить на цепь ураган и невозможно остановить русского, когда он видит несправедливость, видит, как обижают слабого. Враги России не понимают, что такое праведный гнев — может быть, потому, что им самим не доступны чувства такой силы — ни настоящая любовь, способная раздать себя до ниточки, ни настоящая ярость, которую может вызвать только несправедливость.

И теперь далеко за океаном, в центрах принятия решений, дрожа от страха, как иудина осина, сильные мира сего не знали, что делать с этой стихией. Лишь самые глупые из них еще бредили о какой-то победе над Россией — умные же мечтали только о том, чтобы хоть как-то выйти из этой ситуации, не растеряв до конца своё траченое молью влияние.

Но проще остановить ведром смерч, чем унять

русских, на глазах у которых творили зло. Посеявшие ветер пожали не просто бурю — русский ураган уже невидимо мчался по ранее благополучным странам, ввергая их в хаос и смуту. Но все это было далеко, а здесь, на Донбассе, под этим невероятно прекрасным звездным небом, глубоким, как русская душа, простые русские солдаты просто уничтожали нацистов — как их деды восемьдесят лет назад. Простые русские медики просто оказывали помощь раненым, а простые почтальоны, заведующие клубом, продавщицы и доярки просто помогали им, как волонтёры.

Добро — это всегда очень просто, и эта простота — залог будущей победы.

Глава 22. Письмо дочери

Надежда даже не заметила, как рядом с ней на крыльце оказалась Слава с сигаретой. Славу Надежда воспринимала, как ребенка, в ее глазах она была задорным подростком, искренним в своих чувствах, умеющим поднять настроение всем одним своим присутствием.

В ту ночь Слава незаметно изменилась — как будто повзрослела. Ее лицо приобрело новое выражение — задумчивое и печальное. Надежда понимала причину этих перемен, но не стала заговаривать первой, ждала, пока Слава начнёт сама.

— Небо сегодня такое звёздное… — сказала девушка, выпуская дым из лёгких. — И раненых вроде много, а со всеми быстро разобрались. — и Слава тяжко вздохнула.

Тогда Надежда всё-таки решила спросить:

— Как… твой?

Слава даже не переспросила, о чём идёт речь, из чего Надежда заключила, что она действительно воспринимает Вика как своего. Кого? Парня, молодого человека, возлюбленного? Не важно. Бывает любовь с первого взгляда, любовь без слов

и, у них с Виком, к счастью, взаимная.

— Эх… — вздохнула Слава, — Владимир Григорьевич сделал всё, что мог, и даже больше. Вику же ногу буквально в мясо превратило, все кости в дробь, но Владимир Григорьевич у вас гений. Собрал по частям всё, что удалось, а другой бы просто ампутировал, чтобы не возиться. Владимир Григорьевич сам думал ступню ампутировать — там уже не ступня была, ошмётки, но, в конце концов, и ее восстановил, насколько можно.

Конечно, это уже не нога, но и не культя после ампутации. Лучше такая, чем никакой, правда?

— Главное, что парень жив, — ответила Надежда. — Ты знаешь, я читала его письмо, он настоящий мужчина. Выкарабкается, найдет себе место. Не волнуйся…

— Знаете, я уже даже не волнуюсь, — ответила Слава. — Я готова, что надо будет тянуть его, пока он будет выкарабкиваться. Тянуть и психологически, может, и физически. Но я сильная, я справлюсь.

— Вы оба сильные, — ответила Надежда. Слава ещё раз затянулась и, заметив взгляд Надежды, в котором, вероятно, была укоризна, добавила:

— Вы на сигареты не смотрите, так-то я вооб-

ще не курю. Просто эта ночь… я же сама в меде училась, до третьего курса, я могу понять, что к чему. Вик сегодня между жизнью и смертью по тоненькой ниточке прошёл…

— Держись, милая, — посоветовала Надежда Витальевна, обняв Славу. Та прижалась к ней, как к родной матери. — Как ты думаешь, сегодня ещё будут раненые?

— Не знаю, — ответила девушка. — Ребята говорят, на передке всё закончилось, погнали наши бандер… не будет, наверно.

Они помолчали, стоя в обнимку, затем Слава добавила:

— Я волнуюсь за Григория Васильевича. Мотолыга, понятно, на передовой останется, а он уже должен был вернуться. Он обычно быстрее всех добирается, чего он там медлит?

— Гришка — тёртый калач, — ответила Надежда. — Настоящий казак. Пойдём внутрь, вдруг наша помощь понадобится.

* * *

Слава вернулась к своим сестринским обязанностям — Лилия Николаевна, которая всегда оказывалась в курсе всего, даже если ей никто ничего не рассказывал, предложила девушке

отдохнуть, но та отказалась, сказав, что работа поможет ей отвлечься от тяжёлых мыслей. А Надежде работы не нашлось, и она отправилась в кабинет мужа, всё ещё занятого на операциях, чтобы прочитать очередное письмо.

Почерк был крупным, неаккуратным — было видно, что мужчина редко писал от руки. Но написано было разборчиво, и Надежда углубилась в чтение:

Здравствуй, доченька, здравствуй, милая! Я так рад, что я тебя нашёл, что ты у меня есть!

Прости меня, что я не нашёл тебя раньше, прости, что даже не искал – я думал, что вы с мамой погибли. Что я ещё мог думать, видя, как снаряды украинского штурмовика разносят наш дом? Изверги, они ведь должны были понимать, что в этой шестиквартирной двухэтажке нет и не может быть никаких военных объектов!

Было утро, я возвращался со смены… если честно, тогда я ещё не думал о том, чтобы пойти в ополчение. Как и многие, я был далёк от политики. Ну да, чтобы

понять, что такое политика, нам, тугодумам, надо с ней нос к носу столкнуться. Политика – это когда дом, где живёт твоя семья, расстреливает реактивными снарядами штурмовик страны, чей паспорт ты носишь в кармане… я порвал этот грёбаный паспорт и выбросил в урну, так и ходил без документов, пока паспорт России не дали.

Я плачу, когда пишу это. Знала бы ты, сколько раз я видел во снах то проклятое утро! Жестокая память заставляет нас вновь и вновь переживать самые ужасные минуты своей жизни. Я застыл, как соляной столб, если бы не застыл – может, погиб бы вместе с вами… вместе с Мариной, то есть ты-то, как оказалось, не погибла. Что я должен был думать? Я видел, как дом рушится, заваливаясь внутрь, поднимая клубы пыли и дыма, как над руинами вздымается пламя… Никто не мог выжить.

Как я понимаю, мама выбросила тебя из окна в самую последнюю минуту. Ты этого не помнишь, тебе было шесть месяцев от роду. Жаль, что Марина сама

не успела выпрыгнуть. Жаль… блин, человеческие слова, на самом деле, очень слабые, они не описывают в полной мере наши чувства. Не просто жаль – жаль до одурения. Я её люблю. Люблю до сего дня и думаю буду любить до самой смерти. Это страшно – любить пустоту, любить холмик на кладбище. Любить то, что было. То, что… ты не смог предотвратить. Иногда я думаю – Господи, ну почему эта сволочь не прилетела через пятнадцать минут? Почему я не успел дойти до дома, почему не был с вами в эту минуту? Может, я бы спас и тебя, и Марину. Или погиб вместе с ней. И то, и другое было бы лучше.

Я запомнил номер этого гребущего штурмовика, но без толку – его в тот же день сбили наши. Сбили из простой ЗУ-23[94], не помогла ему встроенная броня – разнесли в мясо, в труху… упал он на украинских позициях, точнее, прямо на свои войска – нацики тогда наступали, так что самолёт по ним славно

[94] Примечания: 94

ЗУ-23 — буксируемая 23-мм спаренная пушка, распространённое полевое зенитное орудие непосредственного прикрытия.

отработал, пятеро двухсотых. Лётчика хоронили в закрытом гробу, думаю, от него мало что осталось.

Сама понимаешь, я узнавал об этом очень подробно. Мне даже жаль было, что так получилось. Я хотел сам найти этого фашиста и располосовать его заживо. За тебя и за маму. Судьба распорядилась иначе… Бог судил иначе.

Знаешь, я не верил в Бога, очень долго не верил. Блин, я не верил в него буквально до того момента, когда получил от тебя письмо и твою фотографию. Как ты похожа на свою маму! А глаза у тебя – как у твоей бабушки, моей мамы. Васильковые… у меня не такие, у меня серые, я тебе потом тоже фото пришлю, сейчас пока нет подходящей. У нас тут многие поверили, но есть и такие, как я – разуверившиеся. Трудно верить в того, кто позволяет таким тварям жить и творить зло. Хотя не Бог в этом виноват, люди виноваты. Потом прислали нам в часть попа. Батюшкой его назвать не могу, он молодой совсем. Ходит на двух протезах, но больше на коляске катает-

ся. Тоже ополченец, сапер. Наткнулся на противопехотную, закрыл собой остальных, ноги посекло так, что пришлось ампутировать по середину бедра обе. В таком состоянии сдохнуть хочется, а он живет, и сам жизни радуется, и других ободряет. Долго я с ним не заговаривал, он хотел, а я его сторонился. У меня в части погоняло «Хмурый», я с тех пор, как вас с мамой потерял… блин, всё не привыкну, что ты жива… так вот, я с тех пор один раз улыбнулся, один раз! – под Изварино, когда наша «Зверобоечка»[95] срубила башню последнего бандеровского танка, и та, отлетая, накрыла пазик с драпающими нациками. Сорок человек в мясо, причём башней от своего же танка! Вот такие у меня поводы для веселья…

А недавеча мы с попом (Славик его зовут, не знал, что у попов такие имена бывают, я-то думал, они все Трифоны да Пафнутии) разговорились. Он шёл мне на-

---

[95] Примечания: 95

«Зверобоечка» (от «Зверобой») — прозвище противотанковой пушки БС-3. «Зверобоем» пушку стали называть еще в 1944 году, поскольку орудие прекрасно справлялось с фашистскими танками, носившими звериные прозвища: «Тигр», «Пантера», САУ «Элефант», «Насхорн» и др.

встречу, мы разминулись, слышу – сзади звук, будто упало что. Гляжу – а это поп наш поскользнулся, подвернулась нога у него. Ну, на протезах ходить тяжело, хотя он и справляется неплохо. Со стороны непонятно даже, что нет ног у него. Правда, долго ходить он всё равно не может, тяжело, наверно. Ну, я говорил уже.

Я ему помог подняться, он, как оправдываясь, говорит: голова закружилась. Ну да, у него же, кроме оторванных ног, еще и контузия тяжелая. Меня самого два или три раза тряхнуло, и то… я мужик крепкий, как кусок камня, а все равно – голова болит и зубы посыпались, три уже выдрать пришлось. Довёл его до «лавочек» – наши в части курилку сделали из палетов и ящиков патронных. Я его на такой ящик усадил, сам тоже сел, решил перекурить. У него разрешения не спрашивал, хотя, наверно, надо было. А там и разговорились, и знаешь – слово за слово, я всё и рассказал ему – как на духу…

Падлюга я, на самом деле. Тебе тоже расскажу, а там уж сама суди обо мне, как хочешь. Одно скажу – я свою подлю-

честь слезами и кровью не раз отмыл уже. И если Бог мне даст второй шанс – никогда больше такой гнидой не буду. Все бумерангом возвращается; что мы заслужили, то мы и получаем. Жизнь такая, не бывает по-другому, милая. Когда твоя мама была тобой беременна, мне показалось, что она стала от меня отдаляться. А ещё эта нервная обстановка – в Киеве Майдан, неизвестно, чем всё закончится… закончилось плохо – отставка Януковича, Турчинов, избиения наших по всей стране, «поезда дружбы» с вооруженными нацистами, Одесская Хатынь, армия, выдвигающаяся к Донецку и Луганску, первые бои под Славянском…

Я начал пить. Сейчас я уже давно не пью – после того, как я увидел, как штурмовик разнёс наш дом – как отрезало. Свести счёты с жизнью хотел, может, и свёл бы – ополчение спасло. Друзья позвали, я и решил – всё равно умирать, так хоть не зря. Шесть лет искал смерти, сам вызывался, если нужно было сделать что-то опасное – мне, дескать, один чёрт помирать, конченный я человек… потом отпустило. А

пить бросил.

А тогда я иногда после смены брал мелкую, по дороге выпивал – и домой приходил навеселе. Когда ты родилась, я даже понял, что сам себе всё нафантазировал, по поводу твоей мамы. Даже ещё сильнее ее любить начал – но поезд уже шёл по наклонной и выпутаться из силков алкоголя я не мог. Потребовалась ужасная трагедия, чтобы я смог освободиться…

Наверно, прав наш поп Славик, и Бог всегда всё вовремя дает. Да, я же не закончил про наш разговор, хотя это и не разговор был – скорее, исповедь. Рассказал я ему всё, как на духу – про сомнения мои, про водку эту проклятую… Он меня отчитал – знаешь, вроде, строго, но я какое-то облегчение от этого получил. Утешение, понимаешь. С одной стороны, я понял – да, виноват. Сам стал могильщиком своего счастья. С другой – не я ведь сидел за штурвалом той «сушки»! Нацисты убили твою маму и, как я думал, тебя. Даже если бы я наизнанку вывернулся – как бы я смог это предотвратить?

И смерть моя – что она изменит?

Воскресить мне никого не удастся, просто одним человеком на Земле станет меньше. Человеком, который много хорошего ещё может сделать. В котором, возможно, кто-то прямо сейчас нуждается – это мне поп Славик так сказал. А я только отмахнулся – кому я, дескать, нужен…

И кто оказался прав? Недели не прошло с того разговора, как я получаю от тебя письмо! Господи! Как хорошо, что я не погиб, как хотел! Да, маму я заменить тебе не смогу, и лучше, конечно, если бы она выжила, а я погиб бы. Но Бог иначе рассудил, и, наверно, Ему виднее…

Милая, родная, я разучился быть ласковым за эти восемь лет, да и раньше умел плохо, наверно, но, видит Бог, я постараюсь, ото всей души постараюсь вернуть тебе всю нежность, всю ласку, на которую способен. Мне так жаль, что семь лет ты провела в детском доме, хоть ты и пишешь, что тебя там любят, что о тебе заботятся. Милая моя, я буду заботиться о тебе лучше их, кровиночка моя!

Прости меня. Прости, что не был с тобой эти годы. Прости, что не рассказывал на ночь сказки, не покупал мороженное, не дарил игрушки, не водил в парк на прогулку. Я исправлю всё это – как только вернусь. Меня, наверно, скоро демобилизуют – переведут в тыл, буду учить молодых на КМБ[96]. У меня шесть ранений, нет двух пальцев на руке и плохо слышит ухо после контузии. Мне давно предлагали демобилизацию – а я отказывался. Куда мне идти? Правительство Республики выделило мне квартиру взамен утерянной, но я даже не забрал документы – зачем мне возвращаться в пустую квартиру? Мой дом погиб от удара украинских воздушных шакалов, и там, под его руинами, осталась моя душа – думал я. Но я был неправ. Моя душа жива! Она всё это время ждала меня в детском доме, она рисовала картинки, которые ты прислала мне в письме – где мы гуляем вместе в парке у озера. Говорят, что дети чувствуют то, что взрослые не замечают. Наверно,

[96] Примечания: 96

КМБ — курс молодого бойца, ускоренный курс подготовки солдата к службе.

ты знала, что я жив. Ты же пишешь, что ждала меня, хотя и не знала, кто я. А ты всё точно угадала, милая, я даже на себя похож на твоих рисунках – не я придумал, так ребята говорят.

У нас будет квартирка в Донецке, мы будем жить там вдвоем. Я буду работать на коксохиме, меня туда зовёт один из бывших однополчан. Я куплю тебе велосипед и заведу собаку – все, как ты мечтала, всё, как ты рисовала на своих рисунках, милая…

Мне очень не хватает твоей мамы. Поп Слава, правда, говорит – мол, раз Бог вернул мне дочь, может, и жену вернёт. Я ему чуть не вдарил за это, хоть и очень уважаю – на Марину выписано свидетельство о смерти, я сам видел… на тебя, правда, его тоже выписали, но ведь не могли же они ошибиться дважды? Или могли? Я очень хочу в это верить, и очень ***боюсь*** *в это верить, милая. Таких чудес не бывает, говорю я попу Славе, а он мне отвечает – да! Не бывает – потому, что мы – маловеры! И я сам, говорит, маловер. Был когда-то такой святой Иоанн*

Дамаскин, иконы рисовал. Ему за это руку отрубили – какому-то византийскому императору иконы не нравились, он их жечь велел, а иконописцам руки отрубал, иногда и головы… так вот, этот Иоанн молился перед последней, как он думал, нарисованной им иконой, молился, да и заснул, а наутро глядит – а рука-то его на место приросла!

Поп Славик говорит: будь у меня настоящая вера – у меня и ноги бы отросли назад. Но все мы – маловеры, не можем по-настоящему поверить в чудо. Вот и не бывает чудес, а те, что бывают, встречаются редко. Но, говорит поп Славик, на Донбассе сейчас в этом плане получше – и иконы мироточат, и люди по молитвам находятся, от болезней исцеляются, и святые новые встают – невинных мучеников у нас действительно полстраны…

Хранит Донбасс Пресвятая Богородица! Потому не победить нас нацистам. Только верить надо, молиться и верить. Вот я попробовал поверить – и ты нашлась. Давай попробуем верить в то, что мама вернется к нам? Мне в этом нужна твоя

помощь, сам я не справлюсь. Ты же верила, семь лет верила, что я найдусь…

Я ещё почему пишу тебе это. Ты мне в письме написала, что твои воспитатели твои рисунки называют «необычными». Вот я и подумал… на одном твоем рисунке нарисована женщина под капельницей и мы с тобой рядом. Спасибо, что прислала мне все свои рисунки на флэшке, я на них могу часами смотреть. Жаль не всегда время на это есть. Может… милая, напиши мне, пожалуйста, кто эта женщина? У неё волосы, как у твоей мамы, какими я их запомнил.

Знаешь, если Марина тоже жива… это, правда, чудо, но после того, как ты нашлась, я ничему больше не удивлюсь. Если Марина жива – я всю свою жизнь отдам Богу и вам с ней. Я и так это сделаю – для тебя и Бога, который тебя мне вернул. Но мне так хочется верить…

Когда Славика к нам только прислали, ну, точнее, через какое-то время, конечно, была Пасха. Служба проходила в палатке, переоборудованной под часовню. Я, понятное дело, не пошёл тогда, вызвался в

караул. Сменяли меня в три. Сдав пост, я отправился на боковую, и как раз мимо этой часовни. Думаю – чего тихо так, народу-то в палатку набилось – половина нашей роты, больше сотни человек. Прислушался и слышу, как Славик читает что-то. Так-то он говорит тихо, да ещё и чуть шепелявит, зубы-то у него тоже посыпались, после такой-то контузии – а тут… голос сильный, как у прокурора, но только тон другой – не осуждающий, торжественный:

«Смерть, где твоё жало?

Ад, где твоя победа?

Воскресе Христос, и ты низвергнут.

Воскресе Христос, и пали демоны.

Воскресе Христос, и радуются Ангелы.

Воскресе Христос, и жизнь жительствует.

Воскресе Христос, и мертвых нет во гробах.

Христос бо, востав от мертвых, Начаток усопших бысть.

Тому слава и держава во веки веков. Аминь».

Я остановился, папиросы достал, подкурил и думаю: ну да, мёртвых нет в гробах – да вон они, в поле валяются, на нейтральной полосе. Бандеровские, вестимо, – своих мы достаём и хороним, а нацикам на своих… до своих нет дела. Задело меня это слово. Злость даже взяла. Думаю – как так, мёртвых во гробе нет? А жена моя? А дочь?

Потом я у Славика прямо об этом спросил. А он говорит – неверно я всё понимаю. До Христа, дескать, все шли в ад, а теперь, после Его смерти, праведники отдыхают, чтобы потом взойти к Богу, а грешники – ради суда и ада. Мне это всё не понятно было, спорить я начал – но поп Славик ни с кем никогда не спорит. Сам, – говорит, – увидишь, что правы эти слова. Сам убедишься. И горе твоё в радость обратится…

За это я ему тоже готов был в морду дать, и сан его меня бы не остановил, да как ударишь калеку? Плюнул и ушёл. А

через неделю – твоё письмо приходит…

Ты понимаешь? Ведь он прав оказался! Я-то думал, что ты… не хочу и говорить, что я думал, правда. А ты-то не мертва оказалась, жива ты, не в гробу, не в могиле. Где же, смерть, твоё жало? Где, Украина, твоя победа? Восемь лет эта страна убивает наших женщин и детей – а теперь сама бьётся в агонии. Воскрес Христос – и падают с неба сбитые бандеровские самолёты, воскрес Христос – и горят бандеровские танки, воскрес, воистину воскрес! – и ты вернулась ко мне, радость моя, родная моя, кровиночка моя!

…Ты, наверно, и половины не поймёшь из того, что я здесь написал. Тебе всего-то восемь лет, столько же, сколько этой проклятой войне. Не зря мы с мамой тебя Надей назвали. Война закончится, а ты будешь жить. Я поведу тебя на последний звонок в школу, я буду плакать на твоей свадьбе, буду читать сказки твоим детям – то, что я не сделал для тебя, я сделаю для них. Я верю, что так и будет. С нами Бог, милая. Тот Бог, в которого я

верю. Тот Бог, что вернул мне тебя.

Я скоро приеду к тебе, скоро я тебя обниму, родная. Я не хочу тебя больше никуда отпускать. Заберу тебя из детдома так быстро, как только смогу. Квартиру нам дадут, я узнавал. В ней, правда, поначалу не будет ничего, но не страшно. Всё будет. Всё, что нам надо, всё, что тебе захочется. Я люблю тебя, Наденька, я всегда тебя любил.

Дождись меня, пожалуйста. Нарисуй для меня ещё что-нибудь. Как мы встретимся, например. Я так жду эту встречу, если бы ты только знала, как я её жду!

Обнимаю тебя, крепко и нежно. Люблю тебя, сильно-сильно. До скорой встречи, кровиночка моя. Твой папа Миша.

* * *

Надежда смахнула с глаз непрошенную слезу. Машинально она огляделась в поисках иконы и, увидев неясные в темноте лики в углу, торопливо перекрестилась. Это было нормально для Донбасса. Нормально то, что в бой шли со Спасом Нерукотворным и с красным знаменем Победы; нормально, когда в бою русские кричат «Аллах

акбар», а чеченцы — «С Богом, православные».

Нормально верить в Бога и уважать чужую веру. Нормально молиться, нормально ждать помощи от Бога. Потому, что Бог — есть любовь. Потому, что язык Бога — язык правды. А правда у тех, кто спасает, освобождает, кто бьётся с нацистской мерзостью. По ту сторону фронта была не Украина, даже не США и НАТО — в остекленевших от алкоголя и дури глазах нациков отражалось адское пламя. И не паяц Зеленский отдавал здесь приказы — сам отец лжи воевал с Донбассом, сам дьявол обломал зубы о шахтёрский край.

Смерть, где твоё жало? Это жало каждый день вырывал из ран своих пациентов Владимир Григорьевич.

Ад, где твоя победа? Дьявол и его присные варились в котлах Изварино и Иловайска, подыхали на терминалах Донецкого аэропорта, крысами теснились в подвалах «Азовстали». Всё так.

Конечно, Донбасс потерял много невинных жизней и продолжает их терять. Каждый день от «гуманитарных обстрелов» гибли люди, в том числе дети. Но у ада на этой земле не будет победы. И каждая смерть будет отомщена и оплачена.

Надежда выглянула в окно. За окном царила

темнота и тишина. Лишь чуткое ухо услышало бы в этой тишине слабые звуки, сопровождающие жизнь госпиталя — шорох чьих-то шагов, тихие стоны, дыхание раненых и персонала — все это сливалось в какой-то ритм госпиталя, который, как прибой у моря, почти не воспринимался разумом, существуя, как некий естественный фон.

Надежда не знала, что ей недолго осталось наслаждаться этой тишиной. Через несколько секунд идиллия летней ночи будет разорвана выстрелами…

Глава 23. Удар

У военных госпиталей существует охрана. Но эвакогоспиталь, расположенный в глубоком тылу, не нуждается в большом числе войск для этого. Эвакогоспиталь Владимира Григорьевича охранял взвод Народной милиции Донецкой Народной Республики — четыре отделения, тридцать шесть бойцов под командованием лейтенанта. Из них девять находились на дежурстве, на оборудованных по периметру госпиталя постах, а остальные двадцать семь занимали импровизированную казарму в бывшем складском помещении, которое сами бойцы привели в божеский вид.

Что может угрожать эвакогоспиталю? В случае прорыва обороны он тут же эвакуируется в глубокий тыл. Но через «линию соприкосновения» порой просачиваются диверсионные группы противника — небольшие банды террористов. Эти шакалы — плохие бойцы, которые удирают при первом же столкновении, но они могут напасть внезапно, ударить и отступить. Подлая тактика… впрочем, со стороны Украины любая тактика была подлой. Их артиллерия, их авиация

не столько решала какие-то задачи поля боя, сколько наносила террористические удары по мирным объектам республик, стремясь посеять страх. И диверсионно-разведывательные группы нападали не на военные объекты — склады боеприпасов, ГСМ[97], ремонтные мастерские, парки — а на школы, больницы, церкви… одна из таких ДРГ, например, сожгла в Святогорске уникальный деревянный храм Всех Святых. Вероятно, командование ВСУ занесло всех святых земли русской в число террористов, вывесило их на сайте «Миротворец» и попыталось скопом уничтожить…

Для того, чтобы защитить госпиталь от бандеровских приблудней, его охраны вполне хватало, но ее оказалось мало для того, что произошло той ночью. Но началось всё с появления Гришки.

Слава стояла на крыльце и курила — уже, кажется, пятую сигарету за ночь. Она понимала, что так делать нельзя и обещала себе, что эта сигарета точно будет последней. Не на сегодняшний день, вообще. Но она не была уверена в том, что выдержит это обещание, ведь совсем рядом, в палате тяжелораненых, лежал под наркозом

---

[97] Примечания: 97
ГСМ — горюче-смазочные материалы.

ее Вик, перебинтованный, истекший кровью. И пусть сейчас его жизни уже ничего не угрожало, но страшная рана не давала Славе покоя.

Странно, что можно так полюбить с первого, фактически, взгляда, но Слава была уверена, что ее любовь к Вику — настоящая. Вопреки всякой логике, она готова была стать для парня опорой и поддержкой, в которой тот будет нуждаться. А пока — она могла позволить себе самой быть слабой, и это горькое чувство Слава запивала таким же горьким сигаретным дымом, серебристыми клубами уносящимся к тёмному небу и сливающимся с дымной полосой Млечного пути.

В какой-то момент — Слава не могла сказать, когда именно, — девушка перевела взгляд с сияющей ленты Млечного Пути на незатухающее на западе зарево далёкого фронта. После вечернего боя это зарево несколько потускнело, но то здесь, то там вспыхивали далёкие зарницы — арта не прекращала своей работы ни днём, ни ночью. К этому зрелищу за восемь лет успели привыкнуть — человек ко всему привыкает, даже к самому плохому.

Но что-то изменилось, и Слава даже не сразу поняла, что именно. К госпиталю со стороны фронта приближался огонёк, будто через степь

бежал одинокий факелоносец. Слава даже не успела понять, что это, как странный объект приблизился к госпиталю, оказавшись «буханкой» Гришки. «Буханка» пылала.

Остановив горящую машину, Гришка выкатился из неё, сбивая редкие язычки пламени с одежды, быстро поднялся на ноги и, в полном молчании, бросился к госпиталю. Слава интуитивно поняла — произошло нечто большее, чем возгорание видавшей виды «буханки». Она открыла для Гришки дверь, тот пулей влетел в помещение и помчался к кабинету главврача. Владимир Григорьевич как раз выходил оттуда и столкнулся с Гришкой в коридоре:

— Ты что это… — начал, было, он, но Гришка перебил его:

— У Мглистого дола меня обстреляли, — доложил он. — Преследовали на квадроциклах, я оторвался. Били зажигательными, «буханка» сгорела нахрен. Похоже, диверсионно-разведывательная группа, кажется, идут к нам в гости…

— Надо поднимать охрану, — решил Владимир Григорьевич, бросаясь обратно в свой кабинет, где был рычаг включения общей тревоги.

Но было поздно.

* * *

Очевидно, у бандеровцев был план госпиталя, и атаку они спланировали очень грамотно. Появление Гришки, конечно, несколько спутало планы, но первый этап операции всё-таки остался за нацистами.

Диверсанты попытались по-тихому снять патрули, но это оказалось сложно — трудно застать врасплох бывалого бойца на территории, которую он изучил, как свои пять пальцев. Народная милиция сражается на своей земле и за свою землю — и земля, словно чувствуя это, как-то им помогает. Скрытно подбирающиеся диверсанты были своевременно замечены — со всех сторон периметра госпиталя, почти одновременно, затрещали выстрелы. Однако у бандеровцев было численное преимущество — на каждого дозорного они выделили группу из пяти человек, вооруженных и экипированных лучшим из того, что нашлось в закромах их террористических банд. Патрульные бились до последнего, забрав с собой по нескольку нападавших, но силы были неравны — все милиционеры в конечном счете полегли, выиграв госпиталю несколько минут.

Казарма взвода охраны оказалась окружена си-

лами, превосходящими те, что находились в ней, минимум, втрое. С началом стрельбы на периметре бандеровцы, не дожидаясь команды, открыли по казарме огонь из пулеметов и попытались забросать гранатами из подствольников и АГС[98]. В казарме сориентировались быстро, открыв ответный огонь. Весьма действенный, но этот огонь не мог переломить ситуацию. Кроме того, командир взвода совершил ошибку, вполне понятную и простительную, но имевшую тяжелые последствия — он попытался бросить своих солдат на прорыв к госпиталю. Противник, очевидно, этого ожидал и встретил наших бойцов огненным шквалом. Четыре человека, включая комвзвода, были убиты на месте, несколько бойцов получили ранения, в том числе двое — тяжёлые. Уцелевшие, подхватив раненых, отступили в казарму, продолжая огрызаться огнем из всех видов оружия, а штатный снайпер, забравшись на крышу, отстреливал открывающиеся огневые точки. Впрочем, о новом прорыве речь пока не шла — бандеровцы понесли серьезные потери и продолжали нести их, но силы всё-таки были не равны, к тому же уцелевшие нацики из тех, кто

[98] Примечания: 98
АГС — автоматический станковый гранатомет.

напал на часовых, подтягивались к блокадным силам, отчего ситуация для гарнизона крохотной «Брестской крепости» посреди украинской степи только ухудшалась.

Уничтожив патрульных и заблокировав взвод охраны, укрофашисты приступили к выполнению основной задачи — несколько их групп стали приближаться к зданиям госпиталя. Нацики рассчитывали взять госпиталь голыми руками, лишив его предварительно охраны. Безоружные раненые представлялись им лёгкой добычей.

Они плохо знали, что такое русские люди…

* * *

У военных врачей, конечно, есть табельное оружие, пистолеты Макарова; оружие это очень слабое. Как говорилось в одной старой комедии: припугнуть, подать сигнал — не более того. Против диверсионной группы, вооруженной новинками сумрачного натовского гения это почти ничего. Но словно добрый ангел хранил госпиталь Владимира Григорьевича — незадолго до нападения Гришка нашел в брошенной у Мглистого дола «буханке» несколько ящиков с оружием и как человек хозяйственный привез их в родной госпиталь.

Врачи — люди привычные к кризисным ситуациям. Никакого замешательства не было; Владимир Григорьевич взял командование на себя, приказав вскрыть ящики. На помощь ему пришёл Корешков, который обзавёлся костылём и, игнорируя свои раны, которым пока провели только первичную обработку, предложил себя как человека, имеющего боевой опыт, в помощники. Владимир Григорьевич тут же назначил его главным по палатному корпусу — решено было оборонять только операционный корпус и то здание, где лежали раненые. Из легкораненых Владимир Васильевич и должен был набрать себе команду. Владимир Григорьевич отдал ему ровно половину привезённого Гришкой. А это был немалый арсенал — два ящика АК-47, в каждом по пять автоматов и три магазина к каждому; два ящика патронов калибра 7,62-мм россыпью, два ящика с револьверами «наган», по десять револьверов, а также цинк патронов для них.

Оружие разобрали быстро, и как раз вовремя. Не успели мужчины занять позиции у окон, как противник пошёл на штурм. Впрочем, вооружились не только мужчины — женщины-врачи, санитарки во главе с Лилией Николаевной и Надежда с Екатериной вооружились «наганами»,

хотя основной задачей для них было заряжать патронами автоматные магазины. Позиции у окон заняли Владимир Григорьевич, Сергей Нисонович, Гришка, раненный Лёха и Слава — ей тоже достался автомат, и, как впоследствии оказалось, она неплохо с ним справлялась, хотя и не догадалась переключиться с одиночного огня на автоматический. Но до того, как бандеровская пуля рикошетом раздробила ей ключичную кость, она успела отправить в ад чуть больше дюжины бандитов — очень достойный результат.

Впрочем, никто не думал о результате — едва со стороны палатного корпуса донеслись первые автоматные очереди, а на площадке между корпусами появились первые движущиеся силуэты — на фоне звездного неба и открытого пространства степи они были хорошо видны — медики, не сговариваясь, открыли огонь.

Было всякое. Сергей Нисонович с непривычки выронил автомат, но тут же поднял его; Лёха почти сразу словил ещё одну пулю в плечо, но так и не подал виду, пока на рассвете, бледный от потери крови, как призрак, не потерял сознание. На участке Владимира Григорьевича было особенно жарко — несмотря на стрельбу, нацисты лезли, как тараканы, и один раз Надежде Витальевне

пришлось даже стрелять из своего «нагана» по слишком близко подошедшим бандеровцам.

Екатерина помогала Гришке и тоже пару раз открывала огонь — управляться с автоматом одной рукой, мягко говоря, очень непросто, и при смене магазинов Гришка делал большие паузы в стрельбе. В эти минуты Катя, как валькирия из скандинавских саг, сменяла однорукого бойца. У неё, как и у Надежды Витальевны, обошлось без ранений, только осколком стекла расцарапало щёку. А вот Гришка был ранен дважды, но оба раза легко — одна пуля насквозь прошила короткую культю отсутствующей руки, вторая рассекла мочку уха и царапнула по шее.

Лилия Николаевна помогала Лёхе; бандеровцы то и дело пытались зашвырнуть в окно гранаты, вероятно, подствольников этой группе, слава богу, не выделили, но получилось у них это один раз — лимонка влетела в окно, упала на пол, но Лилия Николаевна, не по годам сноровисто, схватила её и швырнула обратно. Раздался взрыв; судя по последовавшим за ним воплям, бандеровцы хорошо пострадали от собственного оружия…

Говорят, когда-то ведущие страны мира по инициативе русского императора Николая II договорились о том, чтобы воевать по-человечески.

В положениях Четвертой Женевской конвенции, не утративших силу, сказано чётко и ясно: лица и объекты, использующие эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца, не могут подвергаться нападению. Там вообще очень много красивых и правильных формулировок… которые с самого начала войны против Республик Донбасса Украина и не думала применять. Например, запрет обстрелов гражданских объектов, запрет пыток и убийств раненных и военнопленных и так далее.

Конечно же, бандиты из Вооружённых сил Украины плевали с высокой колокольни на все эти непонятные и архаичные, по их мнению, сентенции. Сам факт нападения на военный госпиталь — само по себе преступление; но забрасывать в помещение, где собрался, готовясь отражать нападение, медицинский персонал, осколочную гранату — преступление еще большее. Только ад может породить такую невероятную, дьявольскую злобу…

Сергей Нисонович был ранен в грудь и руку, но обе раны оказались легкими. Лилия Николаевна, наверно, родилась в рубахе — пуля бандеровца прошла прямо у нее над головой так, что сбила или разорвала резинку, удерживающую круглый

пучок, в который собирала волосы, и те, ощутив свободу, рассыпались по ее плечам. Мадина Баяновна, помогавшая Сергею Нисоновичу, получила две длинные царапины от пуль на обеих щеках. Тяжелораненой оказалась только медсестра Соня — она получила две пули, в бок и в руку, у неё оказалась сломана пара рёбер, а внутренности получили довольно серьёзную контузию.

…Когда звёзды на небосклоне начали тускнеть, а цвет неба неуловимо изменился на такой, какой бывает в степи перед рассветом, выстрелы утихли — кажется, бандеровцы отступили, чтобы перегруппироваться — перед зданием госпиталя остались только трупы и, вероятно, раненые — оттуда изредка доносились стоны и шорохи. Затишье не продлилось долго, но перед следующей атакой, произошло ещё нечто. В «секторе обороны» Сергея Нисоновича из невысоких кустов бузины, обрамлявших проходящую здесь гаревую дорожку, раздался голос:

— Эй, в госпитале! Я хочу с вами поговорить.

— Не о чем нам с тобой, нацистская рожа, разговаривать! — зло ответил Сергей Нисонович.

— Я не нацист! — возразили из темноты. — Я — офицер Вооруженных сил Украины!

— Вы не вооруженные силы, вы бандиты с

большой дороги, — припечатал его Сергей Нисонович, — в Сирии душманы тоже себя объявили «государством Ирака и Леванта», что не мешало им оставаться террористами. А вы — просто фашистские прихвостни!

— Мы не фашисты! — в голосе «парламентёра» послышались нотки паники. — У нас даже президент — еврей.

— Он такой же еврей, как я — конный водолаз! — ответил хирург. — Вот я — еврей. Кобзон покойный — еврей, Розенбаум — еврей. А этот шлимазл[99] не еврей, а поц[100] подзаборный.

— Выдайте нам Шелаева, — предложил «парламентёр», — и мы тут же уберёмся.

— И не мечтай, позор своей матери, — ответил Сергей Нисонович. — Уйдёт он, а что, тебя уже где-то отпустили? Ты у меня уйдёшь не дальше Валиховского переулка[101], а в лучшем случае

---

[99] Примечания: 99

Шлимазл (*евр. жарг.*) — хронический неудачник, ничтожный человек.

[100] Примечания: 100

Поц (*евр. жарг.*) — ничтожество, жалкое существо.

[101] Примечания: 101

Валиховский переулок — улица в г. Одессе, где находится городской морг.

— дойдёшь до донецкого СИЗО[102], понял, игиловец[103] недоделанный?

— Мы вас сомнём, — паника в голосе «парламентёра» стала явственней. — Нас тут триста человек.

— Ты сначала бумажку сомни и ступай в сортир, — ответил хирург. — А то, что вас триста, — плохо. Где ж мы вас всех хоронить будем?

— Сдавайтесь! — завизжал бандеровец. — Или я за себя не ручаюсь…

— Русские не сдаются, — ухмыльнулся Сергей Нисонович. — Да, Мадина Баяновна?

— Так точно, Сергей Нисонович! — ответила женщина-врач. Она успела снарядить для Сергея Нисоновича три его магазина и теперь поправляла макияж, повредившийся за вечер. — Русские не сдаются, это я вам как башкирка еврею ответственно заявляю.

И оба почтенных медика рассмеялись — искренне и заразительно, как могут хохотать только люди с абсолютно чистой совестью. Ответом им был шквальный огонь.

---

[102] Примечания: 102

СИЗО — следственный изолятор.

[103] Примечания: 103

ИГИЛ (ДАИШ) — запрещённая в России террористическая организация, «Исламское государство Ирака и Леванта».

* * *

Следующий штурм оказался ещё более ожесточённым, но его удалось отбить.

— Интересно, зачем им понадобился наш Шелаев? — спросил непонятно у кого Сергей Нисонович, смахивая со лба капли пота. — Понятное дело, что, если бы мы его им выдали, нас бы они в покое не оставили. Я скорее гадюке поверю, чем бандеровцу. И вообще, русские своих не бросают. Но зачем он им?

— Кто знает? — ответил Владимир Григорьевич. Внутри здание госпиталя было разделено на «кабинеты» брезентовыми завесами, так что обороняющиеся прекрасно слышали разговоры друг друга. — Сомневаюсь, что они сами знают. Это просто исполнители, им сказали добыть пленного, они и стараются… плохо то, что патроны у нас кончаются. И подмога неизвестно, когда будет, связи-то нет…

— Мы тут такой концерт устроили — до Мариуполя слышно, — донёсся голос Гришки. — Так что будет подмога, не сомневайтесь. Странно, что до сих пор нет.

— Вопрос в том, доживём ли мы до неё, — заметил Лёха. — Патронов реально мало, а если их

триста человек, как тут эта гнида пела…

— Доживём, — оборвала его Слава. — А нет, так умрём по-человечески. Как сказал президент — мы в рай, а они к черту на вилы.

— Наступают! — предупредил Владимир Григорьевич. — Так, хватит болтать, работаем.

…Перед самым рассветом противник всё-таки ворвался в здание госпиталя. Произошло это в секторе Гришки — тот задержался, перезаряжая автомат, и противник этим воспользовался. Что было дальше, Надежда запомнила плохо. Она помнила массу вооруженных людей с желто-синими шевронами, появившихся в здании госпиталя, помнила треск «наганов», а короткую рукопашную почти не запомнила. В какой-то момент её сильно толкнули, и она упала на пол, а над ней вырос силуэт всушника, намеревающегося добить упавшую женщину. Надежда зажмурилась, но ничего не произошло. Осторожно открыв глаза, она увидела стоящего на коленях супостата, который медленно заваливался набок. А за спиной бандеровца виднелся другой силуэт. Присмотревшись, Надежда поняла, что второй мужчина одет в полевую форму Народной милиции ДНР.

И он был не один — бойцы Народной милиции,

появившиеся, как по мановению волшебной палочки, быстро очищали помещение от ворвавшихся нациков. Снаружи тоже что-то происходило — стрельба стала интенсивнее, при этом среди выстрелов слышались новые голоса — например, басовито покашливал КПВТ, крупнокалиберный пулемет, которым вооружались бронетранспортёры. Помощь пришла.

Мужчина помог Надежде встать. Очевидно, он был командиром бойцов, спасших госпиталь:

— Вам нужна помощь? Вы ранены?

— Нет, спасибо, — машинально ответила Надежда, хотя она была ранена и чувствовала себя не очень хорошо.

— Меня зовут Михаил Зайцев, — представился мужчина. — Я лейтенант Народной милиции, прибыл на помощь к вам. Когда ваша станция перестала отвечать на опрос, мы сразу же решили проверить почему. Патрульная группа наткнулась на засаду в полутора километрах отсюда. Тогда мы подняли по тревоге роту быстрого реагирования. Слава богу, успели…

— Михаил, — перебила его Надежда. — У вас позывной, случайно, не «Хмурый»?

— А как вы узнали? — удивился мужчина.

— Вы недавно писали письмо дочери? — уточ-

нила Надежда. Мужчина кивнул, в его глазах что-то неуловимо изменилось. — Письмо пока не дошло до адресата, но обязательно дойдет. Меня зовут Надежда Ясенецкая, я заведующий местной почты. Письмо попало мне вскрытым и, простите меня пожалуйста, я его прочитала.

— Почему? — спросил Михаил. Надежда почувствовала, что краснеет:

— Мне попало в руки несколько вскрытых писем. Я прочитала их, а потом встретила тех людей, что их писали. Встретила здесь, в госпитале. Все они прошли между жизнью и смертью. Мне кажется, что, когда я читаю эти письма… только не смейтесь, пожалуйста…

— Что здесь смешного? — пожал плечами Михаил. — Да Бог с ним, раз так уже получилось. В меня сейчас две пули попало, когда мы с брони спешивались, и обе дармовые — одна рукав прошила, даже руку не задела, вторая сплющилась о пряжку ремня. По пузу будто кулаком саданули, но в целом ничего. Так что, может, и есть в этом какая-то правда. А даже если нет — ничего. Я человек честный, мне скрывать нечего.

— У вас всё будет хорошо, — искренне сказала Надежда. — И у вас, и у вашей дочери. У вас обязательно всё будет хорошо.

— Ваши слова, да Богу в уши, — усмехнулся Михаил. — Ладно, если вам не нужна помощь, идём, поможем тем, кому она нужна.

Часть 7. На круги своя

Глава 24. Письмо военнопленного

Надежда сидела у себя на почте и читала письмо — последнее из тех писем, что попали к ней вместе с сумкой, распотрошённой осколком.

Время клонилось к вечеру, до окончания рабочего дня оставалась пара часов. Солнце все еще ярко светило, но уже клонилось к западу. А на западном горизонте не видно было привычных уже сполохов, и гул канонады стал тише. Это означало одно — линия фронта отодвинулась от Русского Дола еще на несколько километров. Ещё один шаг, приближающий Освободительную армию к победе.

Рана Надежды Витальевны оказалась пустяковой царапиной, но после контузии её мутило и кружилась голова. Тем не менее она решила не оставаться в госпитале, который, после неудачной атаки ВСУ, напоминал потревоженный улей, а выйти на работу. На почте ей было как-то спокойнее, тем более что безопасность Русского Дола теперь обеспечивал целый взвод ополченцев на боевых машинах пехоты.

В госпитале была запара — медики оперировали раненых во время штурма, из Донецка

прислали целый батальон для охраны, да еще и строительную бригаду, чтобы восстановить разрушенное и построить новые здания. К тому же в госпитале работала военная прокуратура, они допрашивали пленных, собирали вещдоки, опрашивали свидетелей и постоянно дёргали Владимира Григорьевича. Надежда решила не путаться под ногами, да и работу, в общем-то, никто не отменял.

Письмо, оказавшееся последним из одиннадцати писем, было не от ополченца, не от контрактника — его написал военнопленный. Сейчас было много таких, кто выходил к позициям Союзных сил с поднятыми руками — простые дядьки, насильно согнанные в призывные пункты, воевать за бандеровцев не хотели. И всё равно — письмо было от врага, и читать его Надежде Витальевне было неприятно.

«Здравствуй мама!

Не волнуйся за меня, я жив, хотя и ранен. Тебе могут сказать, что я пропал без вести – не бойся. Я в плену.

Сразу скажу – пусть тебя это не пугает. Все то, что нам рассказывает пропаганда про ужасы русского плена – собачий бред, я

сам в этом убедился. Вообще, если верить нашим новостям, мы везде побеждаем. Мы освободили уже тысячи городов и сел (интересно, каких? И наберется ли их столько на Доенбассе?); мы уже почти освободили Крым (где он, этот Крым…) и разрушили Крымский мост (который, как нам говорили, существует только на бумаге)…

Чушь. Чушь полнейшая!

Наши профессиональные брехуны – все эти арестовичи, залужные, маркусы рассказывают нам про то, что „мокша заваливает трупами“, про тысячи убитых „москалей“ и сотни единиц уничтоженной бронетехники – бред! Знаешь, как тут идет бой? Сначала появляется вражеский беспилотник. Он висит на безопасной высоте и снимает. Из автомата до него не добьешь, а другой ПВО у нас нет, да и не факт, что попадёшь. Если прилетел беспилотник – надо прятаться, если есть куда. Или бежать. Потому что буквально через пять минут начинается АД!

Пропагандюки говорят, что у русских

заканчиваются боеприпасы? Судя по тому, как они стреляют, у них этих боеприпасов припасено до второго пришествия! Передний край после артподготовки похож на чудовищный фарш из земли, бетона и человеческих останков. Но это не все – как только огонь прекращается, атаку начинают танки.

Эти танки как будто заколдованные. Нам не удалось подбить ни одного! Ни одного! У нас были „Тоу“, „Миланы“, „Джавеллины“, куча американских, немецких, шведских, еще черт разберет каких гранатомётов (у других такого богатства нет, но мы ж типа элита!) – нам это не помогло. Один их танк схватил „Джавеллина“, две ракеты „Фагот“, штук шесть гранат… после чего решил, что с него хватит и пополз к себе в тыл. А может, боекомплект решил пополнить.

Арта наша лупит в белый свет, как в копеечку. Ни разу не видел, чтобы они в кого-то попали. Обычное дело – пара разрывов по фронту, а между ними, как на параде, прут танки русни. Знают, что по ним не попадут. Зато по домам в До-

нецке они палить горазды. Что ни день – то обстрел, а запросишь артподдержку, когда атакуют – „у нас снарядов мало“. По жилой застройке палить хватает, а по танкам – мало? Ну да, больница и детский сад не укатят, в отличие от Т-90…

Да если б русские так воевали, как мы, – они б уже в Ужгороде пивко распивали, а все города отсюда до Карпат лежали бы в руинах! Снарядов бы им хватило, а стрелять они умеют. Те самые москали, „заваливающие трупами“ всё и вся, спешиваются только тогда, когда уверены, что сопротивления не будет. В чистом поле воевать с ними без понтов. Кое-как цепляемся за застройку, прикрываемся мирняком – по мирняку русские не бьют вообще (привет, врунишка Арестович!), но за мирняком долго не высидишь. Снайперы отработают или чечены. Чечены – то отдельная песня. Эти дьяволы приходят ниоткуда и уходят в никуда, оставляя за собой виртуозно выбитые трупы врага, нас то есть. Как чеченскую речь заслышишь в эфире – беги или сдавайся, иначе кирдык.

По ночам не лучше. Во-первых, для их арты что ночь, что день – один свет. Во-вторых – ночью они бьют ракетами и авиацией. В основном, конечно, по тылам и КП, но и нам прилетает что попроще.

Хвалёная западная техника – говно. Я видел больше разбитых М777, чем уничтоженной российской бронетехники, а „Хаймарс“ на моих глазах превратил в металололом „Крокодил“[104]. ПВО наше, кажется, вообще не существует – либо оно уже сгнило и годится только на мишени, либо его давно толкнули какимнибудь Хасидам[105]. „Москали“ летают днём и ночью, не особо шифруясь, и бомбят, бомбят, бомбят…

А нам рассказывают, как мы побеждаем. Что поставили флаг в какой-то деревушке в серой зоне. Поставили, пофоткались, смотались, как дурни с пограничным столбом. Нам рассказывают,

---

[104] Примечания: 104

Крокодил — армейское прозвище штурмового вертолёта Ми-24.

[105] Примечания: 105

Вероятнее всего, корреспондент путает хасидов (секта в иудаизме, для них священным местом паломничества является украинский город Умань с могилой ребе Нахмана) с хуситами (йеменскими повстанцами).

что мы наступаем. Где? Мы везде отступаем, а если не отступаем – попадаем в котёл. Вчера мы ушли из Песков… Песок… чёрт их разберет. Оставили там пять тысяч двухсотыми. Несколько сотен пленных. Небось, Арестович опять назвал это перемогой?

Многие дезертируют; их отлавливают нацики, вешают, расстреливают. Эти герои на передке не появляются, они воюют только против своих. Может, это не русские – оккупанты, а они?

Наши окопы завалены трупами и ошмётками тел. В чистом поле их еще больше. Хоронить их некому. Их даже не учитывает никто. Раненые часто мрут, не дождавшись помощи. Легкораненым ее вообще не оказывают! Да многим и пофиг, если честно. Тут полно синьки[106], полно колёс[107], иначе давно бы все разбежались на фиг от такой войны!

Я, грешным делом, думал – может, мы здесь дохнем, чтобы другие насту-

---

[106] Примечания: 106
Синька *(жарг.)* — низкосортный алкоголь.

[107] Примечания: 107
Колеса *(жарг.)* — наркосодержащие таблетки.

пали? Чувствовал себя каким-то героем Брестской крепости. Какая, на фиг, Брестская крепость! Сейчас, в плену, я говорю с другими нашими – тут есть с разных участков фронта – от Херсона до Харькова.

Мы везде отступаем!

Так где же мы побеждаем? На канале „1+1“? В „Фейсбуке“ и „Твиттере“?

Сколько ещё будет продолжаться эта война – пока нас всех не перпебьют? Слышал, они собираются призывать уже и женщин. А потом что, детей? Стариков?

Теперь два слова о тех, кого мы называли „орками“, „мокшой и синезубыми“. Про технику их я говорил. Про организацию. Экипировка – как в рекламных роликах американской армии, с поправкой на войну, конечно. На войне всегда всё в грязи и беспорядке, но то, что экип там взрослый – отвечаю. Физподготовка тоже на высоте – не видел ни задохликов, ни дядек с пузами – ни среди регуляров, ни у ополчения. Прям будто с парада на Красной площади в окоп пошли.

Пьяных не видел ни одного! Даже в тылу! Вот вам и пьющая Россия. Да и на Донбассе, как оказалось, не так много синюшников, как у нас.

Ждал, что меня будут бить. Или пытать. Ни разу. Обращение корректное. Сразу дали цыгарку, предложили чаю, спросили, не ранен ли, не контужен. Когда признался, что ранен – в плечо осколок схватил, проходил с ним неделю, – вызвали санитаров. В госпитале прооперировали, под наркозом. У нас наркоз только избранным дают, в лучшем случае, кружку смаги[108]. Врач поругал, правда, что запустил ранение, говорит, чуть до заражения крови не довёл, да обошлось. Я ему сказал, жаль, мол, что раньше не сдался. Он подмигнул с пониманием – знаю, мол, какие у вас врачи.

Потом в палату отвезли. Дверь закрыли, но не связывали, ни верёвкой, ни наручниками. Белые простыни, душ с тёплой водой, биотуалет… на ужин – каша манная с маслом и молоком – как в рай

---

[108] Примечания: 108
Смага *(жарг.) — самогон.*

живым попал. Ночью ещё одного паренька подбросили, после операции. Говорят, он в тяжелом состоянии, гангрена началась, пришлось два пальца оттяпать на ноге. Ха! Наши бы ему отняли всю лодыжку, а то и до колена!

Наутро допросили, но без нажима. Дознаватель кивал, даже сочувствовал. Потом сказал, что можно написать родным письмо, передадут через Красный Крест.

Вот и пишу.

Мама, я в плену. Но ты не расстраивайся. Зато живой. Одетый-обутый, накормленный. Чистый, даже побритый. Меняться не хочу – гори она пропадом, эта Украина с Зеленским, Порошенко, Тимошенко и всеми героями их майдана. Чтоб они все сдохли от поноса!

Про письмо никому не говори, не хочу, чтобы у вас с папой были неприятности.

Видно, я, и правда, в рубашке родился.

Крепко обнимаю тебя и целую. Твой сын Валя Коробко».

* * *

Наверно, каждый из живущих или побывавших на Донбассе за последние восемь лет, не раз задумывался над тем, как вообще могло случиться такое. Украинцы, отважно сражавшиеся с Гитлером в годы Великой Отечественной; создававшие целые партизанские дивизии, пустившие под откос десятки фашистских эшелонов; украинцы, для которых слово «бандеровец» было ругательством, за каких-то тридцать лет превратились в манкуртов. Плюнули на могилы своих дедов, снесли памятники настоящим героям и вместо них возвели на постаменты нацистских упырей.

Как же это произошло? Как вообще возможно такое? От этой мысли становится страшно. А Европа, где здравый смысл, всегда отличавший европейцев, уступил место «зелёной повестке», ЛГБТ и чуть ли не некрофилии? Как такие огромные народы разом сошли с ума?

Но не то же ли случилось когда-то с немцами, поверившими бесноватому фюреру и с радостным гиканьем сжигавшими в печах крематориев евреев, славян и цыган?

После прочтения письма Надежде стало страшно. Этот Валя с фамилией пионера-героя уже

что-то начал понимать, но ещё не понял. Тем более — не раскаялся. А сколько таких Валь по ту сторону фронта? Возможно, он даже встречался в бою с Виталиком — тот, по словам Владимира Григорьевича, как раз участвовал в штурме Песок…

— Мам, мы за тобой пришлию — А Надежда даже не заметила, как кто-то вошёл на почту. К счастью, это был всего лишь Вовка в компании Вики. С момента приезда девушка немного оживилась, повеселела. — Рабочий день уже закончился. Домой пора.

— Что? — удивилась Надежда. — Уже шесть часов, что ли?

— Ага, — кивнул Вовка. — А ты не знаешь, папка опять ночевать не будет?

— Скорее всего, нет, — ответила Надежда. — У него много дел после налёта на госпиталь.

— Жаль, меня там не было, — вздохнул Вовка. — Вот стоило мне отъехать в Забойск, как тут такое… был случай повоевать — и тот упустил.

— Да там и воевать-то не пришлось, — соврала Надежда. — Так, пальнули пару раз…

— Ну да, — скептически сказал Вовка. — Мам, ну ты ж знаешь, что слухами земля полнится. Говорят, что ты там лихо палила из «нагана»…

— Какого ещё «нагана»? — «удивилась» Надежда.

— Того, что сейчас у тебя в сумочке лежит, — парировал глазастый Вовка. — А Нисоныч с Баяновной чуть ли не взвод на пару положили…

— Расскажут же люди, — пожала плечами Надежда.

— И всё равно — жаль, — заупрямился Вовка.

— Война — это страшно, — тихо сказала Вика. — Лучше её вообще не видеть. Лучше бы её вовсе не было…

— Вика права, — согласилась с будущей невесткой Надежда, — и потом, ты же в военное училище собирался? Настреляешься ещё.

— Оно-то так, — потупился Вовка. — А всё равно, мужчина должен защищать… тех, кто слабее.

— Тамаре об этом расскажи, — тихо шепнула ему на ухо Вика, но Надежда расслышала. Лицо Вовки тут же расплылось в улыбке:

— Кстати, мама, можно мы с Викой в Забойск смотаемся. Там сегодня концерт будет…

— Какой концерт? — удивилась Надежда. Вовка замялся, даже покраснел — видно было, что концерт — только предлог увидеться с «царицей Тамарой».

Положение будущего деверя спасла Вика:

— Фортепианной музыки, — сказала она. — Будет выступать одна девочка из Донецка, молодая, но очень талантливая.

— И давно ты, Владимир Владимирович, увлёкся классической музыкой? — подначила сына Надежда. Володя покраснел ещё гуще, но ответил чётко:

— Я же будущий офицер! А офицеры — элита общества, как и священники, врачи, инженеры, учёные. Если ты элита, надо соответствовать, а я пока, если честно, кантату от сюиты не отличу. Пора приобщаться к прекрасному…

«Знаем мы твоё „прекрасное“, — подумала Надежда. — Всю ночь будешь со своей Тамарой по сети в какую-то игрушку гонять».

— Концерт во сколько закончится? — спросила она.

— В одиннадцать, — ответила Вика. — Но вы не волнуйтесь, мы у Томы… у Тамары переночуем, вы же её знаете. Завтра с утра приедем.

— А это удобно? — спросила Надежда. — Обременять чужого человека?

Вика чуть заметно улыбнулась:

— Поверьте, удобно. Да и нам с ней есть о чём побеседовать.

— Когда я поступлю в училище, — мечтал Вов-

ка, — я первый год буду жить в казарме. Так что ты меня вообще дома видеть не будешь.

— Но пока ты не поступил, мог бы ночевать дома, — ответила Надежда. — Опять буду сидеть одна-одинёшенька… Да езжайте, что с вами делать? Вы хоть на автобус успеете?

— Нас Коля с Джулией обещали подвезти, — ответила Вика. — Они тоже пойдут на концерт, потом переночуют в Забойске, а завтра утром поедут в ваш госпиталь, Джулия хочет делать репортаж об атаке нацистов.

— С каких это пор госпиталь мой? — удивилась Надежда. — Я там даже не работаю!

Но ответить Вика не успела — на дороге показался новенький «Тигр»[109] в санитарном исполнении. За рулём машины сидел улыбающийся Гришка:

— Глядите, Надежда Витальевна, какой мне агрегат выдали заместо «буханки»! Бронированный! И места в нем побольше, и механика вся новёхонькая. Двигатель не работает — поёт!

— Рада за вас! — улыбнулась Надежда, но на сердце у неё стало тревожно. — Какими судьбами?

---

[109] Примечания: 109

«Тигр» — российский многофункциональный армейский бронеавтомобиль.

— Да по вашу душу, — ответил Гришка. — Владимир Григорьевич почти весь персонал в Забойск отправил, там какой-то концерт будет. Я тоже махну, ежели успею. Он сам на хозяйстве остался и, видать, заскучал по Вам. Вот, просил подъехать.

— С удовольствием, — улыбнулась Надежда, подумав, что тоже очень соскучилась по мужу. Хоть и расстались они не так давно, а всё равно — у них так мало было времени, чтобы побыть вместе… не воюя при этом с залётными бандеровцами.

* * *

— Неужели ты просто соскучился по мне? — спросила Надежда, выбравшись из машины прямо в объятия мужа.

— А что в этом странного? — удивился тот. — По-моему, когда муж скучает по жене — это нормально.

Надежда молчала, и её молчание заставило Владимира Григорьевича смутиться:

— Вообще-то есть одно дельце… я слышал, ты интересовалась нашим «Шелаевым»?

— Есть такое, — теперь настал черед смущаться Надежде. — У Тамары, я тебе рассказывала про

неё, есть такая программа, нейросеть для поиска людей. Я попыталась найти через неё нашего человека ниоткуда.

— Не нашла? — спросил Владимир Григорьевич.

— Не совсем, — ответила Надежда Витальевна. — Кажется, кто-то тщательно зачистил всё, что было о нём в Сети. Только одно совпадение…

— Прокуратура ДНР им заинтересовалась, — сказал Владимир Григорьевич. — Хотят отправить его в Москву, чтобы там выяснили его личность. Всё-таки то, что произошло накануне, — не банальные постреляшки. Операцию по атаке на госпиталь курировало СБУ… и не только.

— Не только? — удивилась Надежда.

— Как минимум, в деле было два иностранца. Одному удалось уйти, и, по некоторым сведениям, это был офицер МИ6. Второй нарвался здесь на пулю, и этот оказался ещё интереснее. Полковник Карл Дредхард, бывший офицер ЦРУ, уволился двадцать второго февраля сего года, чтобы стать консультантом инвестиционного фонда «Розмонт». Фонд курирует Хантер Байден, сын президента США.

— Как интересно, — заинтригованно произнесла Надежда.

— Но ещё интереснее то, куда этот фонд инвестирует деньги, — сказал Владимир Григорьевич. — Компания Metabiota, дочернее предприятие таинственной Black & Veatch, которая, как говорят, построила украинские биолаборатории.

Надежда вздрогнула:

— И этого… консультанта убили *мы*?

— Я тебе больше скажу, — хохотнул Владимир Григорьевич. — Причиной смерти полковника явилось ранение в шею пулей из «нагана». Труп был найден на твоём участке. Так что, я полагаю, консультанта фонда сына президента США уложил самый красивый в мире почтальон и, слава богу, моя жена…

Глава 25. В тихий омут буйной головой

Палата, в которой проживал мужчина, была двухместной, но находился он там один. Всё-таки большинство раненых не оставались в госпитале, а переправлялись на Большую землю, где они могли пройти более качественную реабилитацию, поэтому в «спокойное» время в госпитале были лишние койко-места, и этим пользовались для того, чтобы обеспечить максимальный комфорт выздоравливающим. Сейчас в палате, кроме самого «Шелаева», находилась Маргарита Львовна, психотерапевт госпиталя. Судя по всему, она уже начала предметную беседу с пациентом:

— Я не понимаю, что вы от меня хотите! — Лже-Шелаев говорил на повышенных тонах. — Я рассказал вам всё, что помню. Я не виноват… я *продал* свои воспоминания, понимаете?

— Зачем? — с порога спросил Владимир Григорьевич.

Мужчина потупился:

— Не знаю. Может быть, я нуждался в деньгах.

— Вы понимаете, что ваша история звучит фантастично? — спросил Владимир Григорьевич. Мужчина кивнул. — Мы проверили через орга-

ны ЗАГС, человека с таким именем, фамилией, отчеством и датой рождения никогда не существовало.

— Наверно, *она* как-то подчищает следы, — неуверенно сказал лже-Шелаев.

— А как вы объясните, что ваша история изложена в мистическом романе одного известного писателя? — спросила Маргарита Львовна.

— Никак, — вздохнул лже-Шелаев. — У меня нет для этого объяснения.

— Мы зашли в тупик… — сказал Владимир Григорьевич. Надежда увидела, что лже-Шелаев расслабился. Возможно, у него появилась надежда на то, что его оставят в покое и…

Если честно, Надежде бы хотелось оставить его в покое. Очевидно, мужчина пострадал от украинских нацистов и, вероятно, они хотели заполучить его не для того, чтобы попить с ним чаю. Она сама и весь персонал госпиталя многое повидал, попадались им и освобождённые или сбежавшие пленники секретных тюрем СБУ. Некоторые были так искалечены, что волосы дыбом становились от осознания того, что подобное мог сотворить кто-то, считающийся человеческим существом.

Но…

На карту было поставлено слишком многое. Интерес к «Шелаеву» таких структур, как ЦРУ, МИ6 или та же Black & Veatch возник не на пустом месте. С лже-Шелаевым была связана тайна, а тайна на войне почти всегда означает опасность…

Ей хотелось оставить мужчину в покое, но вместо этого, дождавшись, когда тот выдохнет, Надежда спросила, твёрдо и внятно:

— Вам знакомо имя Пётр Сидорчук?

Лже-Шелаев побледнел — Надежда впервые видела, как бледнеют так быстро, словно вся кровь разом отхлынула от его лица. Посеревшие губы шевельнулись, и «Шелаев» что-то пробормотал.

— Что вы сказали? — спросил Владимир Григорьевич. Лже-Шелавев вскинул голову, его глаза сверкнули:

— Это. Мой. Брат, — чеканя каждое слово, произнёс лже-Шелаев, а затем — Надежда и Владимир Григорьевич едва успели подхватить его — мужчина упал в обморок.

* * *

Маргарита Львовна принесла нашатырь. Шелаева-Сидорчука привели в чувство. Придя в себя, мужчина… зарыдал.

Надежда и Маргарита Львовна переглянулись

— должно быть, психиатр тоже была не в восторге от идеи выбить ломом двери, за которыми таилось что-то, от чего мужчина пытался отгородиться.

— Зачем вы это сделали? — всхлипывал Сидорчук. — Зачем заставили вспомнить то, что я так старался забыть? Я сумел найти себе Старьевщицу, не важно, реальную или нет. Я избавился от этих воспоминаний, а вы…

— Простите, — сказал Владимир Григорьевич абсолютно искренне. — Это только моя вина. Но накануне на госпиталь напали и требовали выдать *вас.* И я *должен* знать почему.

А Надежде хотелось знать, от какого ужаса так пытался сбежать этот человек. Но она, конечно, не стала об этом говорить.

— Хорошо. — Мужчина всхлипнул, вытер глаза кулаком и даже чуть приосанился. — Наверно… наверно, нельзя всю жизнь бегать от своего прошлого. Но то, что я сделал… это ужасно, и я не знаю, как с этим жить.

— Мы поможем вам, — заверила Маргарита Львовна. — Обещаю, мы вам поможем.

— Боюсь, мне никто не поможет, — отмахнулся Сидорчук. — Наша фамилия слишком тривиальна, чтобы быть известной. Мой дед и тёзка, Павел

Петрович, работал на НКВД[110], потом на КГБ[111]. Он разрабатывал яды на основе природных образцов, таких как тетрадотоксин[112]. Он старался вывести формулу, при которой факт отравления было бы невозможно обнаружить. Эта работа ведется всеми разведками мира, так что ничего уникального.

Отец тоже был гениальным биохимиком и, конечно, тоже работал на ту же структуру. Правда, его разработки лежали в другой сфере — он искал «сыворотку правды», препарат, блокирующий способность врать. Насколько я знаю, разработать такой препарат не удалось никому, но если кто-то был к этому близок, так это мой отец, Петр Павлович Сидорчук. Не знаю, что именно на него повлияло, но работа сделала его законченным пацифистом.

Отец умер в тысяча девятьсот девяносто пер-

---

[110] Примечания: 110

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел, организация, предшествовавшая Комитету Государственной Безопасности, и выполнявшая те же функции.

[111] Примечания: 111

КГБ — Комитет государственной безопасности, организация в СССР, занимавшаяся борьбой с иностранными разведками, террористическими и подрывными организациями, агентами влияния и т. д.

[112] Примечания: 112

Тетрадотоксин — природный яд, вызывающий паралич. Содержится, например, в мясе рыбы фугу.

вом году, через пятнадцать минут после того, как узнал о самоубийстве Крючкова[113], — сердце. Брату было пятнадцать, мне — четыре. Мы оба были прилежными учениками, золотыми медалистами, оба с отличием окончили университет — брат стал химиком, я — микробиологом. Но перед этим у нашей семьи был очень сложный период. Мы потеряли отца, а с ним — благополучие и безопасность. Союз развалился, наша семья осталась на Украине. Наступили «лихие девяностые» — в России было плохо, а на Украине — ещё хуже. Нас спас Пётр. Не знаю, с кем он тогда связался, но деньги вновь появились и по тем временам — очень солидные. Мы с мамой даже не заметили, что что-то изменилось в жизни.

Потом я узнал, что Петр разрабатывал наркотики для мусульманских фундаменталистов, поставлявших их в Европу. Он водился с людьми Масхадова[114], с афганцами, потом — с албан-

[113] Примечания: 113

Крючков, Владимир Александрович — начальник КГБ СССР, участник ГКЧП. После провала «путча» (август 1991 года) застрелился вместе с женой.

[114] Примечания: 114

Масхадов, Аслан (1951–2005) — бывший президент Чеченской Республики Ичкерия, активный участник сепаратистского движения.

скими косоварами[115]. На этом он сколотил себе состояние, и в начале нулевых стал долларовым миллионером. Брат погиб в феврале две тысячи шестнадцатого в загадочной автокатастрофе — может быть, его убрали. Но к тому моменту он успел познакомить меня с Коэном.

Мистер Коэн был представителем компании Metabiota. По его словам, компания занималась разработкой новых методов лечения болезней, в частности — предотвращением пандемий и эпидемий. Брат охарактеризовал меня как микробиолога от Бога — скажу без ложной скромности, это так и есть. К моменту нашего знакомства у меня в семье был кризис — жена пилила меня за то, что я сижу на шее у брата, и я готов был взяться за любую работу, лишь бы получить независимость. Мои услуги оплачивались очень хорошо, настолько хорошо, что я не особо задумывался над тем, что я делаю и зачем это нужно.

А занимался я разработкой вирусов. Коэн объяснил мне, что для тестирования препаратов нужны вирусы, которых пока ещё нет в природе, но которые могут появиться. Меня устроило это объяснение. Возможно, я просто не хотел

[115] Примечания: 115

Албанские косовары — радикальное движение жителей Косовского края.

знать правду. Я штамповал вирусы, передавал разработки Коэну и получал очень хорошие премиальные. В семье наступил лад. Мы купили дом в Конче-Заспе, элитнейшем коттеджном посёлке Украины. Жена и дочь мотались по заграницам — я с ними почти не ездил, много было работы.

На меня никак не повлиял ни Майдан, ни начало АТО… точнее, АТО повлияло. Однажды Коэн стал настаивать на том, чтобы я лично контролировал протекание болезни у добровольцев, дабы вносить корректировки в геном новых микроорганизмов. Тогда я заметил, что «добровольцы» не совсем добровольцы, а иногда — совсем не. Вирусы прививали людям измождённым, избитым, со следами пыток…

Я не стал задавать вопросы — я начал искать ответы самостоятельно. Поскольку я был у Каэна на хорошем счету, у меня был широкий доступ ко всему, включая содержимое сервера. Там-то я и наткнулся на информацию по проекту «Пандора».

— Проект «Пандора»? — переспросил Владимир Григорьевич. — Не слышал о таком.

— О нём *никто* не слышал, — сказал Сидорчук. — Я уничтожил всю информацию, причем не только на сервере, но и везде, где были связи

с этим кластером информации. Компьютерные вирусы очень похожи на обычные, и я быстро разобрался, как с этим работать. Единственный экземпляр всей базы данных по Пандоре я скопировал на флэшку, которую вшил себе в носовую перегородку.

Конспиратор из меня так себе. Меня вычислили моментально, но дело было сделано. Конечно, они поняли, что я скопировал информацию перед тем, как уничтожить. Меня пытались подкупить. Потом запугать. Потом стали пытать, а потом…

Сидорчук нервно сглотнул.

— А что это вообще за проект? — спросил Владимир Григорьевич. Кажется, он хотел перевести разговор в более безопасное русло.

— Этническое оружие, — ответил Сидорчук. Надежда вздрогнула. — Бактериологическое оружие, избирательно убивающее людей одной расы — мечта для расиста и мизантропа! — они разрабатывали его сначала против чернокожих, потому в США и раскручивают BLM[116] — эти экстремисты должны были запугать слишком наглый «средний класс» (в основном белый), а потом умереть от пандемии. Потом обострились

[116] Примечания: 116

BLM — сокращение от black Lives matter, общественное движение, выступающее против расизма и насилия в отношении чернокожих.

отношения с Китаем, и перешли на китайцев. Могу прямо сказать — сам того не зная, я участвовал в разработке вируса Ковид-19.

— И вы можете это доказать? — спросил Владимир Григорьевич.

— Конечно, — ответил Сидорчук. — Вся информация по этим проектам у меня на флешке. И не только по ним… в конце они задали мне архисложное задание. Якобы чтобы защитить население Украины от бактериологического оружия России, я должен был разработать этновирус против славян. Проект назывался «Барбаросса».

— И вы это сделали? — испуганно сказала Надежда.

— Да, — ответил Сидорчук. — Но я не показывал никому эти результаты. У меня есть несколько коллег, занимавшихся тем же, — они не продвинулись далеко. А у меня получилось, хотя это было очень сложно. На генетическом уровне отличия славян от тех же англосаксов минимальны. К тому же наш мир — это не мир чистых рас, у каждого из нас есть доля стороннего генома. От «Барбароссы» гибнут не только русские, украинцы или белорусы, между которыми вообще нет генетических различий. Он поражает с тем же успехом и поляков, и чехов, и хорватов… и

не только их — им могут заразиться прибалты и финны, румыны и болгары, даже романо-германская группа, особенно после стрессовых факторов вроде переохлаждения или недоедания. Этот вирус опасен для всех, и, в случае пандемии, он наверняка мутирует не хуже, чем «противокитайский» Ковид. Но моих шефов это, похоже, не беспокоило. Они ждали рабочий образец «Барбароссы», а когда они его не получили…

На глаза Сидорчука навернулись слёзы, но он взял себя в руки:

— Они пытали меня. Когда они поняли, что это не действует, они стали пытать у меня на глазах моих близких. Мать, жену, племянников. Только дочери удалось от них ускользнуть, а может, они просто убили ее при сопротивлении или попытке бегства… не знаю.

Они применяли нечеловеческие пытки, но я не сдался. Я не мог сдаться. Если «Барбаросса» выйдет в мир, то погибнут миллионы, даже миллиарды, и погибнут в муках, вполне сравнимых с любой пыткой. Страдания и смерть моих близких всё равно были неизбежны, и тогда… тогда я сбежал в реальность «Старьёвщицы». *Заставил* себя забыть всё. А вы опять заставили меня всё вспомнить.

— Простите меня, — начал Владимир Григорьевич, но Сидорчук отмахнулся от его слов:

— И вы были правы. Пока файлы «Пандоры» у меня, мне нигде не безопасно, но хуже того — весь мир под угрозой. Заберите у меня эту флэшку и отдайте тем, кто сумеет найти средство от «Барбароссы». Там есть наброски такого препарата.

— А как же вы? — спросила Надежда.

— Буду жить, — криво улыбнулся Сидорчук. — Попытаюсь хоть немного искупить свою вину. Но всё-таки, какие мои хозяева идиоты. Флешка всё время была у них под носом. Под носом, понимаете? — И Сидорчук расхохотался.

— Истерика, — констатировала Маргарита Львовна, глядя на хохочущего микробиолога. — Сейчас я дам ему успокоительное. Потом, наверно, надо будет провести операцию по извлечению флешки. А вот что делать дальше, я не знаю…

— Я знаю, — сказала Надежда.

* * *

— Не думаю, что эти файлы можно передавать по Интернету, — сказала Тамара.

Когда Надежда в компании Гришки приехала в Забойск, было далеко за полночь, но молодёжь

еще не спала. Они сидели в клубе Тамары и что-то живо обсуждали. Надежда быстро ввела ребят в курс дела.

— И что же делать? — спросила Надежда. Извлеченная из носа Сидорчука флэшка, точнее — крохотная микросхема, модуль памяти, лежала у неё в кошельке. — Лететь в Москву?

— Не обязательно, — улыбнулась Тамара. — Пусть Москва прилетит к нам.

Не успела Надежда и глазом моргнуть, как Тамара уже что-то набирала на компе. Мелькнул и погас герб ФСБ, появились и исчезли какие-то формы…

— Всё, — сказала Тамара. — Готово. Остается только ждать.

Ждать пришлось около часа. В конце этого промежутка времени с улицы донёсся шум, и Надежда, Гриша и молодёжь вышли из клуба, столкнувшись в дверях с людьми в форме. На улице стоял вертолёт «Ансат» с эмблемой ФСБ.

Надежду провели в вертолёт. Там она вновь рассказала старшему группы — седому полковнику, всю историю, передала флешку и заполнила акт приема-передачи, один экземпляр которого оставили ей.

Когда вертолёт улетел, Надежда с Гришей засо-

бирались, было, обратно в госпиталь, но Вовка, Тамара и Вика уговорили их остаться. Надежда созвонилась с мужем, и тот одобрил предложение. Ей с Викой выделили одну из пустующих комнат. Как она добралась до постели, Надежда не помнила.

Разбудил её звук далёкого взрыва.

Эпилог

Идёт специальная военная операция.

Войска Освободительной армии перемалывают в своих жерновах живую силу и технику противника и медленным катком ползут на запад. К Победе.

А в тылу налаживается мирная жизнь. Строятся новые дома взамен разрушенных, открываются школы, детские сады, больницы, предприятия на освобождённых территориях дают первую продукцию. В родильных домах появляются на свет дети, которые, дай бог, уже не узнают, как жить под бомбёжками и обстрелами. И, как ни лютует «мировое сообщество» зажравшихся стран-иждивенцев, привыкших видеть во всём мире свои колонии, цели спецоперации будут достигнуты.

Мария сидит в беседке и читает книгу, привезённую дядей Гришей. Вроде бы, как раньше, но есть нюанс. Теперь ей не надо мучительно долго перелистывать страницы. Ей в этом помогает новый друг.

Его зовут Павел, и он старше её на одиннадцать лет. Дружба между ними завязалась как-то неза-

метно, но теперь они проводят всё время вместе. Павел волонтёрствует при госпитале, а Мария…

Мария ждёт протез на левую руку. Пока у неё временный — красивый, но не функциональный, просто «рука манекена». Новый протез должен быть каким-то чудом техники, и его создатели заверяют, что с ним можно будет даже играть на фортепиано. Но для Марии это больше не важно.

И вовсе не потому, что музыка в ней больше не звучит. Наоборот, музыка вернулась. Она вернулась в тот день, когда к ней за столик в столовой подсел мужчина, ещё не старый, но уже седой. Мария пыталась есть самостоятельно. Получалось плохо, ложка то и дело выскальзывала из непослушных пока пальцев. Мужчина предложил свою помощь.

— Мне надо учиться есть самой, — сухо сказала Мария.

— Надо, — согласился мужчина. — Но если вы будете только учиться, вы останетесь голодной. К цели надо двигаться постепенно, ступенька за ступенькой. Если прыгать через пролёты, можно ноги поломать.

Почему-то Мария с ним сразу согласилась и позволила помогать ей. Жить с одной рукой, да ещё и такой, как у неё, очень сложно, и Мария

нуждалась в этой помощи.

С Павлом Мария стала оживать. Вечером они отправились на прогулку и внезапно услышали звуки аккордеона и колоритный баритон, выводивший песню о донском казаке. Заинтересовавшись, они прошли в беседку, из которой доносилась песня, и застали там дядю Гришу в компании одного из ополченцев, охраняющих госпиталь. Ополченец не очень уверено играл на аккордеоне. Дядя Гриша пел.

Закончив песню, он сказал:

— Ну, привет, молодёжь! Заходите к нам на огонёк.

— Вы поёте? — изумилась Мария.

— Да вроде того, — ответил дядя Гриша. — Знаешь, дочка, я так тосковал по аккордеону! Но сам-то я не сыграю, без руки. Вот, нашёл молодого бойца, желающего подучиться. Как получается, нормально?

— Отлично! — заверила его Мария. Конечно, ополченец играл не очень уверено, да и пел дядя Гриша хоть и от души, но не всегда попадая в ноты. Но Марии их дуэт показался прекрасным.

— Давай, Витя, порадуем молодёжь чем-то современным, — предложил дядя Гриша. — Ты «Титаник» смотрел? — ополченец кивнул. — Сей-

час я тебе расскажу, как играть его заглавную тему. Значит, смотри…

Им сыграли (и спели!) главную тему из «Титаника», потом «Mutter» группы «Rammstein», «Pretty Woman», «Happy New Year»… вокруг беседки, в конце концов, собралось довольно много народу. Когда иностранные песни закончились, дядя Гриша спел ещё несколько казачьих, но затем его вызвали в главный корпус, и импровизированный концерт закончился. Мария и Павел отправились на ужин. Стемнело, на горизонте догорали последние отблески невероятного донецкого заката.

— Что вы напеваете? — спросил Павел, заметив, что Мария мурлычет что-то себе под нос. Девушка остановилась, как громом пораженная — она только сейчас поняла, что внутри у неё вновь играет музыка. Симфоническая, но не какая-то известная мелодия, а что-то новое, с главной партией рояля.

— Не знаю ещё, — сказала она. — Не придумала пока названия.

Когда Мария дочитает, Павел проводит её в храм госпиталя, в это время пустующий. В помещении храма Мария будет заниматься музыкой. Может быть, её пальцы больше никогда

не лягут на клавиши, несмотря на все заверения протезистов. Не беда! Тамара, Вика, официально вышедшая замуж за Виталия Ясенецкого, и курсант военного училища Володя — конечно, не без помощи многих других людей, собрали для неё уникальное устройство. Оно считывает импульсы, возникающие в мозгу Марии, когда она представляет себе, как играет на рояле, и передают их на синтезирующий модуль, который воспроизводит мелодию. То, что получается в итоге, пока мало похоже на прежнюю игру Марии, но она надеется, что со временем научится играть на новом инструменте не хуже, чем раньше.

Что изменилось? Может, то, что Мария больше не оплакивает потерю рук. Что сделано, то сделано, и надо жить дальше. При этом жить полноценной жизнью, дышать полной грудью и смело смотреть в будущее. Теперь Мария это умеет. Её научили этому Павел и дядя Гриша, Слава и Зоя, Тамара, Вика, Вовка, Маргарита Львовна, Сергей Нисонович, Мадина Баяновна, Владимир Григорьевич и Надежда Витальевна. Те, кто её любят. Те, кто всегда будут рядом.

Вечером, когда они с Павлом расстанутся и Мария уйдёт в свою палату, перед сном она займётся важным делом — переработкой своей кантаты

«Саур-Могила» в полноценную симфонию. Она занимается этим сама, хотя ей это не просто, и стилус часто выпадает из непослушных пальцев, когда она прописывает партии инструментов. Но она вновь и вновь поднимает его и возвращается к работе. Она надеется успеть до конца месяца, чтобы на День Народного Единства эта музыка звучала на Саур-Могиле.

В память всех тех, кто отдал свои жизни в борьбе с нацизмом — и восемьдесят лет назад, и сейчас.

И в поддержку всем тем, кто продолжает бить фашистов на отдалившейся от Русского Дола кровавой «линии соприкосновения».

02–09.2022, Москва-Донбасс

Весточки на фронт

22 июля 2022 года Олег Рой поддержал всероссийскую патриотическую акцию «Весточка на фронт», старт которой дал телеведущий Владимир Соловьёв, совместно с проектами «Всё для победы» и «Za нами правда». В рамках этой патриотической акции каждый желающий мог написать письмо участникам Специальной военной операции, поддержать российских воинов, выразить им свою благодарность, восхищение их подвигом и ежедневным героизмом. В рамках акции Олег Рой на протяжении трёх месяцев писал письма на фронт. За это время было отправлено более 100 весточек. Часть этих писем вы можете прочитать здесь.

Письмо первое

Здравствуйте, наши дорогие воины, наши герои, наши защитники!

Меня зовут Олег Рой, и я — писатель. Я пишу книги, создаю мультфильмы и очень рад, что их любят взрослые и дети.

Мне давно хотелось выразить вам своё восхищение вашим мужеством, вашей самоотверженностью, вашим ежедневным подвигом. Сейчас, благодаря прекрасному проекту Владимира Соловьёва «Весточка на фронт», у меня появилась такая возможность, — и я, признаюсь, даже несколько растерялся. Сказать хочется так много, что не знаю, с чего начать. Наверное, лучше всего с самого главного — со слов благодарности.

Даже мне, опытному писателю, не хватит слов, чтобы выразить вам нашу признательность за всё то, что вы сейчас делаете каждую минуту.

За вашу стойкость, отвагу, мужество. За ваш труд, за ваши подвиги, которые вы совершаете ежедневно, быть может, даже не осознавая до конца, что вы именно совершаете подвиг. Возможно, вам просто кажется, что вы только выполняете свой долг, делаете свою работу,

движетесь к поставленной цели и стремитесь поступать правильно. Но мы — все те, кто с болью и тревогой за вас следит за происходящим с вами у экранов телевизоров и смартфонов, — прекрасно понимаем — это и есть подвиг.

Хочется, чтобы вы знали: мы — те, кто с нетерпением ждёт вас дома, — думаем о вас каждую минуту и бесконечно гордимся вами. Пусть же тепло душ ваших близких согревает вас и освещает ваш путь, а наши мысли о вас, наша признательность и благодарность защитят вас и отведут от вас каждую пулю и каждый осколок.

Мы все, вся огромная Россия и я, Олег Рой — с вами. Мы молимся за вас и ждём вас с победой — целыми и невредимыми. Храни вас Бог!

Письмо второе

Доброе утро, дорогие наши воины!

Вот и настал новый день. И, несмотря ни на что — на тревоги, горечь, усталость, грохот орудий и взрывов, боль разлуки и потерь, — снова взошло солнце. Летний день опять вступает в свои права, и июньское утро так прекрасно, что хочется верить — всё обязательно будет хорошо. Просто не может быть иначе.

Вот уже четыре месяца каждое моё утро начинается одинаково — с просмотра новостей. Каждый раз, едва открыв глаза, я первым делом думаю не о своих планах и заботах, а о сводках с фронта.

Раньше я никогда так много не смотрел телевизор, не кликал так часто по новостным ссылкам в Интернете. Но теперь огромную часть моей жизни, моего времени занимает, как сейчас принято говорить, мониторинг СМИ. Весь день я, — да и не только я один, а вся наша огромная страна! — следим за свежей информацией о вашей борьбе, смотрим ролики военкоров, читаем очерки и обзоры журналистов.

Всем нам хочется первыми узнавать о ваших

новых успехах, о каждом вашем шаге навстречу победе. Так мы чувствуем себя ближе к вам и надеемся, что хотя бы при помощи наших писем вы тоже почувствуете наши мысли, нашу тревогу о вас и то, как страстно и искренне мы желаем всем вам скорейшего возвращения домой целыми и невредимыми.

Однажды для всех для нас наступит новое, самое долгожданное утро — утро победы. И мы бесконечно благодарны вам за то, что вы каждую минуту, каждым своим шагом, приближаете этот желанный миг.

Письмо третье

Здравствуйте, наши доблестные воины спецоперации!

Вчерашний день порадовал нас хорошими новостями от вас, — вы замкнули сразу два котла с террористами. Так держать! Мы очень рады за вас, мы гордимся вашими успехами, вашей доблестью и вашим героизмом.

Не хватает слов, чтобы описать то чувство, с которым вся страна встречает новости о ваших победах. Это и радость, и невероятная гордость за вас, и восхищение вашей отвагой и мужеством, и безграничная благодарность.

Сегодня вы не просто сражаетесь с врагом — вы творите историю. От ваших действий зависит то, что ваши дети и внуки со временем будут читать в своих учебниках. И я уверен, что каждый из них с гордостью будет говорить: «Мой папа — настоящий герой! Он участвовал в спецоперации 2022 года».

Желаю вам ещё больше побед и, конечно, скорейшей главной Победы!

Письмо четвёртое

Здравствуйте, наши дорогие братья и сыновья, сражающиеся на Украине с нацистами!

В России вся эта неделя проходит как неделя памяти о Великой Отечественной войне. В эти дни мы вспоминаем своих родителей, дедов и прадедов, переживших такие страшные для нашей страны и для всего мира 1941–1945 годы и отдавших свою жизнь за наше будущее.

Наши предки одержали Великую Победу, разгромили нацистов и покрыли себя неувядаемой славой. И теперь вы — наследники этой славы. Ваши победы — это продолжение их побед. Как и ваши прадеды, вы сражаетесь с нацизмом, не жалея сил и каждую минуту рискуя собственной жизнью, чтобы жизнь тех, кто вам дорог, была мирной, спокойной и счастливой.

Вы продолжаете дело своих прадедов, и они могли бы гордиться вами, — так, как гордимся вами мы. А нашей гордости вами и нашей благодарности вам нет предела.

Мы молимся за вас и с нетерпением ждём вашего возвращения с победой — дня, который станет для всей России таким же великим праздником,

как 9 мая 1945 года.

Храни вас Бог!

Письмо пятое

Здравствуйте, дорогие наши воины, наши герои!

Мы все понимаем, насколько вам сейчас тяжело. Многие из нас тоже знают, что такое война, и знают это не понаслышке. Самое старшее поколение, ваши дедушки, бабушки и прадедушки на всю жизнь запомнили Великую Отечественную — даже несмотря не то, что большинство из тех, кто дожил до наших дней, в те годы были ещё детьми.

Но и в моём поколении — поколении, которое называют «дети детей войны», не все и не всегда видели над головой мирное небо. На долю моих сверстников выпала и война в Афганистане, и другие войны конца двадцатого века и рубежа столетий.

Никто, находящийся в здравом уме из переживших войну или участвовавший в ней, никогда не пожелал бы никому другому подобного опыта. Но всё же всё в этом мире имеет свою оборотную сторону, и даже в самом плохом, самом страшном и отвратительном можно найти что-то хорошее.

Тот, кто своими глазами видел ужасы войны,

никогда не потеряет способности радоваться самым простым вещам: мирной тишине, счастливым улыбкам близких людей, возможности спокойно и беззаботно жить. И всё это — и многое другое, не менее прекрасное, ждёт вас дома. После победы, которая, благодаря вашему ежеминутному героизму, каждый день становится всё ближе и ближе.

Письмо шестое

Здравствуйте, дорогие наши братья и сыновья!

Мы каждый день следим за новостями спецоперации и с тревогой отмечаем, как участились и усилились артиллерийские удары врага по мирным городам и посёлкам Донецка и Луганска. Подобному зверству нет и не может быть объяснений и оправданий.

Те, кто отдаёт и исполняет приказы бомбить детские сады, больницы, школы, рынки, точки раздачи гуманитарной помощи, убивая детей, стариков, женщин, не заслуживают снисхождения. Их действия могут вызывать лишь ненависть. А ещё презрение и брезгливость, — как поведение трусов, загнанных в угол крыс, захлёбывающихся от собственной бессильной ненависти и злобы.

Это понимают даже сами солдаты украинской армии, вынужденные подчиняться зверским и бессмысленным приказам своих командиров. Отдавая себе отчёт в происходящем, они ежедневно сотнями сдаются в плен, на милость победителей — то есть на вашу. И каждый раз удивляются, что, вопреки вражеской пропаганде, вы обращаетесь

с пленными по-человечески, сохраняя достоинство и гордое имя Русского Солдата.

Сил вам, дорогие наши, выдержки и скорейшей победы! Храни вас Бог!

Письмо седьмое

Здравствуйте, дорогие мои солдаты! Сегодня в Москве чудесный солнечный день. Я иду по улице, слышу смех и весёлые голоса играющих детей, вижу счастливые лица встретившихся у метро влюблённых, замечаю энергичную бабушку, бойко обсуждающую что-то на ходу по смартфону. И я понимаю, что всё это — ваша заслуга.

Только благодаря вашему героизму, вашему ежедневному подвигу мы все имеем возможность наслаждаться счастьем мирной жизни. И я прекрасно понимаю, как вы тоскуете по мирной жизни там, на передовой, сражаясь, не жалея сил, за наш покой и счастье.

Как хочется вам переступить порог родного дома, крепко-крепко обнять своих близких, уснуть на собственной привычной кровати и, проснувшись не по тревоге, а просто потому, что выспался и отдохнул, осознать, что наступил прекрасный, спокойный и мирный день. День без войны. И что впереди ещё много-много таких же прекрасных и мирных дней — и у вас, и у всей огромной России, и у жителей тех территорий, которые вы освободили от нацистов.

Знайте, что этот день уже не далёк. И каждый ваш сегодняшний шаг делает его всё ближе и ближе. Мы ждём вас дома, чтобы вместе радоваться миру и покою.

Письмо восьмое

Добрый день, наши дорогие солдаты спецоперации! Самые тёплые и добрые пожелания вам и всем вашим близким!

Хочу, чтобы вы знали, — те, кто вам дорог, ваши матери и отцы, жёны и невесты, сынишки и дочки, все те, кто ждёт вас с победой, — не оставлены без внимания.

Мы все, вся страна, преклоняемся перед вашими родителями, воспитавших вас героями, перед вашими жёнами, самоотверженно ждущими вашего возвращения с неизменной тревогой и надеждой. Те, кто рядом с вашими близкими, постоянно поддерживают их, не дают упасть духом и готовы, если это понадобится, в любую минуту прийти на помощь. Но и те, кто далеко, тоже не остаются безразличными.

Каждый из нас, в меру своих возможностей, старается что-то сделать для ваших близких, как-то поддержать их в столь трудный для них период. Когда я пишу книги, я думаю о том, что их прочитают близкие вам люди. Когда я создаю мультфильмы, я знаю, что их посмотрят ваши дети, — и это вдохновляет меня на то, чтобы сде-

лать их еще интереснее.

Уверен, подобное чувствует каждый из нас. Мы все, как можем, стараемся приблизить вашу победу, — каждый на своем месте, каждый по-своему.

Мы едины в своих усилиях — а значит, победа уже не за горами.

Храни вас Бог!

Письмо девятое

Здравствуйте, мои родные солдаты!

Хорошие новости от вас приходят каждый день. Вы буквально творите чудеса, очищая от нацистов город за городом, посёлок за посёлком. Киевской хунте почти каждый день приходится придумывать новый «окончательный рубеж» обороны, который вы «ни за что не возьмёте» — но который вы прорываете на следующий же день.

В другое время нам было бы просто смешно смотреть на всех этих жалких людишек, катающихся в игрушечных танках «для поддержания боевого духа» своей армии, — брошенной своими командирами, деморализованной и ежедневно сотнями сдающейся в плен. Но сейчас нам не до смеха. Не до смеха, когда гибнут мирные жители, женщины, дети и старики. Не до смеха, когда эти нелюди оскорбляют вас, наших героев, нагло приписывая вам всё то, что делают их собственные вояки. Фантазии арестовичей убоги, и это очевидно любому, кто знает, что происходит в реальности. Недаром жители освобожденных населённых пунктов встречают вас так, как в

сорок пятом по всей Европе встречали Красную армию, освобождающую мир от нацизма.

У каждого из нас своя задача в этой войне. Вы воюете с оружием в руках, мы же сражаемся против их лжи в ваш адрес. Вы громите их, одерживая славные победы, и мы будем стараться выполнить свою работу как можно лучше. Знайте — сколько бы комьев грязи не летело в вас, для своей родины вы всё равно остаётесь чисты.

Мы верим в вас, мы надеемся на вас, мы вас очень любим и ждём.

Письмо десятое

Здравствуйте, наши дорогие защитники!

Как же всё-таки хорошо, что появилась такая акция — возможность написать вам. И теперь мы стараемся, чтобы вы чаще получали весточки из дома. И от ваших близких, родных и друзей, и от знакомых людей, и от тех, кого вы не знаете, но для кого вы стали родными — а нас таких целая страна!

Мы тоже с нетерпением ждём известий от вас, и не только в виде брифингов Министерства обороны. Понимаю, что у вас практически нет возможности звонить близким, но очень прошу вас: пишите им почаще! Пусть хоть пару строк, всего лишь сообщение, что вы живы и благополучны. Поверьте, каждое, даже коротенькое письмо от вас — это праздник для ваших родителей, ваших детей, жён, невест, друзей.

Я очень благодарен им, вашим близким. Вашим мамам и папам, дедушкам и бабушкам — за то, что они воспитали настоящих героев. Я благодарен вашим супругам и невестам — за то, что любят вас, верят в вас, ждут вас. Ну, а вашим детям я стараюсь дарить добрые сказки, которые

они обязательно перескажут вам, когда вы вернётесь с победой!

Храни вас Бог!

Письмо одиннадцатое

Здравствуйте, наши дорогие защитники!

Я очень благодарен вашим близким. Вашим мамам и папам, дедушкам и бабушкам — за то, что они воспитали настоящих героев. Я благодарен вашим супругам и невестам — за то, что любят вас, верят в вас, ждут вас.

Ну, а вашим детям я стараюсь дарить добрые сказки, которые они обязательно перескажут вам, когда вы вернётесь с победой! Храни вас Бог!

Письмо двенадцатое

Здравствуйте, дорогие наши победители!

Сегодня мы узнали прекрасную новость — вы освободили от врага Лисичанск. Каждый россиянин знает, что взятие этого города означает полное освобождение Луганщины. И мы вновь гордимся вашим подвигом. Это победа, и не важно, на каком участке фронта вы сегодня находитесь — это ВАША победа, и каждый из вас — герой.

Вы ежедневно делом доказываете то, что вы достойны святой памяти ваших дедов и прадедов. Вновь, как и тогда, русский солдат бьёт бесноватых нацистов. Вновь он идёт на запад, неся с собой мир и свободу. Вы — воины-освободители, и останетесь в памяти людей именно в этой роли.

Ни для кого не секрет, что сейчас война идёт не только на поле битвы. Боевые действия активно ведутся и на другом фронте — информационном. Запад делает всё возможное, чтобы исказить происходящие события, придать им иную трактовку, по-своему истолковать цели России и этим очернить ваш подвиг. Но все эти усилия в итоге окажутся бесполезны. Всё больше людей в мире

перестаёт верить лживой пропаганде и начинает видеть истинную картину происходящего. Пройдёт ещё немного времени — история расставит всё на свои места, и истина окончательно восторжествует.

Позади Лисичанск. Впереди другие города, где вас уже давно ждут. Вперёд, к новым победам и храни вас Бог!

Письмо тринадцатое

Здравствуйте, дорогие, родные наши воины-освободители! Вместе со мной вас приветствует весь российский народ, и в том числе жители уже освобождённых вами областей Украины.

Благодаря вашему подвигу, на этих территориях, наконец, исчезла атмосфера страха и безнадёжности и стала налаживаться мирная жизнь. Начинают работать предприятия, открываются школы, где никогда больше не будет уроков лжи и ксенофобии, а родной русский язык будет свободно звучать не только на переменах, но и на уроках.

Люди начинают получать пенсии и зарплаты, им больше не грозят голод и нищета. Восстанавливаются разрушенные нацистами дома, больницы вновь в полной мере оказывают помощь и взрослым, и детям. Работает связь, и близкие люди, которых разделила война, снова могут найти друг друга и общаться между собой. Из российского Крыма в освобождённые города пошли автобусы, а вскоре и из Москвы до Севастополя — города русской славы — пойдут через освобождённые территории первые поезда, и

грузовые, и пассажирские.

Всё это стало возможным лишь благодаря вам. Это вы принесли мир на истерзанную землю исторической Новороссии. Люди хорошо это понимают и невероятно вам за это признательны. С каждым днем, с каждым вашим шагом растёт число тех, кто бесконечно благодарен вам и с нетерпением ждёт вас: кто-то вашего прихода на пока ещё подчинённые врагу территории, а кто-то — вашего скорейшего возвращения домой с победой, целыми и невредимыми.

Храни вас Бог!

Письмо четырнадцатое

Здравствуйте, наши родные, дорогие каждому русскому сердцу бойцы! Я представляю себе, как на привале вы слушаете песни под гитару. Наверно, есть среди этих песен и та, в которой есть такие слова: «Ждёт Севастополь, ждёт Камчатка, ждёт Кронштадт, верит и ждёт земля родных своих ребят». — Эта песня о вас.

Это вас ждут от Калининграда до Петропавловска, от Мурманска до Владикавказа и Грозного. Конечно, ждут ваши жены, матери, отцы, дети, друзья, родственники… но ждут и совсем незнакомые люди, для которых вы стали родными.

Миллионы тех, кого вы не знаете, молятся за вас Христу, молятся Аллаху и просто всей душой желают вам победы. И главное — желают вам вернуться целыми и невредимыми. Но не только вся Россия ждет вас — вашего прихода ждет и вашей победы желает и народ Украины, которую вы освобождаете от адского мрака неонацизма.

Да, многие там ещё одурманены пропагандой — но начинают прозревать, и именно вы, ваши подвиги и ваша человечность совершают это чудесное исцеление.

Вы не просто побеждаете врага на поле боя, вы выигрываете более важную битву — битву добра против зла, битву за человеческие души. А мы, как можем, помогаем вам в этом, и будем помогать. Будем бороться с тьмой в душах ваших врагов — и ждать вашего возвращения, целыми, невредимыми и с победой.

Храни вас Бог!

Письмо пятнадцатое

Здравствуйте, дорогие наши братья, здравствуйте, наши герои!

Вся наша огромная страна передает вам свою любовь, своё восхищение вашими подвигами, вашей боевой работой. Ваши близкие думают о вас, ждут вас и любят. Пусть же поскорее они вас дождутся, с победой, целых и невредимых!

Всей душой желаю, чтобы вы почаще получали из дома добрые вести, а дорогие вам люди почаще получали добрые вести от вас. Ничто так не важно для ваших матерей и отцов, жён и невест, сыновей и дочек, как известие о том, что вы живы и благополучны.

Но не только поэтому ваша переписка с родными — огромная ценность. Ваши письма, как и ваши подвиги, тоже творят историю. Они останутся в веках, и через десятилетия и даже столетия, когда никого из нас уже не будет на свете, именно ваши письма расскажут потомкам правду о вас. Так было с письмами солдат Великой Отечественной, так будет и с вашими письмами — письмами героев, продолжающих правое дело своих прадедов.

Храни вас Бог!

Письмо шестнадцатое

Здравствуйте, наши родные воины!

Стараюсь писать вам почаще, потому что знаю, как дорога вдали от дома каждая весточка, как хочется вам знать всё, что происходит в тылу. В армии и, тем более, на войне, начинаешь смотреть на вещи совершенно иначе. То, что раньше казалось пустяком, не стоящей внимания мелочью мирной жизни, становится значимым, и об этом часто думаешь, вспоминаешь в редкие минуты отдыха. И наоборот, то, что выглядело важным, может быть, даже принципиально важным, уходит на второй план.

Потому что сейчас, по большому счёту, для вас важно только одно — одержать победу над врагом и поскорее вернуться домой целыми и невредимыми. И мы все знаем, что каждый ваш шаг приближает нас к этой великой цели. Каждый день мы получаем новые сведения о ваших успехах: об уничтоженных складах боеприпасов, о выведенной из строя или захваченной вами технике, которую шлют с Запада на Украину вместо гуманитарной помощи.

И самое главное — об освобождённых от на-

цистов городах и посёлках и десятках, сотнях, тысячах спасённых жизней. Ваши победы ежечасно приближают тот прекрасный и светлый день, когда с нацизмом на Украине будет покончено навсегда. И, уверен, этот день уже не за горами.

Храни вас Бог!

Письмо семнадцатое

Здравствуйте, дорогие наши сыновья и братья, бойцы спецоперации!

Не могу не поделиться с вами нашим общим горем. Наши враги, нацисты, которых вы бьете, не покладая рук, постоянно обстреливают мирные города и посёлки освобождённого вами Донбасса. Боясь встретиться с вами лицом к лицу в честном бою, эти трусливые твари вымещают зло на мирных жителях, на тех, кто не может им ответить — на женщинах, стариках и детях.

Переданную Западом дальнобойную артиллерию они используют, стреляя по тем местам, где нет ни дислокации войск, ни каких-то военных объектов, а есть только жилые дома, рынки, больницы, школы и детские сады и площадки.

На днях мы потеряли еще четверых детей. Четыре маленькие жизни оборвали снаряды американского, немецкого, французского производства. То, что западная пресса об этом стыдливо молчит, делая вид, что никаких ежедневных обстрелов мирных городов Донбасса нет и в помине, или пытается подтасовать факты, обвинив во всём Россию, уже никого не удивляет.

Но то, что пляшущие под дудку Запада украинские националисты с такой лёгкостью готовы убивать своих же соотечественников, всё ещё никак не укладывается в голове. И можно понять, почему наши общие враги так боятся вас, вашего праведного гнева.

Как бы ни прятались они за внешней бравадой, в душе каждый из них уже давно осознал, что час расплаты неминуем. И он становится ближе с каждым днём, с каждым вашим шагом и новым подвигом, которые вы скромно считаете просто своей работой.

Храни вас Бог!

Письмо восемнадцатое

Родные наши бойцы, солдаты спецоперации!

Сегодня с вами вся Россия. Да и не только Россия — все люди в мире, у кого есть сердце, желают вам успехов, желают, чтобы с вами не случилось ничего плохого, и вы вернулись к своим семьям живыми, здоровыми и, конечно, с победой.

Всё больше людей на Земле понимают, какое важное и благородное дело вы делаете. Вы не только очищаете Украину от нацистской чумы — вы защищаете человечество от угрозы мировой войны, от угрозы ядерного столкновения, от извращённых ценностей, которые силой навязывают всему человечеству западные политики, пытающиеся заставить все страны подчиняться их интересам и жить только по их законам.

Запад понимает, что Россия никогда не согласится на такое. Россия никого не боится, она не позволит никому диктовать ей свою волю и способна отстоять свои интересы. Именно поэтому нашу страну так ненавидят, именно поэтому нас так стараются очернить и культивируют русофобию с помощью наглой лжи и беспардонного передёргивания фактов. И какое-то время это

работало в некоторых странах. Но теперь даже там с каждым днём становится всё больше людей, у которых постепенно спадает с глаз пелена лжи, и которые начинают видеть события более объективно.

Придёт время — и история всех рассудит, расставит всё по своим местам, вернёт людям истинные ценности. И вы, герои-победители, сможете с гордостью говорить своим детям, что это в первую очередь ваша заслуга.

Храни вас Бог!

Письмо девятнадцатое

Здравствуйте, дорогие, родные наши ребята, бойцы спецоперации!

Прекрасно знаю, насколько каждому из вас важно знать, что дома всё хорошо. И хочу вас заверить: это так и есть.

Дома всё хорошо, потому что мы знаем — врагу не удастся превратить Украину в питомник фашистов, разместить на ее территории свои базы, использовать как плацдарм для удара по нашим городам. И каждая уничтоженная вами гаубица или РСЗО, каждый сбитый самолёт или беспилотник — это ваш неоценимый вклад в то, чтобы дома все было хорошо.

Дома всё хорошо — благодаря вам, вашему героизму и самоотверженности. Пока вы боретесь со злом, уничтожаете нацистскую заразу, страна живёт спокойной мирной жизнью, строит и созидает, осваивает Арктику и космос, выращивает пшеницу и учит детей. Мы все работаем, не покладая рук, чтобы вы знали — дома всё хорошо.

Дома всё хорошо, потому что мы уверены — мы под вашей защитой.

Я хочу пожелать вашим близким: родителям,

женам, детям, бабушкам, дедушкам, сестрам, братьям, всем вашим друзьям и близким крепкого здоровья, благополучия и всего самого доброго!

Мы ждем вас — живыми, здоровыми и с победой. Мы готовимся к встрече с вами, и очень хотим услышать от вас замечательные слова: «Я дома. И слава богу, дома все хорошо».

Храни вас Бог!

Письмо двадцатое

Здравствуйте, наши славные чудо-богатыри!

Недавно мне попалось в ленте видео с детьми Донбасса. Видео было снято давно, задолго до начала спецоперации. Дети прятались в подвале от обстрела и пели «Русский, русскому помоги».

Помощи пришлось ждать долго. Она пришла не сразу, и в этом нет ничьей вины. Страна должна была подготовиться к освобождению Донбасса. К сожалению, до этого дня дожили не все. Но те, кто дожил, как они были счастливы, когда в ответ на их молитвы, как ангелы с небес, пришли вы, Освободительная армия России. Вы стали ответом на их молитвы, вы стали спасением, которое они так долго ждали и на которое так надеялись.

Сегодня на освобожденных вами территориях восстанавливается мирная жизнь. На месте разрушенных домов, школ, больниц, вырастают новые, красивые и современные. Начинают работать предприятия, в полях уже вовсю идёт уборка урожая. По Крымскому каналу идет вода для русского Крыма. Все это сделали вы, все это — ваша заслуга.

Я верю в вас, я ни секунды не сомневаюсь,

что вы освободите всю Украину. Вы движетесь вперед, мощные и непоколебимые, как лесной пожар, уничтожающий мертвый сухостой и дающий возможность вырасти новому, здоровому лесу. В пламени вашего праведного гнева сгорит чума нацизма и всё зло, что приносят западные ветра. Идите, дорогие мои, побеждайте — но берегите себя!

Помните, что дома вас ждут ваши родные люди, и миллионы людей, для которых вы стали родными и дорогими. А в их числе и я, ваш Олег Рой.

Письмо двадцать первое

Здравствуйте, наши дорогие защитники Родины!

Вся страна шлёт вам горячий привет и самые добрые наши пожелания. Мы с огромным удовлетворением слышим о ваших новых победах, радостно перечисляем названия освобождённых вами городов и сел и с тревогой говорим о тех горячих точках, где идут напряженные бои. Артемовск и Соледар, Спорное и Покровское, Верхнекаменское и Новолуганское — эти названия сегодня на слуху у всех россиян.

Сегодня уже вся страна знает, что вы воюете не с Украиной — вы воюете с нашими западными врагами за свободу, честь и достоинство России. Вы даёте решительный отпор тем, кто посягает на нашу независимость, кто боится и ненавидит нас, кто всеми силами стремится «наказать» Россию или вместе с бывшим президентом Польши Лехом Валенсой считает, что число русских надо сократить до пятидесяти миллионов.

Похожие цели были в середине прошлого века у немецких нацистов. И наши деды и прадеды когда-то поставили жирный крест на плане «Ост»,

плане геноцида и порабощения русского народа.

Они потушили печи концлагерей и уничтожили орды убийц. Сегодня вы делаете то же самое, вы повторяете их подвиг. Россию никто и никогда не поставит на колени — благодаря вам!

За это вам от всех нас низкий поклон и огромная благодарность.

Храни вас Бог!

Письмо двадцать второе

Здравствуйте, дорогие наши друзья и братья! Пламенный и горячий вам привет от всей нашей большой России!

Это лето выдалось для вас по-настоящему жарким. Но именно благодаря вам, постоянно находящимся в боевом пекле, ваши дети и младшие братья и сёстры, ваши жёны и невесты, матери и отцы, могут жить обычной, мирной летней жизнью.

Вся наша страна чувствует себя уверенно — потому что у неё есть такие защитники, как вы. Это вы даёте возможность фермерам собирать урожаи в полях и огородах, рабочим трудиться на заводах, а детям — наслаждаться летними каникулами. Благодаря вашему героизму, с каждым днём становится всё больше городов и сёл, куда возвращается спокойная мирная жизнь.

Вновь начинают работать магазины и поликлиники, школы готовятся к новому учебному году, люди больше не прячутся в подвалах и не боятся ходить по улицам. По дорогам снова ездит транспорт, и даже на клумбах цветут цветы. И всё это — ваша заслуга.

Пройдёт ещё немного времени — и ваши близкие обязательно дождутся вас, чтобы вместе сесть за праздничный стол, отправиться на прогулку и заняться другими мирными делами. А пока вы на боевом посту, мы будем думать о вас, писать вам письма и молиться, чтобы вы поскорее вернулись — целыми, невредимыми и с победой.

Храни Вас Бог!

Ваш Олег Рой